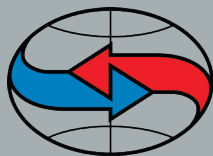

ISSN 2311-6412

Институт стран СНГ

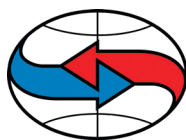
НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

№ 2(34)

Москва

2022

Институт стран СНГ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК

№ 2 (34)

Москва

2022

Председатель Совета учредителей – К.Ф. Затулин

Издатель – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)

Редакционная коллегия:

В.Г. Егоров – главный редактор, доктор экономических наук,
доктор исторических наук, профессор.

С.Я. Лавренов – шеф-редактор, доктор политических наук, профессор.

О.В. Савина – редактор. **Т.С. Митрофаненко** – корректор.

А.А. Горбунов – дизайн-верстка.

Журнал «Постсоветский материк» рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК) в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Редакционный совет:

А.В. Манойло – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

В.В. Штоль – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, главный редактор журнала «Обозреватель-Observer».

А.А. Маркаров – доктор политических наук, профессор Ереванского государственного университета.

М.В. Конотопов – доктор экономических наук, профессор, зам. заведующего кафедры экономической теории ИЭ РАН, заслуженный деятель науки РФ.

О.Д. Кузнецова – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

С.А. Байбаков – доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

М.А. Олимов – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета.

Г. Майтдинова – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) Университета.

М.А. Рахимов – доктор исторических наук, профессор Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан.

А.В. Абрамов – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, главный редактор Электронного журнала «Вестник МГОУ».

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция оставляет за собой право отбора статей для публикаций.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения редакции.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ	4
Я. Н. АДУ. ОГРАНИЧЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМАХ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПОЛИТИКИ СДЕРЖИВАНИЯ.....	4
В. О. КРОТКОВ. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ.....	12
Н. И. МАРГАРЯН. К ВОПРОСУ О ПРИОРИТЕТАХ ИРАНА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ.....	21
Е. А. ШАПОШНИКОВА. УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА. РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВНИ В РОССИИ	30
ЭКОНОМИКА	42
Т. А. БУЛОХОВА, В. А. ОЛЕНЦЕВИЧ. КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРНОГО КОМПЛЕКСА ЕАЭС	42
В. Г. АБРАМЯН, С. А. ПЕТРОСЯН. НОВЫЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ АРМЕНИИ	53
А. С. АКМАТАЛИЕВА. СПЕЦИФИКА НЕТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ	61
Е. Ю. КАТКОВА. ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ КНР В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПАНАМЫ)	75
Н. П. ЕЗДИНА, Е. Ю. ДОЦЕНКО. КОНВЕРГЕНЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ЦИФРОВОГО ТИПА	87
А. А. ЗАБЕЛЛА. ДЖИБУТИ КАК ВАЖНЫЙ ЛОГИСТИЧЕСКИЙ ХАБ КИТАЯ ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ».....	104
ИСТОРИЯ	114
А. В. ГРОЗИН. «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА» КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОЙ АЗИИ. Часть 1.....	114
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»	135
ИНФОРМАЦИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	138

Яо Никэз АДУ

ОГРАНИЧЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМАХ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПОЛИТИКИ СДЕРЖИВАНИЯ

Аннотация

Международные транспортные системы играют ключевую роль во внешней политике каждого государства. Многие страны, в частности мировые державы, такие как США, Китай, Россия и другие, использовали свои международные транспортные системы как инструменты внешней политики в связи со вспышкой пандемии COVID-19.

За объявлением Всемирной организацией здравоохранения COVID-19 пандемией в мире последовало применение ограничительных мер разного рода, каких не было никогда, вплоть до закрытия

государственных границ [1]. Это, безусловно, привело к коллапсу в международных транспортных системах в целом, включая морские, сухопутные и воздушные сообщения. Вслед за ним неизбежно на-

АДУ Яо Никэз – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений РУДН. Адрес: Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. *E-mail*: adu_ya@rudn.university

Ключевые слова: транспорт, внешняя политика, политика сдерживания, пандемия COVID-19.

чалась мировая экономическая рецессия: падение цены на нефть, нехватка продуктов питания и продуктов первой необходимости и т. п. [2].

На первый взгляд принятые меры, связанные с закрытием государственных границ путём ограничения воздушных, сухопутных и морских сообщений и передвижения людей, товаров и услуг, являются не только легитимными, но и обоснованными с точки зрения международного и национального права.

Однако можно не без сожаления заметить за этими мерами политическую подоплёку, не имеющую под собой ничего общего с коронавирусными инфекционными ограничительными мерами. Наоборот, некоторые страны нашли в пандемии возможности воплощения в действительность своих внешних политических амбиций, которые связаны со сдерживанием конкурентов [3].

Следует отметить, что вопрос об ограничении международных транспортных сообщений и внутренних перемещений людей относится исключительно к компетенции каждого государства и исходит из принципа государственного суверенитета [4], под которым подразумевается способность каждого государства самостоятельно проводить свою как внутреннюю, так и внешнюю политику. Таким образом, с точки зрения действующего международного права принятие тем или иным государством решения об ограничении или полном закрытии государственных границ

и введенные разными странами ограничения в международных транспортных системах сообщений можно считать вполне обоснованными и легитимными.

Внутренние нормативные акты государства также предусматривают такую возможность ограничения международных и внутренних транспортных систем сообщений при определённых условиях в эпидемиологических и иных чрезвычайных ситуациях и т. п., например существует ряд федеральных законов о чрезвычайных ситуациях [5–7].

Однако в современных международных отношениях и международном праве, где все государства более взаимосвязаны, осуществление суверенного права каждого государства также должно исходить из интересов других акторов международного общения.

Целью настоящего исследования является рассмотрение ограничительных мер, принятых США и Китаем, США и странами Европейского союза, Россией и Индией.

Гегемонистское противоборство между США и Китаем являлось основанием для принятия ограничительных мер в отношении Китая со стороны США [8]. До пандемии противостояние между США и Китаем характеризовалось напряжённостью в двусторонних отношениях. В целях сохранения своей экономической гегемонии в мире США пошли на беспрецедентную конфронтацию с Китаем [9], что являлось последствием политики администрации президента США До-

нальда Трампа *America First* [10], то есть «Америка на первом месте».

Политика *America First* предлагала превосходство американских, а именно экономических, во-

енных и политических интересов во всем мире, сохранение экономической гегемонии США путём сдерживания прямых конкурентов, таких как ЕС, Китай и Россия [11].

США – Китай

В отношении Китая после фактически исчерпания всех возможных санкций [12], с появлением пандемии возникла возможность конкретизации тех крайних мер, которые США по ряду причин не смогли ввести, в частности ограничения отношений с Китаем путём закрытия воздушного сообщения между этими странами. Следует отметить, что долгое время США обвиняли Китай не только в нарушении прав интеллектуальной собственности, в частности в области современных информационных технологий [12], но и высказывали мнения о том, что китайские студенты в США занимались шпионской деятельностью, в том числе в IT-сфере [13].

Таким образом, объявление о пандемии COVID-19 стало лишь

официальным поводом США для полного ограничения отношений с Китаем. Отношения между США и Китаем в это время критически обострились. США ввели ограничения в отношении Китая путём закрытия въезда гражданам последнего. Необходимо напомнить, что политические оппоненты президента Дональда Трампа от партии демократов и нынешний хозяин Белого дома, президент Джо Байден, тогда обвиняли Трампа в холодности в отношениях с Китаем [8]. Как можно заметить, США, в частности администрация президента Дональда Трампа, воспользовались пандемией COVID-19, чтобы реализовать свою политику сдерживания в отношении Китая.

США – Евросоюз

Долгое время Европа, в частности страны Евросоюза, считала себя ближайшими союзниками США ввиду исторических, экономических и военных связей между ними. Однако, как говорил бывший президент Франции генерал де Голль, «у стран нет друзей – у них есть интересы». Это высказывание так-

же характеризует политику США в отношении их западных союзников. Как и к Китаю, к странам ЕС была применена политика *America First*, а именно увеличение пошлины на ряд товаров, таких как вино, мясо и др., из Старого Света в США [14]. Таким образом, администрация президента Дональда Трампа

проводила жёсткую экономическую политику в отношении своих близких союзников.

Во время пандемии *COVID-19* США в одностороннем порядке закрыли границы не только с Китаем, но и со странами ЕС [15]. Кроме того, США приняли и другие недружественные меры по отношению к последним. Например, неоднократно возникали «масочные кризисы» [16], когда США забирали себе маски, предназначенные для стран-союзников. В целом панде-

мия *COVID-19* показала хрупкость отношений не только между США и странами ЕС, но и между самими европейскими государствами. Значит, национальные интересы должны предопределять всю внешнюю политику государства. Напомним, что ограничительные меры по закрытию государственных границ между странами ЕС принимались в индивидуальном порядке, без предварительного обсуждения между ними, как требуется в нормативных актах сообщества.

Россия – Индия

Если закрытие государственных границ и ограничения международных транспортных сообщений происходили на почве традиционных внешних политических интересов, с одной стороны, то, с другой стороны, было немало положительного: можно было наблюдать, что некоторые государства оставляли себе коридоры для защиты общих интересов (например, отношения между Российской Федерацией и Индией в разгар пандемии). Следует отметить, что за всё время пандемии *COVID-19* Россия никогда не ограничивала международные транспортные сообщения с Индией, даже в период распространения штамма «дельта» (так назвали «индийский вариант» коронавируса). Хотя сама Индия во время распространения «дельты» закрыла себя от всего мира, в том числе от России. Такое отношение объясняется различными причинами экономи-

ческого, военного, политического и технического характера.

Президент России, несмотря на всю серьёзность ситуации с коронавирусом, прибыл в Индию с визитом [17], что не только показывает уровень двусторонних отношений между двумя странами, но и подчёркивает позицию России: ради национальных интересов можно закрыть глаза даже на пандемию.

Таким образом, можно сделать вывод, что российско-индийские отношения показывают другую, положительную сторону внешней политики и интересов государства: что нужно «строить мосты, а не сжигать их» в любой ситуации, в том числе в период пандемии.

В заключение хочется отметить, что международные транспортные системы играют ключевую роль в международной политической системе. Они также являются составной частью внешней политики каж-

дого государства. Их ограничение, безусловно, непосредственно отражается не только на мировой экономике, но и на международной политике в целом. Пандемия COVID-19

показала, что некоторые страны использовали свою международную транспортную систему как средство внешней политики в целях сдерживания своих прямых конкурентов.

Список литературы

1. ВОЗ объявила пандемию нового коронавируса // URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51842591> (дата обращения: 12.02.2022).
2. Громов А. И., Титов А. В. Влияние пандемии COVID-19 на мировой нефтяной рынок / Фонд «Институт энергетики и финансов» // URL: <https://burneft.ru/archive/issues/2020-07/10> (дата обращения: 12.02.2022).
3. США ежегодно тратят около 5 млрд долларов на сдерживание России // URL: <https://www.kp.ru/online/news/4632152/> (дата обращения: 17.02.2022).
4. Устав ООН // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 12.02.2022).
5. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 31.01.2022).
6. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 31.01.2022).
7. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // URL: <https://rg.ru/2020/04/03/fz98-chs-dok.html> (дата обращения: 31.01.2022).
8. *Thomas J. Christensen: A modern tragedy? COVID-19 and US-China relations* // URL: <https://www.brookings.edu/research/a-modern-tragedy-covid-19-and-us-china-relations/> (дата обращения: 17.02.2022).
9. Отношения США и Китая // URL: <https://www.kommersant.ru/theme/3104> (дата обращения: 12.02.2022).
10. *The Long History Behind Donald Trump's 'America First' Foreign Policy* // URL: <https://time.com/4273812/america-first-donald-trump-history/> (дата обращения: 12.02.2022).
11. США ежегодно тратят около 5 млрд долларов на сдерживание России // URL: <https://www.kp.ru/online/news/4632152/> (дата обращения: 17.02.2022).
12. США ввели новые санкции против экономики Китая // URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/16/sankcii/> (дата обращения: 12.02.2022).

13. *Trump Signs Executive Order That Will Effectively Ban Use Of TikTok In the U.S.* // URL: <https://www.npr.org/2020/08/06/900019185/trump-signs-executive-order-that-will-effectively-ban-use-of-tiktok-in-the-u-s> (дата обращения: 12.02.2022).
14. *U.S. to Tax European Aircraft, Agriculture and Other Goods* // URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/02/us/politics/airbus-tariffs-wto.html> (дата обращения: 17.02.2022).
15. *Coronavirus: Trump suspends travel from Europe to US* // URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-51846923> (дата обращения: 17.02.2022).
16. *Fair-play: Une commande française de masques détournée vers les Etats-Unis sur un tarmac chinois* // URL: https://www.liberation.fr/france/2020/04/01/une-commande-francaise-de-masques-detournee-vers-les-etats-unis-sur-un-tarmac-chinois_1783805 (дата обращения: 12.02.2022).
17. *Бросок на Луну: что Путин делал в Индии на самом деле* // РИА Новости // URL: <https://ria.ru/20211206/politika-1762444834.html> (дата обращения: 12.02.2022).

ADU Yao Nikez – *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN. Address: 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation. E-mail: adu_ya@rudn.university*

Keywords: *transport, foreign policy, containment, COVID-19 pandemic.*

INTERNATIONAL TRANSPORT LIMITS DURING THE COVID-19 PANDEMIC AS POLITICAL CONTAINMENT

Annotation

International transport systems are playing an important role in foreign policy of states. Many states like USA, China, Russia and others have used their international transport systems as means of foreign policy during the outbreak of the COVID-19 pandemic.

References

1. WHO has declared a pandemic of a new coronavirus // URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51842591> (accessed: 12.02.2022).
2. Gromov A. I., Titov A. V. *The impact of the COVID-19 pandemic on the world oil market* / Institute of Energy and Finance Foundation // URL: <https://burneft.ru/archive/issues/2020-07/10> (accessed: 12.02.2022).
3. *The United States spends about \$5 billion annually to contain Russia* // URL: <https://www.kp.ru/online/news/4632152/> (accessed: 17.02.2022).
4. UN Charter // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed: 12.02.2022).
5. Federal Constitutional Law of May 30, 2001 No. 3-FKZ "On the state of emergency" // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (accessed: 31.01.2022).
6. Federal Law No. 68-FZ of December 21, 1994 "On the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies" // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (accessed: 31.01.2022).
7. Federal Law No. 98-FZ of April 1, 2020 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the prevention and liquidation of emergency situations" // URL: <https://rg.ru/2020/04/03/fz98-chs-dok.html> (accessed: 31.01.2022).
8. Thomas J. Christensen: *A modern tragedy? COVID-19 and US-China relations* // URL: <https://www.brookings.edu/research/a-modern-tragedy-covid-19-and-us-china-relations> (accessed: 17.02.2022).
9. *US-China relations* // URL: <https://www.kommersant.ru/theme/3104> (accessed: 12.02.2022).
10. *The Long History Behind Donald Trump's 'America First' Foreign Policy* // URL: <https://time.com/4273812/america-first-donald-trump-history/> (accessed: 12.02.2022).
11. *The United States spends about \$5 billion annually on deterring Russia* // URL: <https://www.kp.ru/online/news/4632152> (accessed: 02.17.2022).
12. *The United States has imposed new sanctions against China's Economy* // URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/16/sankcii> (accessed: 12.02.2022).
13. *Trump Signs Executive Order That Will Effectively Ban Use of TikTok in the U.S.* // URL: <https://www.npr.org/2020/08/06/900019185/trump-signs-executive-order-that-will-effectively-ban-use-of-tiktok-in-the-u-s> (accessed: 12.02.2022).
14. *U.S. to Tax European Aircraft, Agriculture and Other Goods* // URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/02/us/politics/airbus-tariffs-wto.html> (accessed: 17.02.2022).

15. *Coronavirus: Trump suspends travel from Europe to US* // URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-51846923> (accessed: 17.02.2022).

16. *Fair-play: Une commande française de masques détournée vers les Etats-Unis sur un tarmac chinois* // URL: https://www.liberation.fr/france/2020/04/01/une-commande-francaise-de-masques-detournee-vers-les-etats-unis-sur-un-tarmac-chinois_1783805 (accessed: 12.02.2022).

17. *Throw to the Moon: what Putin really did in India* // RIA Novosti // URL: <https://ria.ru/20211206/politika-1762444834.html> (accessed: 12.02.2022).

Владимир КРОТКОВ

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ*

Аннотация

В статье анализируются современные процессы, которые неразрывно связаны с феноменом глобализации. Акцентируется внимание на различном теоретико-методологическом инструментарии, с помощью которого идентифицируются основные глобальные тренды (глобализация, деглобализация, глокализация, регионализация). Проводится критический анализ неомарксистского и цивилизационного подходов в рассмотрении международной тематики. Основной фокус статьи направлен на аспекты, касающиеся конституирования и позиционирования новой международной субъектности, которая значительным образом отличается от акторов XX в.

КРОТКОВ Владимир Олегович – доктор политических наук, профессор Государственного университета управления, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук. Адрес: Российская Федерация, 119049, г. Москва, Мароновский переулок, д. 26. *E-mail:* vladimir.dussel@gmail.com

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, глокализация, цивилизация, международная субъектность, Sharp Power, Soft Power.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения государственного задания ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

Введение

О процессе глобализации в различных сферах написано много работ и проведено немало исследований. В последние годы научное сообщество стало по-разному (часто диаметрально противоположно) идентифицировать глобальные изменения. Соответственно, возникает необходимость в анализе различных теоретических концептов, касающихся интерпретации тенденций

развития современных международных отношений. Актуальность данной проблематики заключается ещё и в том, что глобальные процессы XXI в. неразрывно связаны с формированием новых акторов, которые детерминируют правила игры, инструменты влияния и институциональные конфигурации. Цель статьи обусловлена вышеописанным исследовательским фреймом.

Глобализация vs деглобализация

Следует отметить тот факт, что последние годы ряд исследователей акцентируют внимание на новом этапе мировых политико-экономических процессов, которые они связывают со стагнацией и идентифицируют как деглобализацию [1, С. 75–77; 2, С. 40–47; 3, С. 1025–1028]. В частности, О. О. Комолов пишет: «Мировая экономика вступила в фазу деглобализации, о чём свидетельствуют снижение интенсивности международных экономических связей, рост протекционистских тенденций и усиление политической напряжённости в мире» [4, С. 50]. С данной точкой зрения в целом солидарен В. Б. Кувалдин, который интерпретирует неолиберальную глобализацию – 2: «Трещины в глобальном мире пошли после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Динамика и турбулентность последнего десятилетия превратили некоторые из них в опасные разломы,

угрожающие нормальному функционированию и даже жизнеспособности всей системы в целом. На горизонте замаячила явная угроза деглобализации и связанных с ней масштабных потрясений» [5, С. 10].

Данные коннотации достаточно часто носят идеологический характер. Как правило, приведённые интерпретации связаны с марксистским подходом, в рамках которого уже более века утверждается, что капиталистический способ производства изжил себя и должен потерпеть фиаско. Ахиллесова пята марксизма и неомарксистского методологического подхода в исследовании международных отношений заключается в том, что фактически отсутствует субъект преобразований, способный стать авангардом (гегемоном) в процессе свержения капиталистической системы и замены её новой – социалистической. Очевидно, что перманентное апеллирование к трудящимся массам

выглядит предельно абстрактно и внесубъектно.

С высоты XXI в. уже можно вполне обоснованно рефлексировать о категории «социалистический способ производства». Были ли известные практики (СССР, Варшавский блок, просоветские режимы) подлинно социалистическими, основывающимися на общественной собственности на средства производства, преодолевшими эксплуатацию, достигшими общественной свободы, минимизировавшими государство как аппарат принуждения и т. д. или можно лишь говорить о вариациях государственного капитализма (Т. Клифф), олицетворяемого узурпировавшей власть партийно-государственной бюрократией, политической надстройкой которого был тоталитарный политический режим или авторитаризм. Другими словами, предложенные неомарксистами рецепты, механизмы и идеалы не в полной мере релевантны объективно сложившимся отношениям как на национальном, так и на глобальном уровне в эпоху постмодерна. Относительно критики экономической и политической систем с опорой на мир-системный подход (И. Валлерстайн) вполне можно найти рациональные элементы анализа, которые были заложены ещё В. И. Лениным (теория империализма), К. Каутским (теория ультраимпериализма).

Отойдя от марксистской методологии, в рассматриваемом контексте следует констатировать фрагментирование процесса глобализации. Как пишет экс-генеральный

директор ВТО Р. Руджиеро, «протекционизм растёт под давлением общественного мнения и остаётся серьёзной угрозой. Политическая поддержка глобализации повсеместно снизилась» [6, С. 198]. Глобализация изначально была связана с процессом регионализации как защитной, протекционистской мерой со стороны слабых акторов, не способных доминировать в глобальном пространстве. В этом плане Р. Робертсон такие процессы идентифицировал как глокализацию. Следует подчеркнуть, что глобализационный процесс, имманентный капиталистическим отношениям, всегда развивался не в линейно-стадиальном формате. Ему всегда был присущ волнообразный характер, подразумевающий цикличность, фрагментарность, противоречивость. Но в целом он имеет свой гомеостазис, несмотря на многочисленные шоки и кризисы в разных областях жизнедеятельности (особенно в финансовой и экономической сферах). В этом-то и заключается основная имманентная черта глобализации, что данный процесс носит амбивалентный характер, которому также свойственна энтропия.

В данном ключе уместно отметить идеологический аспект оценок современных глобальных метаморфоз. Если марксисты априори опираются на линейно-стадиальный характер истории и любые стагнации, откаты, противоречия трактуют в апокалиптическом русле, что в рамках их телеологического нарратива должно (!) привести к краху глобальной капиталистической си-

стемы, то представители иных школ более осторожно и вариативно анализируют процессы, институты, акторов, технологии и пытаются найти общие закономерности и тренды, а также провести констелляцию, чтобы выявить детерминирующие факторы.

В силу того что ключевым фактором анализа глобальных процессов является роль субъектов, их иницирующих и канализирующих в собственных интересах, необходимо затронуть данный аспект в контексте перехода к постмодернистским практикам.

Теоретико-методологическая концептуализация международной субъектности

Анализ современных глобальных трендов в теоретико-методологическом ключе проводят И. А. Сафранчук и Ф. А. Лукьянов, отмечая, что «системообразующей характеристикой современной международной системы является противоречие между по-прежнему очень высоким уровнем материальной взаимосвязанности государств и их быстро растущей идейно-этической неоднородностью. Тесная взаимозависимость субъектов с конфликтующим мировоззрением порождает рост напряжённости, которую не удаётся снизить в рамках привычных подходов – реалистского и либерального». [7]

Авторы предлагают своё концептуальное разрешение мировых противоречий, используя цивилизационный метод, который хотя и носит аморфный характер, но призван преодолеть субъект-объектные отношения. В этом плане рассматриваемый теоретический инструментарий уже был активно использован Н. Я. Данилевским, О. Шпенглером, А. Тойнби и, конечно, в 1990-е гг. С. Хантингтоном [8]. Но

цивилизационный концепт так и не стал парадигмальным, так как не имеет чётких идентификационных границ, усугубляющихся внутренними противоречиями и конфликтами внутри одной цивилизационной общности [9, С. 243–249], и не в полной мере корреспондирует с основными экономическими, политическими, социальными факторами и акторами. Ключевой вопрос: могут ли весьма широкие культурно-исторические и ментально-социальные критерии являться определяющими для идентификации цивилизационных пространств (ареалов), которые имеют внутреннюю социально-экономическую, этноконфессиональную, языковую, политическую дифференциацию? Цивилизационная концептуализация – это, по большому счёту, попытка найти новые основания для определения субъектности в международных отношениях, тем самым уйти от девальвирующихся суверенитетов государств, распадающихся в функциональном плане международных институций, политически ангажированных ТНК и МФЦ,

противоречивых региональных союзов и альянсов. Но в целом продуктивность этого подхода (исключительно в субъектном контексте) выглядит весьма скептически, не считая культурно-ментальных особенностей различных локаций (национальная или региональная идентичность).

В контексте определения субъектности в системе международных отношений необходимо отметить следующие аспекты: если в предыдущем столетии ключевыми акторами сначала были государства (доминирование Вестфальской системы), на что и опиралась школа реализма, то потом к ним добавились различные международные институты и ТНК (либеральное теоретическое направление). Современная же стадия глобализации (XXI в.) не могла не затронуть один из главных вопросов – виды и роли ключевых акторов, определяющих конфигурацию современных международных отношений и конфликтов. И роль ключевых акторов на фоне девальвации суверенитетов государств и деинституционализации стали играть сложносоставные и многофункциональные комплексы (конгломераты). Это и истеблишмент великих держав (прежде всего гегемона) в тесной взаимосвязи с интересами ТНК, МФЦ, СМИ, военно-политических блоков (НАТО, AUKUS), и крупнейшие региональные субъекты (политические элиты групп государств, ТНК, СМИ, наднациональные союзы), и менее влиятельные игроки (ключевые конти-

ментальные государства (Бразилия, ЮАР) со своим локальным политическим, экономическим, военным влиянием и неформальной институционализацией). То есть вопрос субъектности в современных международных отношениях стал весьма сложным из-за отмеченных многокомпонентных, с широкой аффилиацией конгломератов, которые функционируют в трансграничном и во многом сетевом формате.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что прежние теоретико-методологические основания (роль акторов) в исследовании международных отношений и конфликтов в определённой мере не релевантны современному глобальному правилам игры.

В рассматриваемом плане уместно обозначить тенденцию, связанную с применяемыми основными акторами инструментами влияния и доминирования. Преобладающий в начале XX в. *Realpolitik* к концу столетия сменился на *Soft Power*, а далее трансформируется в *Sharp Power*. Конечно, это не исключает в наше время прагматичных действий, силовых акций и агрессий, но общий тренд всё же имеет место быть. В качестве примера можно привести слова Г. В. Козлова, который провёл фундированный анализ факторов мягкой силы со стороны ключевых мировых акторов в Казахстане. В результате его исследования был сделан один из выводов: «Большинству населения Казахстана импонирует западный образ жизни, поэтому у

США значительное преобладание в этой области над КНР» [10, С. 56].

Инструментарий *Sharp Power* достаточно вариативен (кибератаки, взлом сайтов, фейк-ньюс, сетевое доминирование, манипулирование данными и др.), а также, в отличие от иных способов влияния, очень быстр в применении, не требует больших ресурсов, гибок, что, в свою очередь, разными исследователями не всегда идентифицируется как новый метод (модификация *Soft Power*). В целом можно отметить то, что он, по мнению авторов явления (К. Уокер, Д. Людвиг) [11], направлен на дискредитацию именно демократических ценностей со стороны диктаторских режимов. Но политическая практика показывает, что анализи-

руемые приёмы и методы свойственны всем типам режимной консолидации. В качестве достаточно неагрессивного влияния можно привести политику современной китайской элиты. Как отмечает О. Г. Леонова, «за последнее десятилетие Китай потратил десятки миллиардов долларов на формирование общественного мнения и улучшение своего имиджа за рубежом. При этом он использовал разнообразный инструментарий, включающий в себя: народную дипломатию; широкомасштабные культурные мероприятия; развитие масс-медиа, вещающих на иностранную аудиторию; проведение медийных кампаний с глобальным охватом и образовательные программы» [12, С. 24].

Заключение

Рассматриваемые аспекты международных отношений и конфликтов, которые активно развиваются последние десятилетия, в целом характеризуются глобализационными трендами. В рамках этих процессов наблюдаются различные стадии, которые не детерминированы линейно-стадиальными императивами. Основными драйверами преобразований являются как глобализационные изменения, нивелирующие границы, девальвирующие национальные суверенитеты, унифицирующие правила и нормы, так и контртенденции, заключающиеся в регионализации, антивестернизации, поиске и отстаивании культурно-историче-

ских и цивилизационных идентичностей. В связи с этим различные теоретико-методологические подходы по-разному интерпретируют современную глобальную динамику (глобализация, деглобализация, глокализация).

В анализируемом контексте крайне важным является вопрос об идентификации глобальной и региональной субъектности. В качестве вывода подчёркивается, что основные теоретические школы в исследовании международных отношений (реалисты, либералы, марксисты, сторонники регионализма) идеологически ангажированы и в полной мере не объясняют характер современных

процессов по причине необъективной оценки международных акторов, которые представляют собой сложносоставные многофункциональные конгломераты (экосистемы), имеющие интересы в различных областях (бизнес, политика, медиа, культура, финансы, экология, безопасность), а также трансграничную вертикальную и горизонтальную аффилиацию. В то же время следует признать, что основными сложносоставными и ди-

намичными акторами на мировой арене являются центры силы, которые своим влиянием демонстрируют поэтапное конституирование новой биполярной системы международных отношений. В данном ключе рефлексировал А. А. Громыко, отмечая, что современная архитектура международных отношений во многом обусловлена противостоянием двух полюсов доминирования, олицетворяемых США и Китаем [13, С. 10].

Список литературы

1. Пастухова Н. Б., Барциц А. Л. Суверенитет: от глобализации до деглобализации // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11 (138). С. 75–77.
2. Хатри Д. Повестка дня для БРИКС в эпоху деглобализации // Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика. 2017. № 3. С. 40–47.
3. Адаманова З. О. Методология и проблемы исследования деглобализации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 5-1 (82). С. 1025–1028.
4. Комолов О. О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // Экономическое возрождение России. 2018. № 4 (58). С. 50–63.
5. Кувалдин В. Б. Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 5–13.
6. Руджиеро Р. Остановить деглобализацию мировой экономики // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 5. С. 198–201.
7. Сафранчук И. А., Лукьянов Ф. А. Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 14–25.
8. Huntington S. *The clash of civilizations?* // *Foreign Affairs*. Summer 1993. С. 22–49.
9. Мамадох Э.-И. Х. Внутренние конфликты между арабскими странами // Россия в глобальном мире. СПб., 2006. С. 104–110.
10. Козлов Г. В. Прикладной анализ влияния на Казахстан политики «мягкой силы» США, РФ и КНР // Постсоветский материк. 2020. № 1 (25). С. 32–73.

11. Walker C., Ludwig J. *The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence* // *Foreign Affairs*, 2017. November 16.
12. Леонова О. Г. *Sharp power* – новая технология влияния в глобальном мире // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 2. С. 21–28.
13. Громыко А. А. Коронавирус как фактор мировой политики // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2020. № 2. С. 5–13.

KROTKOV Vladimir O. – *Doctor of Political Sciences, Professor of the State University of Management, Professor of the State Academic University of Humanities. Address: Maronovsky Lane, 29, Moscow, 119049, Russian Federation. E-mail: vladimir.dussel@gmail.com*

Keywords: *globalization, glocalization, civilization, international subjectivity, Sharp Power, Soft Power.*

IDENTIFICATION OF TRENDS IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS: THE FORMATION OF A NEW SUBJECTIVITY

Annotation

The article analyzes modern processes that are inextricably linked with the phenomenon of globalization. Attention is focused on various theoretical and methodological tools, with the help of which the main global trends are identified (globalization, deglobalization, glocalization, regionalization). A critical analysis of Marxist and civilizational approaches in the consideration of international topics is carried out. The main focus of the article is on aspects related to the construction and positioning of the new international subjectivity, which differs significantly from the actors of the XX century.

References

1. Pastukhova N. B., Bartsits A. L. *Sovereignty: from globalization to deglobalization* // *Eurasian Legal Journal*. 2019. № 11 (138). Pp. 78–77.
2. Khatri D. *The agenda for BRICS in the era of deglobalization* // *Bulletin of the Moscow University. Episode 27: Globalistics and Geopolitics*. 2017. № 3. Pp. 40–47.
3. Adamanova Z. O. *Methodology and problems of deglobalization research* // *Economics and entrepreneurship*. 2017. № 5-1(82). Pp. 1025–1028.
4. Komolov O. O. *Deglobalization in the context of global economic stagnation* // *The economic revival of Russia*. 2018. № 4 (58). Pp. 50–63.
5. Kuvaldin V. B. *Globalization and the national state: yesterday, today, tomorrow* // *World economy and international relations*. 2021. Vol. 65. № 1. Pp. 5–13.
6. Ruggiero R. *Stop the deglobalization of the world economy* // *Russia in global politics*. 2009. Vol. 7. № 5. Pp. 198–201.
7. Safranchuk I. A., Lukyanov F. A. *Modern world order: adaptation of actors to structural realities* // *Polis. Political studies*. 2021. № 4. Pp. 14–25.
8. Huntington S. *The clash of civilizations?* // *Foreign Affairs*. Summer 1993. Pp. 22–49.
9. Mamadov E.-I. H. *Internal conflicts between Arab countries* // *Russia in the global world*. St. Petersburg, 2006. Pp. 104–110.
10. Kozlov G. V. *Applied analysis of the impact on Kazakhstan of the policy of «soft power» of the USA, Russia and China* // *Post-Soviet continent*. 2020. № 1 (25). Pp. 32–73.
11. Walker C., Ludwig J. *The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence* // *Foreign Affairs*. 2017. November 16.
12. Leonova O. G. *Sharp power – a new technology of influence in the global world* // *World economy and international relations*. 2019. Vol. 63. № 2. Pp. 21–28.
13. Gromyko A. A. *Coronavirus as a factor of world politics* // *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2020. № 2. Pp. 5–13.

Нина МАРГАРЯН

К ВОПРОСУ О ПРИОРИТЕТАХ ИРАНА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНО- ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ

Аннотация

Статья посвящена вопросам транспортно-логистической политики Ирана в регионе Южный Кавказ. В частности, рассмотрены факторы, влияющие на формирование приоритетов Ирана в отношении МТК «Север – Юг» в противовес МТК «Запад – Восток», основные приоритеты транспортно-логистической политики Ирана в регионе Южного Кавказа в контексте активизации отношений с ЕАЭС, Индией и Китаем, а также расстановки геополитических сил в регионе после 44-дневной войны в Нагорном Карабахе. Кроме того, рассматривается инициатива Ирана по реализации проекта МТК «Персидский залив – Чёрное море» в контексте сложившейся геополитической ситуации в регионе и в соотношении с иными транспортно-логистическими проектами, затрагивающими регион Южный Кавказ.

МАРГАРЯН Нина Ишхановна – преподаватель кафедры политологии Российско-Армянского университета. Адрес: Республика Армения, 0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123. ORCID: 0000-0002-7369-116X. *E-mail*: nina-markaryan@yandex.com

Ключевые слова: Иран, транспортно-логистическая система, транспортная политика, Южный Кавказ, МТК «Север – Юг», ТРАСЕСА, МТК «Персидский залив – Чёрное море».

Введение

Регион Южный Кавказ, расположенный, по сути, на перекрёстке транспортно-логистических путей между Востоком и Западом, на протяжении веков ввиду своего геополитического и геостратегического расположения был и остаётся ареной столкновения интересов не только региональных сил, но и ключевых геополитических игроков, таких как Россия, Иран, Турция, Китай и Индия.

При этом по результатам 44-дневной войны (осень 2020 г.) в Нагорном Карабахе (и трёхстороннего заявления президента Российской Федерации В. Путина, президента Республики Азербайджан И. Алиева и премьер-министра Республики Армения Н. Пашиняна от 10 ноября 2020 г.) накопившиеся в регионе проблемы, в частности относительно разблоки-

ровки транспортных коммуникаций, а также вопросов делимитации и демаркации, не только не нашли своего решения, но и усложнились ввиду изменения расклада сил в регионе, с одной стороны, а также усиления геополитических амбиций ведущих игроков – с другой.

Более того, сложившаяся после 44-дневной войны в регионе геополитическая ситуация, а также углубляющиеся противоречия между основными акторами на международной арене ещё более обострили и без того сложную ввиду наличия ряда конфликтов транспортно-логистическую картину региона, где основное соперничество, в частности, разворачивается между двумя глобальными транспортными проектами: МТК «Север – Юг» и *TRACECA*.

МТК «Север – Юг» и *TRACECA*: геополитическое и транспортно-логистическое соперничество

В сентябре 2000 г. в Санкт-Петербурге в рамках II Евроазиатской конференции по транспорту состоялось подписание соглашения между Россией, Ираном и Индией о создании международного транспортного коридора «Север – Юг» [1]. Депозитарием в рамках соглашения выступила Исламская Республика Иран. В 2002 г., после окончания процесса ратификации соглашения всеми сторонами договора, состоялось подписание протокола об официальном откры-

тии коридора. Позже к проекту МТК «Север – Юг» присоединились также Казахстан, Беларусь, Оман, Таджикистан, Армения, Азербайджан, Сирия. По оценкам экспертов, потенциал грузовых перевозок по МТК «Север – Юг», который связывает Скандинавские страны и северо-западные страны ЕАЭС с государствами Персидского залива и Индийского океана, проходя по территории Кавказа и Средней Азии, составляет от 14,6 до 24,7 млн т в год [2]. В условиях функци-

онирования ЕАЭС МТК «Север – Юг» является ключевым коридором в транспортном каркасе ЕАЭС. Важную роль в функционировании коридора играет также Армения, так как завершение строительства автодороги «Север – Юг», связывающей Армению с Ираном, позволит последнему не только сократить маршрут грузооборота с Россией и далее, в европейские страны, но и получить альтернативный маршрут осуществления грузооборота в обход Турции и Азербайджана.

Другим масштабным проектом региона, составляющим конкуренцию МТК «Север – Юг», является проект *TRASECA* – транспортный коридор «Запад – Восток», позиционирующий себя как проект по возрождению Великого шёлкового пути и связывающий страны Европы, Кавказа и Азии без включения в проект России.

«Основное многостороннее соглашение о международном транспорте по развитию коридора «Европа – Кавказ – Азия» было подписано в сентябре 1998 г. в г. Баку с рядом

оговорок главами Турции, Азербайджана, Армении, Грузии, Молдовы, Румынии, Болгарии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Украины. Одной из основных целей проекта было провозглашено «развитие экономических отношений, торговли и транспортного сообщения в регионах Европы, Чёрного моря, Кавказа, Каспийского моря и Азии» [3]. Согласно проекту, транспортный коридор, беря своё начало в Восточной Европе (Болгария, Молдова, Румыния, Украина), пересекая Турцию, выходит в Чёрное море, к Грузии (Поти, Батуми), затем через Южный Кавказ и Иран, используя наземное сообщение с этим регионом из Турции. Через Баку – Туркменбаши, Баку – Актау транспортный коридор выходит в Туркменистан и Казахстан, далее – в Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, достигая границ Китая и Афганистана [4]. Построение данного транспортного коридора, согласно официальной позиции, позволит интегрироваться в трансъевропейские транспортные сети.

МТК «Север – Юг» и МТК «Запад – Восток» в контексте приоритетов Ирана

Результаты 44-дневной войны в Нагорном Карабахе не только изменили расклад сил в Южно-Кавказском регионе, породив ряд новых противоречий и угроз, но и открыли новые перспективы усиления влияния и переосмысления своего места и роли на Юж-

ном Кавказе для некоторых международных акторов, в частности Ирана, являющегося важнейшим звеном в транспортно-логистической архитектуре региона и вышеотмеченных глобальных проектах международных транспортных коридоров в целом. Более

того, сложившиеся в результате войны геополитические реалии также вывели на новый уровень конкуренцию между МТК «Север – Юг» и МТК «Запад – Восток», значительно усилив политическую роль отмеченных объединений в регионе. Данный фактор особенно важен в свете взаимоотношений Ирана со странами Южного Кавказа и Турцией.

В данном контексте можно выделить несколько факторов, влияющих на формирование приоритетов Ирана в отношении МТК «Север – Юг» и МТК «Запад – Восток»:

1. Взаимоотношения с Азербайджаном. Несмотря на факт активизации диалога между официальным Тегераном и Баку относительно вопросов формирования единой транспортной и энергетической повестки (в частности, в ноябре 2021 г. было подписано Соглашение об осуществлении swap-поставок природного газа из Туркменистана по территории Ирана в Азербайджан в объёме до 1,5–2 млрд куб. м ежегодно [5]), чему предшествовала серия переговоров, взаимных визитов, а также заявления официального Тегерана о вовлечении Баку в геолого-разведывательные работы в иранском секторе Каспийского моря [6]), в ирано-азербайджанских отношениях наблюдается рост напряжённости, что обусловлено, в частности, активным военным сотрудничеством в рамках азербайджано-израильских отношений, а также активной политикой Азербайджана в вопросе ре-

ализации проекта так называемого Мегринского коридора, который в случае запуска, по сути, «отрежет» Иран от Армении, являющейся важным транзитным партнёром Ирана в регионе.

2. Активная политика Ирана в отношении сотрудничества с ЕАЭС (именно в данном контексте, в частности, следует рассматривать нежелательность для Ирана введения в эксплуатацию Мегринского коридора, так как Армения является для Ирана важным звеном в вопросе сотрудничества с ЕАЭС и фактор сохранения прямого сухопутного сообщения с РА играет в данном вопросе ключевую роль), а также стремление к увеличению товарооборота с Россией, Китаем и Индией.

Так, Индия заинтересована в диверсификации транспортно-логистических маршрутов для увеличения товарооборота между Европой и Азией. В данном контексте особый интерес для Индии представляет иранский порт Чабахар с годовой погрузочно-разгрузочной мощностью около 8,5 т [7]. Развитие и эксплуатация порта Чабахар дадут возможность осуществлять товарооборот через Иран в страны Центральной Азии (через Афганистан) в обход Пакистана. Кроме того, использование данного порта и наличие сухопутного сообщения между Ираном и Арменией позволят также увеличить товарооборот с Россией и европейскими странами. В связи с этим ещё в марте 2021 г. посол Индии в Иране выступил с заяв-

лением о намерении включить Армению в создаваемый через иранский порт Чабахар транспортный коридор «Север – Юг».

В качестве важнейшей проблемы в данном контексте следует рассматривать также возникшие в результате 44-дневной войны в Нагорном Карабахе проблемы на межгосударственной трассе М2 (соединяющей Ереван с Ерасхом, Горисом и Мегри), которая, по сути, является единственной действующей, пригодной для движения грузов дорогой, связывающей Иран и Армению. Более того, трасса М2 является составной частью южного направления МТК «Север – Юг», рассматриваемого в качестве транзитного маршрута из Индии и Ирана в южном направлении [8]. Именно поэтому установка Азербайджаном контрольно-пропускных пунктов на некоторых участках автодороги М2 породила ряд проблем и угроз для следующих по данной трассе грузов из Ирана, а также создала угрозы для реализации проекта «Север – Юг».

3. Рост региональных притязаний Турции на Южном Кавказе. Эти, а также ряд других факторов (к примеру, санкционное давление, оказываемое на Иран) дали толчок для переосмысления и усиления роли Ирана на Южном Кавказе, актуализировав инициативный компонент политики страны в регионе, в частности, в вопросе формирова-

ния транспортно-логистического каркаса Южного Кавказа, а также определили приоритеты страны в вопросе выбора между конкурирующими проектами транспортных коридоров.

Так, в мае 2021 г. глава МИД Ирана Мохаммад Джавад Зариф отметил необходимость форсирования реализации проекта железнодорожного сообщения Иран – Нахичевань – Армения [9], проходящего по маршруту Тегеран – Джульфа – Ерасх, через Грузию к Чёрному и Средиземному морям (в обход Турции и Азербайджана), на рынки Азии и Индии (которая также разделяет данный подход), а введение в эксплуатацию отрезка Джульфа – Ерасх даст возможность Ирану эффективно интегрироваться в МТК «Север – Юг», увеличив грузооборот с Россией и повысив эффективность транспортно-логистической политики в данном направлении. Более того, в качестве логического продолжения политического видения логики и структуры южнокавказской транспортной системы министр дорог и градостроительства Ирана Ростам Гасеми в октябре 2021 г. в своём микроблоге в *Twitter* [10] заявил о начале реализации проекта по созданию Кавказского коридора (некоторые эксперты усмотрели в этом заявку на создание альтернативы Мегринскому коридору в противовес геополитическим притязаниям Турции и Азербайджана).

Иран и Южный Кавказ в свете инициативы МТК «Персидский залив – Чёрное море»

Стремление Ирана к диверсификации транспортно-логистических маршрутов (в частности, в противовес Турции), а также усилению роли и влияния в регионе путём инициирования собственных транспортно-логистических проектов нашло отражение в разработке инициативы мультимодального МТК «Персидский залив – Чёрное море», анонсированного в 2016 г., в котором ключевую роль занимает регион Южный Кавказ. К проекту присоединились такие страны, как Армения, Азербайджан, Грузия, Болгария и Греция. При этом дан-

ная инициатива, по сути, учитывая маршрут и геополитические аспекты (в частности, стремление Ирана к активизации сотрудничества с ЕАЭС и Индией), комплиментарна инициативам МТК «Север – Юг» и транспортному измерению проекта «Один пояс – один путь». Так, в ноябре 2021 г. посольство Ирана в Армении, комментируя ход реализации проекта МТК «Персидский залив – Чёрное море», отметило важность участия в проекте, а частности, Армении именно в контексте строительства автодороги «Север – Юг» [11].

Заключение

Протекающие сегодня на международной арене политические процессы значительным образом сказались на возрастании и в некотором смысле трансформации места и роли Южного Кавказа на геополитической карте мира, что, в свою очередь, оказало существенное влияние на оценку собственного места и роли ключевых региональных игроков, в частности Ирана, который от проводимой долгое время политики сохранения баланса в регионе сегодня, очевидно, перешёл к «политике инициативности», что находит своё отражение в инициировании и активном продвижении собственных транспортно-логистических инициатив в регионе. При этом отмеченные транспортно-ло-

гистические проекты являются не просто отражением экономических интересов, а представляют собой геополитическое видение собственного места и роли в регионе и на международной арене в целом.

В данном ключе при рассмотрении конкуренции таких транспортно-логистических проектов, как МТК «Север – Юг» и «Запад – Восток», очевидно, что в интересах Ирана – продвижение инициативы «Север – Юг», реализация которого, по сути, позволит, в частности, сдерживать геополитические притязания Турции на усиление в регионе, а также, в перспективе, особенно с учётом реализации проекта МТК «Персидский залив – Чёрное море», сформировать эффективную транс-

портно-логистическую модель, основанную на принципе мультимодальных перевозок, от Персидского залива до Чёрного моря и далее, в страны Европы. Кроме того, актив-

ная интеграция в МТК «Север – Юг» является логическим политическим продолжением намеченной Ираном линии по сближению с ЕАЭС, Индией и Китаем.

Список литературы

1. Соглашение о международном транспортном коридоре «Север – Юг» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901828641> (дата обращения: 13.01.2022).
2. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: создание транспортного каркаса Евразии: Доклады и рабочие документы 21/5 / Евразийский банк развития, 2021 // URL: https://eabr.org/upload/iblock/c69/EDB_2021_Report_5_INSTC_rus.pdf (дата обращения: 13.01.2022).
3. Основное многостороннее соглашение о международном транспорте по развитию коридора Европа – Кавказ – Азия // URL: http://www.traceca-org.org/fileadmin/fm-dam/pdfs/til_mla/rus/MLA_rus.pdf (дата обращения: 13.01.2022).
4. Бакинская инициатива и саммит 1998 г. // URL: <http://www.traceca-org.org/ru/glavnaja/bakinskaja-iniciativa-i-sammit-1998-g/> (дата обращения: 16.01.2022).
5. Соглашение о своповых поставках газа подписали Иран, Азербайджан и Туркменистан // Электронный журнал «Нефть и Капитал» // URL: <https://oilcapital.ru/news/abroad/29-11-2021/soglashenie-ovopovyh-postavkah-gaza-podpisali-iran-azerbaydzhan-i-turkmenistan> (дата обращения: 16.01.2022).
6. Тегеран и Баку могут скоро подписать нефтегазовое соглашение по Каспию // URL: <https://tass.ru/ekonomika/12983933> (дата обращения: 02.01.2022).
7. Армения и Индия заинтересованы в использовании иранского порта Чабакхар // URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211013/armeniya-i-indiya-zainteresovany-v-ispolzovanii-iranskogo-porta-chabakhar-34235278.html> (дата обращения: 17.12.2021).
8. Заключение по заявке Республики Армения на получение инвестиционного кредита из средств Антикризисного фонда ЕврАзЭС для финансирования проекта «Строительство автодорожного коридора «Север – Юг» (4 очередь)» в размере 150 млн. долларов США, июнь 2014 // URL: <https://efsd.eabr.org/upload/iblock/538/538c695ed5e1d07921df71c29013ef8b.pdf> (дата обращения: 15.10.2021).
9. Наличие железной дороги Иран – Нахичевань – Армения может быть очень эффективным для двух стран – глава МИД Ирана // URL: <https://www.aysor.am/ru/news/2021/05/26/%D0%97%D0%B0%D1%8>

0%D0%B8%D1%84-%D0%9F%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D0%BD/1837313 (дата обращения: 01.11.2021).

10. Официальная страница министра дорог и градостроительства Ирана Ростам Гасеми в микроблоге *Twitter* // URL: <https://twitter.com/RostamGhasemi/status/1445823447129411589?cxt=HHwWisCi4fmwzJAoAAAA> (дата обращения: 01.11.2021).

11. Страны – участницы транзитного коридора Персидский залив – Чёрное море близки к соглашению: посольство Ирана «Арменпресс» // URL: <https://armenpress.am/rus/news/1068604.html> (дата обращения: 13.01.2022).

MARGARYAN Nina I. – *Lecturer, Department of Political Science, Russian-Armenian University. Address: Hovsep Emin st., 123, Yerevan, 0051, Republic of Armenia. ORCID: 0000-0002-7369-116X. E-mail: nina-markaryan@yandex.com*

Keywords: *Iran, transport and logistics system, transport policy, South Caucasus, “North – South” ITC, TRACECA, “Persian Gulf – Black Sea” ITC.*

TO THE ISSUE OF IRAN’S PRIORITIES IN THE SOUTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF REGIONAL TRANSPORT AND LOGISTICS PROJECTS

Abstract

The article is devoted to the issues of transport and logistics policy of Iran in the South Caucasus region. Particularly, were reviewed the factors influencing the formation of Iran’s priorities in connection with the “North – South” ITC and the “West – East” ITC, the main priorities of Iran’s transport and logistics policy in the South Caucasus region in the context of intensifying relations with the EAEU, India and China, as well as the alignment of geopolitical forces in the region after the 44-day war in Nagorny Karabakh. Also, Iran’s initiative to implement the “Persian Gulf – Black Sea” ITC project is being considered in the context of the current geopolitical situation in the region and in connection to other transport and logistics projects in the South Caucasus region.

References

1. *Agreement on the International Transport Corridor "North – South"* // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901828641> (accessed: 01.13.2022).
2. *International transport corridor "North – South": the creation of a transport framework for Eurasia. Reports and working papers 21/5 / Eurasian Development Bank, 2021* // URL: https://eabr.org/upload/iblock/c69/EDB_2021_Report_5_INSTC_rus.pdf (accessed: 13.01.2022).
3. *Basic Multilateral Agreement on International Transport for Development of the Europe-the Caucasus-Asia Corridor* // URL: http://www.traceca-org.org/fileadmin/fm-dam/pdfs/til_mla/rus/MLA_rus.pdf (accessed: 13.01.2022).
4. *Baku Initiative and Summit 1998* // URL: <http://www.traceca-org.org/ru/glavnaja/bakinskaja-iniciativa-i-sammit-1998-g/> (accessed: 16.01.2022).
5. *An agreement on swap gas supplies was signed by Iran, Azerbaijan and Turkmenistan* // *Oil and Capital electronic journal* // URL: <https://oilcapital.ru/news/abroad/29-11-2021/soglashenie-o-svopovyh-postavkah-gaza-podpisali-iran-azerbaydzhan-i-turkmenistan> (accessed: 16.01.2022).
6. *Tehran and Baku may soon sign an oil and gas agreement connected with the Caspian Sea / TASS information agency* // URL: <https://tass.ru/ekonomika/12983933> (accessed: 01.02.2022).
7. *Armenia and India are interested in using the Iranian port of Chabahar* // URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20211013/armeniya-i-indiya-zainteresovany-v-ispolzovanii-iranskogo-porta-chabahar-34235278.html> (accessed: 17.12.2021).
8. *The conclusion on the application of the Republic of Armenia for an investment loan from the EurAsEC Anti-Crisis Fund to finance the project "Construction of the North-South Road Corridor (Phase 4)" for USD 150 million, June 2014* // URL: <https://efsd.eabr.org/upload/iblock/538/53> (accessed: 15.10.2021).
9. *The Iran-Nakhichevan-Armenia railway can be very effective for the two countries – Iranian Foreign Minister* // URL: <https://www.aysor.am/ru/news/2021/05/26/%D0%97% D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%84-%D0%9F%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D0%BD/1837313> (accessed: 11.01.2021).
10. *The official page of the Minister of Roads and Urban Development of Iran Rostam Ghasemi in the Twitter* // URL: <https://twitter.com/RostamGhasemi/status/1445823447129411589?cxt=HHwWisCi4fmwzJAoAAAA> (accessed: 01.11.2021).
11. *The countries participating in the Persian Gulf-Black Sea transit corridor are close to an agreement: the Iranian embassy to Armenpress* // URL: <https://armenpress.am/rus/news/1068604.html> (accessed: 13.01.2022).

Евгения ШАПОШНИКОВА

УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА. РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ УРОВНИ В РОССИИ

Аннотация

Повышение эффективности электорального процесса всех уровней власти, участие политических партий в региональных и муниципальных выборах, демократизация избирательного пространства – необходимость настоящего времени.

Одной из целей модернизации избирательного процесса всех уровней власти в России на протяжении более 20 лет является повышение эффективности электорального процесса всех уровней власти, а также легитимация участия политических партий в федеральных, региональных и муниципальных выборах.

Поиск оптимальной системы выборов всех уровней власти – одна из наиболее популярных тем научных публикаций, выступлений политологов, заседаний органов власти и др.

Муниципальный уровень является наиболее спорным и противоречивым к принятию избирательной системы по партийным спискам.

ШАПОШНИКОВА Евгения Александровна – кандидат политических наук, доцент Российского государственного университета имени С.А. Есенина. Адрес: Российская Федерация, 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. *E-mail*: shaposhnikova-ea@yandex.ru

Ключевые слова: выборы, электорат, избиратели, избирательный процесс, государство, демократия.

Работа над повышением эффективности электоральных процессов регионального уровня власти ведётся с начала 2000-х годов. Реформирование велось параллельно с выстраиванием партийной системы государства.

С 2011 г. в России было введено обязательное применение пропорциональной избирательной системы на муниципальном уровне, что стало серьёзным этапом включения партийной составляющей в выборы представительных органов власти местного уровня. Данный шаг был принят в целях повышения эффективности управления муниципальным уровнем власти со стороны государства, несмотря на его самостоятельность. Исходя из

этого конституционность принятия Федерального закона «О внесении изменений в статьи 35 и 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с применением пропорциональной избирательной системы на выборах депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов» [11] в комплексе видоизменения муниципальных выборов остаётся одной из наиболее обсуждаемых и спорных тем до настоящего времени.

Партийная составляющая выборов процессов регионального и муниципального уровней

В 2011 г. был принят один из наиболее спорных нормативных актов, регулирующих муниципальные избирательные процессы в России, предусматривающий обязательное участие политических партий в выборах представительных органов власти местного уровня, – закон № 38-ФЗ [1].

В соответствии с нормативно-правовым актом в избираемом на муниципальных выборах представительном органе муниципального района, городского округа численностью 20 и более депутатов не менее половины депутатских мандатов распределяется между списками кандидатов, выдвинутых

избирательными объединениями, пропорционально числу голосов избирателей, полученных каждым из списков кандидатов. Затем положения корректируются и вводится возможность смешанной избирательной системы в муниципальных образованиях в зависимости от численности избирателей, вида муниципального образования и некоторых других условий.

Таким образом, в настоящее время законом о местном самоуправлении прописывается, что выборы депутатов представительных органов поселений с численностью населения менее 3000 человек, а также представительных органов поселе-

ний и представительных органов муниципальных округов, городских округов с численностью менее 15 депутатов проводятся по одномандатным и (или) многомандатным избирательным округам. В случае если в избираемом на муниципальных выборах представительном органе муниципального образования часть депутатских мандатов распределяется в соответствии с законодательством о выборах между списками кандидатами, выдвинутых политическими партиями (их региональными отделениями или иными структурными подразделениями), пропорционально числу голосов избирателей, полученных каждым из списков кандидатов, распределению между указанными списками кандидатов подлежит не менее 10 депутатских мандатов [12].

Федеральный закон стал одним из самых спорных, противоречивых и обсуждаемых федеральных нормативно-правовых актов. Основной задачей закона № 38-ФЗ должно было стать создание для малых оппозиционных партий возможности участия в выборах на местном уровне и, соответственно, повышение представительства политических партий на муниципальном уровне и партийной конкуренции. Однако критики усмотрели в принятии данного закона иные задачи, напоминающие скорее попытки введения партийности и реализацию системы административного контроля на всех уровнях власти.

О необходимости принятия данного закона заявлял президент Рос-

сии Д. А. Медведев, объявив в послании Федеральному собранию, что «роль большинства политических партий в работе муниципалитетов пока практически не ощущается» [8]. Именно поэтому было предложено предусмотреть обязательное использование смешанной или пропорциональной системы выборов в муниципальных районах и городских округах с численностью депутатов представительного органа более 20 депутатов.

Уровень субъектов Российской Федерации также затронут реформированием с включением партийной составляющей для его эффективного функционирования в течение более 20 лет. Например, введение обязательного применения избирательной системы партийных списков на выборах представительных органов субъектов Российской Федерации (не менее половины состава представительного органа), реформирование процедуры выборов губернаторов и др.

В 2013 г. начинается либерализация регионального избирательного пространства с целью обеспечения возможности квотирования мест в парламенте субъектов страны в установленных законом случаях для обеспечения представительства малочисленных народов и национальных территориальных образований. При этом предусматривается, что не менее 25 % депутатских мандатов в представительном органе государственной власти субъекта либо в одной из его палат распределяются между партийными списками.

Это становится следствием либерализации партийной составляющей представительных органов регионального уровня. Напомним, что ранее в субъектах страны процент депутатских мандатов в зако-

нодательном (представительном) органе его государственной власти или в одной из его палат распределялся между списками кандидатов, выдвинутых партиями, и составлял не менее 50 %.

Демократизация избирательного процесса путём внедрения передовых технологий

Введение партийной составляющей муниципального избирательного процесса было нацелено на повышение эффективности управления муниципальным уровнем власти со стороны государства. Следует, однако, учитывать, что управляемость муниципальным уровнем власти со стороны государства превращает местное самоуправление в один из уровней властной вертикали.

Несмотря на спорность данного процесса, он шёл в комплексе с такими демократическими инструментами, как:

- повышение открытости местной власти для населения;
- включённость граждан в демократизацию местного самоуправления;
- повышение интереса и рост уровня доверия населения к местным выборным процедурам;
- рост явки избирателей на выборы органов местного самоуправления и др.

Конечно, осуществление данных процедур для населения, а не для галочки остаётся ещё весьма спорным, но следует признать одно: начало процессу демократизации по-

ложено, как далее пойдёт его развитие, в настоящий момент можно лишь попытаться спрогнозировать.

К инструментам демократизации муниципальных выборов следует отнести также возрастание значения применения средств автоматизации при их организации [10].

В 2018 г. более 5,5 млн избирателей использовали возможность открепления по месту фактического проживания через портал «Госуслуги», на протоколах голосования появились QR-коды для повышения качества обработки результатов голосования [4].

К передовым технологиям, которые также могли быть применены в избирательных кампаниях, привлекая большее количество населения (в особенности молодёжь) и разрушая абсентеизм, следует отнести *блокчейн-технологии*.

Суть данной технологии состоит в том, что информация хранится на электронных носителях и какой-либо возможности её изменить не существует. Информация может постоянно пополняться новыми данными, однако удалить что-либо из хранимой информации невозможно. Поэтому при проведении

выборов с применением технологии блокчейн каждому избирателю страны предоставляется по одной виртуальной монете, которая соответствует избирательному голосу, а также электронному кошельку, куда они будут отдавать эту монету (т. е. свой избирательный голос). При применении данной технологии любой человек (в том числе представители избирательных комиссий, наблюдатели на выборах и т. д.) сможет подсчитать поданные голоса и убедиться в честности проведения выборов.

Уникальность голосования с применением данной технологии заключается и в том, что взломать её очень сложно и, следовательно, появляется реальная возможность избежать хакерских атак, существующих при использовании электронного голосования. При этом граждане получают возможность проголосовать, не выходя из дома, что весьма актуально в настоящее время [2].

Технология блокчейн может стать серьёзным элементом системы цифровизации избирательного процесса в России, повысив эффективность выборов в стране. Она привлекла к себе внимание большого количества исследователей-теоретиков и политтехнологов.

Следующим шагом повышения эффективности электорального процесса выборов регионального и муниципального уровней становится введение предварительной стадии избирательного процесса, а именно праймериз. Данная категория определяется как «предстадия выдвижения политическими пар-

тиями кандидатов на выборную должность, характеризующуюся широким привлечением рядовых избирателей к процессу отбора этих кандидатов» [14]. Целью такого «отборочного тура» является выявление претендента на соответствующий пост, наиболее конкурентоспособного, пользующегося поддержкой большинства избирателей-однопартийцев и, следовательно, способного более эффективно представлять партийный электорат на выборах.

Благодаря данной технологии избиратели могут почувствовать себя способными повлиять на исход выборов за счёт определения персонального состава выборных органов и должностей. Использование данной политической технологии:

- исключает попытки со стороны властных структур влиять на результаты выборов;
- способствует минимизации бюрократических элементов в организации и проведении избирательных кампаний;
- повышает уровень доверия населения к выборам.

С точки зрения представителей органов власти и крупнейших политических партий внедрение данной технологии в избирательную практику повышает степень открытости и прозрачности избирательного процесса, а использование и популяризация праймериз во многом будут способствовать минимизации бюрократических элементов в организации и проведении избирательных кампаний.

Однако реальная практика выборов, особенно муниципального уровня, показывает недоработанность многих избирательных технологий в России, а также попытки сделать из этих демократических инструментов очередные административные механизмы контроля.

Например, для введения технологии блокчейн необходимо создать гарантии доступности данной технологии для всех категорий населения, что в настоящее время для России является весьма сложным. Внедрение блокчейна – это путь к созданию высокого стандарта проведения реализации выборов. Об этом необходимо думать на перспективу, оценив результаты использования данной технологии в ряде регионов Российской Федерации.

Праймериз в России сталкиваются с проблемами, свойственными отечественной политической культуре, отличными, например, от американской практики проведения праймериз. Например, процедура праймериз в России увеличивает продолжительность избирательной кампании, и, следовательно, растёт её общая стоимость, возникает проблема повторной мобилизации избирателей, проблема репрезентативности результатов и др. Главная же проблема праймериз в России заключается в том, что данная процедура рассматривается населением в качестве очередного механизма возможностей использования административных ресурсов и не вызывает доверия у избирателей [5].

Поэтому вначале необходимо «создать устойчивую национальную партийную систему с конкурирующими политическими партиями», а потом только пытаться получить результаты от данной демократической процедуры [7].

Тенденцией демократизации и повышения эффективности реализации электоральных процессов в России следует также назвать коррекцию законодателем процедуры сбора подписей и требований к подписным листам:

- для обеспечения их подлинности и исключения фальсификации;
- повышения профессионализма участников избирательного процесса;
- изменения порядка формирования и статуса участковых избирательных комиссий;
- исключения возможности иностранного влияния на политические процессы в стране.

С целью реализации демократизации электоральных процессов в России, недопустимости фальсификации голосов избирателей, обеспечения доступности и прозрачности голосования законодатель ужесточил процедуру и порядок изготовления, передачи и выдачи открепительных удостоверений, ввёл требование о «прозрачности» ящиков для голосования, изменил порядок формирования избирательных округов. Одновременно совершенствуются механизмы обеспечения и реализации гарантий прав граждан при организации и осуществлении голосования, установлении итогов голосования,

определении результатов выборов или референдума, а также опубликования и др. [3]. Для оптимизации процедуры голосования вне помещений для голосования изменены порядки изготовления и применения используемых в день голосования переносных ящиков для голосования и многое другое.

Несмотря на либерализацию законодательства о политических партиях и появление новых акторов в борьбе за власть, состав лидирующих партий остаётся неизменным и, собственно, тенденций к внутривидовым изменениям не имеет.

Ещё со времени федеральных выборов 2011 г. в России наблюдается явный социальный запрос на реальную оппозицию правящей партии. О демократизации в данном направлении говорить не имеет смысла: в России ситуация с фактической однопартийностью не меняется уже около 20 лет. Можно назвать номинальным влияние оппозиционных партий на современный политический и, соответственно, избирательный процесс. Часто справедливо замечают, что такие партии малоподвижны, им не хватает так называемой медийности и общественной поддержки [6].

Однако, несмотря на продолжающееся абсолютное лидерство партии власти, необходимо отметить, что в стране приняты меры по оптимизации избирательного законодательства, смягчению обязательной партийной составляющей представительных органов всех уровней власти, либерализации

процесса создания и регистрации политических партий, а также их участия в выборах и др.

В целом следует отметить, что многие шаги государства, направленные на повышение эффективности избирательного процесса, весьма спорны и неоднозначны. На федеральном уровне всевозможные изменения вызывают большое количество споров на региональном и муниципальном уровнях – абсентеизм, отчуждённость и повышение уровня недоверия органам власти.

Подобным шагом можно назвать введение единого дня голосования, целями которого были:

- оптимизация выборов в стране;
- однократная мобилизация всех сил и ресурсов государства, муниципалитетов, избирательных комиссий;
- сокращение расходов;
- обеспечение большей ясности для населения, когда выбираются все органы;
- устранение такого явления, как «электоральная усталость»;
- экономия времени электората.

Однако данное положение вызывает ряд вопросов как у исследователей, так и у электората в целом относительно истинных целей принятия данного шага.

Так, отмечается, что основной проблемой избирательного процесса на уровне регионов и муниципалитетов можно назвать низкую явку избирателей: в среднем более половины граждан, обладающих избирательным правом, не участвуют в выборах этих уровней из-

за установления единого дня голосования. Невысокая явка обусловлена неучастием в выборах ряда категорий населения.

Например, по данным социологических опросов, наиболее электро- рально активным населением являются люди пенсионного возраста: более 80 % пенсионеров изъявляют готовность участвовать в выборах, но так как единый день голосования был назначен на время пика сезонных и дачных работ, то основная масса пенсионеров не может реализовать своё конституционное право [9].

Вопросы повышения эффективности и легитимности региональных и муниципальных выборов являются актуальной темой политологических исследований в стране уже не одно десятилетие. Но одно безусловно: организационно-правовое регулирование электоральных процессов в стране должно быть направлено на разработку системы мер:

- по повышению явки избирателей;

- привлечению молодёжи к участию в выборах;

- пересмотру даты единого дня голосования (с целью достижения эффективных результатов выборов и полноценной реализации конституционных прав всех категорий граждан);

- разработке подробного алгоритма действий, направленного на снижение нарушений для избирательных комиссий всех уровней, для специалистов, контролирующих выборы начиная с проведения предвыборных кампаний и заканчивая подсчётом голосов;

- созданию теоретического обоснования использования административного ресурса при проведении выборов на законодательном уровне;

- контролю по соблюдению предписанных ограничений политическими партиями и кандидатами;

- выработке для каждой избирательной комиссии субъекта Федерации плана работы по информационному обеспечению выборов для повышения уровня доступности информации. Необходимо также организация оказания юридических консультаций для электората по вопросам избирательного права.

Проанализировав сложившуюся практику региональных выборов, можно сделать вывод: «...федеральная власть остаётся главным актором региональных электоральных процессов в современной России, сохраняя контроль над правящими региональными элитами через управление процессом инициации кандидатур на посты губернаторов и имея в своих руках самые мощные средства, необходимые для победы на губернаторских выборах, – ресурс общенациональных средств массовой информации и контроль за поведением крупного федерального бизнеса» [13]. А на примере выборов в Рязанской области можно утверждать, что при ослаблении центра и прекращении или ограничении ресурсной поддержки высока вероятность того, что сложившийся в регионе режим может ожидать кризис и трансформация в более автономном и органичном для региональных условий направлении [1].

Для оптимизации выборов в стране политика государства должна быть направлена на формирование условий повышения эффектив-

ности электорального процесса всех уровней власти за счёт организационно-правового регулирования избирательного процесса.

Список литературы

1. Авдонин В. С. Рязанская область: «Умеренный» авторитаризм становится жёстче // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ryazanskaya-oblast-umerennyy-avtoritarizm-stanovitsya-zhestche> (дата обращения: 15.03.2022).
2. Алексеев Р. А. Блокчейн как избирательная технология нового поколения – перспективы применения на выборах в современной России // Вестник МГОУ. 2018. № 2. С. 3–10.
3. Андреева Л. А., Красовская Н. Р., Степанов И. С. Проблема защиты гражданских прав в избирательном законодательстве Российской Федерации // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zaschity-grazhdanskih-prav-v-izbiratelnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 15.03.2022).
4. Зикеев В. Цифровизация избирательного процесса // URL: https://zakon.ru/blog/2019/1/25/cifrovizaciya_izbiratel'nogo_processa (дата обращения: 18.03.2022).
5. Кынев А. Как, зачем и почему: причины и уроки праймериз «Единой России» – 2016 / Официальный сайт Московского центра Карнеги // URL: <https://carnegie.ru/commentary/63656> (дата обращения: 15.03.2022).
6. Никоненко С. А. Навстречу думским выборам 2016 г.: готовность и предпосылки взаимодействия политических партий и гражданского общества // Вестник Тамбовского государственного университета. 2015. № 4. С. 5–14.
7. Перевышин Н. В. Территориальные общественные праймериз как основа развития российского парламентаризма // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1. С. 148–160.
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30 ноября 2010 г. // Российская газета. 2010. № 271. 1 декабря.
9. Рогозина О. А., Нагорная М. С. Управление избирательным процессом: проблемы и перспективы // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-izbiratelnyim-protsessom-problemy-i-perspektivy-na-primere-vyborov-v-zakonodatelnoe-sobranie-chelyabinskoy-oblasti-v-2015-g> (дата обращения: 25.03.2022).
10. Трусова А. В. Муниципальный избирательный процесс в Республике Башкортостан на современном этапе // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnyy-izbiratelnyy-protsess-v-respublike-bashkortostan-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 18.03.2022).

11. Федеральный закон от 20 марта 2011 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статьи 35 и 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с применением пропорциональной избирательной системы на выборах депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 13. Ст. 1685.
12. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 15.03.2022).
13. Чувилина Н. Б. Современные тенденции электорального процесса в Республике Башкортостан // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-elektoralnogo-protsessa-v-respublike-bashkortostan> (дата обращения: 06.03.2022).
14. Шишкина Н. Э. «Праймериз» как предстудия избирательного процесса // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praymeriz-kak-predstadiya-izbiratel'nogo-protsessa> (дата обращения: 11.03.2022).

SHAPOSHNIKOVA Evgenia A. – *Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russian State University named after S.A. Yesenin. Address: st. Svobody, 46, Ryazan, 390000, Russian Federation. E-mail: shaposhnikova-ea@yandex.ru*

Keywords: *elections, electorate, voters, electoral process, state, democracy.*

CONDITIONS FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE ELECTORAL PROCESS. REGIONAL AND MUNICIPAL LEVEL IN RUSSIA

Annotation

Improving the efficiency of the electoral process at all levels of government; participation of political parties in regional and municipal elections; democratization of the electoral space is a necessity of the present time.

References

1. Avdonin V. S. *Ryazan region: "Moderate" authoritarianism is getting tougher* // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ryazanskaya-oblast-umerennyi-avtoritarizm-stanovitsya-zhestche> (accessed: 03.15.2022).
2. Alekseev R. A. *Blockchain as an electoral technology of a new generation – prospects for application in elections in modern Russia* // *Bulletin of the Moscow State University*. 2018. No. 2. Pp. 3-10.
3. Andreeva L. A., Krasovskaya N. R., Stepanov I. S. *The problem of civil rights protection in the electoral legislation of the Russian Federation* // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zaschity-grazhdanskih-prav-v-izbiratelnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 03/15/2022).
4. Zikeev V. *Digitalization of the electoral process* // URL: https://zakon.ru/blog/2019/1/25/cifrovizaciya_izbiratelного_processa (accessed: 03.18.2022).
5. Kynev A. *How, why and why: the reasons and lessons of the primaries of "United Russia" – 2016* / *Official website of the Carnegie Moscow Center* // URL: <https://carnegie.ru/commentary/63656> (accessed: 03.15.2022).
6. Nikonenko S. A. *Towards the 2016 Duma elections: readiness and prerequisites for interaction between political parties and civil society* // *Bulletin of Tambov State University*. 2015. No. 4. Pp. 5–14.
7. Perevyshin N. V. *Territorial public primaries as a basis for the development of Russian parliamentarism* // *Citizen. Elections. Power*. 2021. No. 1. Pp. 148–160.
8. *Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of November 30, 2010* // *Rossiyskaya Gazeta*. 2010. No. 271. December 1.
9. Rogozin O. A., Nagornaya M. S. *Electoral process management: problems and prospects* // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-izbiratelnyim-protsessom-problemy-i-perspektivy-na-primere-vyborov-v-zakonodatelnoe-sobranie-chelyabinskoy-oblasti-v-2015-g> (accessed: 03.25.2022).
10. Trusova A. V. *Municipal electoral process in the Republic of Bashkortostan at the present stage* // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnyy-izbiratelnyy-protsess-v-respublike-bashkortostan-na-sovremennom-etape> (accessed: 03.18.2022).
11. *Federal Law No. 38-FZ of March 20, 2011 "On Amendments to Articles 35 and 38 of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" and to the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" in Connection with the Application of proportional electoral system at the elections of deputies*

of representative bodies of municipal districts and urban districts” // SZ RF. 2011. No. 13. St. 1685.

12. *Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 (as amended on December 30, 2021) “On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation” // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571 / (date of address: 03.15.2022).*

13. *Chuvilina N. B. Modern trends of the electoral process in the Republic of Bashkortostan // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-elektoralnogo-protssessa-v-respublike-bashkortostan> (accessed: 06.03.2022).*

14. *Shishkina N. E. “Primaries” as a stage of the electoral process // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praymeriz-kak-predstadiya-izbiratel'nogo-protssessa> (accessed: 03.11.2022).*

Татьяна БУЛОХОВА

Виктория ОЛЕНЦЕВИЧ

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРНОГО КОМПЛЕКСА ЕАЭС

Аннотация

В условиях роста объёмов перевозок между Европой и Азией, развития международных транзитных коридоров железнодорожный транспорт играет ключевую роль, о чем свидетельствует его доля в общем объёме перевозок грузов и грузообороте ЕАЭС в целом и в разрезе стран-участниц. Нарращивание транспортного потенциала в рамках союза реализуется путём интенсивного строительства и модернизации действующих путей сообщения, создания объектов транспортной инфраструктуры.

В рамках представленной научной статьи проведён анализ инфраструктурных проектных решений, направленных на развитие транспортной отрасли, реализуемых в рамках ЕАЭС, позволяющий выявить слабые места и предложить эффективные решения. С целью привлечения допол-

БУЛОХОВА Татьяна Александровна – кандидат экономических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

ОЛЕНЦЕВИЧ Виктория Александровна – кандидат технических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения. Адрес: Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, стр. 15. *E-mail*: bulohova_t1978@mail.ru

Ключевые слова: международные транспортные транзитные коридоры, транспортная инфраструктура, железнодорожные инвестиционные проекты, целевая надбавка, тариф.

нительных инвестиционных средств авторами предложено в транзитном тарифе предусмотреть инвестиционную составляющую на финансирование программ развития инфраструктурного комплекса ЕАЭС.

Введение

Определяющим аспектом благосостояния экономики любого государства является эффективная организация работы транспортного комплекса страны, зависящая в том числе и от уровня развития транспортно-логистической инфраструктуры.

Транспортный комплекс стран – участниц ЕАЭС представлен автомобильным, железнодорожным, воздушным и внутренневодным видами транспорта, имеющими свою целесообразную область применения в условиях единого транспортного пространства. Однако с позиции преимуществ использования того или иного вида транспорта в условиях роста перевозок сырье-

вых товаров, потребности в снижении уровня себестоимости и сроков доставки грузов, усиления системы контейнеризации грузовых перевозок, конкурентоспособного участия в международных транспортных транзитных коридорах и т. д. уровень развития именно железнодорожного транспорта и его инфраструктуры становится наиболее острым [1, 2].

В связи с данными факторами является актуальным анализ проблем и перспектив развития железнодорожного транспорта и его инфраструктуры в условиях реализации грузового транзитного потенциала государств – членов ЕАЭС [3].

Анализ инфраструктурных проектных решений, направленных на развитие транспортной отрасли, реализуемых в рамках ЕАЭС

На сегодняшний день инфраструктурное транспортное строительство в ЕАЭС на 65 % финансируется из бюджета стран-участниц [4], что является недостаточным. Так, по оценкам экспертов, степень износа и технического устаревания транспортно-логистической инфраструктуры в ЕАЭС составляет более 70 % [4], что ставит вопрос о

её модернизации в число приоритетных направлений развития ЕАЭС. В связи с этим в дорожной карте предусмотрено создание благоприятных условий, способствующих привлечению инвестиций на развитие и модернизацию транспортной инфраструктуры в целях развития транзитного потенциала союза и государств-членов.

В рамках рабочей группы сформирован перечень совместных проектов государств – членов Евразийского экономического союза в сфере транспорта и инфраструктуры. Всего в настоящее время в перечень входит 8 проектов, из которых 6 относятся к мероприятиям по разви-

тию автомобильной инфраструктуры и 2 – к железнодорожной [3, 5].

На основании [3–5] авторами составлена таблица 1, где приведён перечень реализации инфраструктурных проектных решений, детализированный в разрезе железнодорожных проектов и государств.

Таблица 1

Характеристика железнодорожных инфраструктурных проектных решений в государствах – членах ЕАЭС

Наименование проектного решения	Характеристика проектного решения	Условия реализации
Республика Беларусь		
<p>Строительство высокоскоростной магистрали (ВСМ) граница Российской Федерации – Минск – граница Республики Польша как части проекта создания высокоскоростного железнодорожного коридора Китай – Европа</p>	<p>Проект ВСМ «Евразия». В реализации проекта заинтересованы Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Казахстан, КНР. В августе 2017 г. ОАО «РЖД» предложила Белорусской железной дороге принять участие в разработке и оценке предварительного технико-экономического обоснования реализации проекта развития высокоскоростного грузопассажирского железнодорожного коридора «Евразия» (Пекин – Урумчи – Достык – Нур-Султан – Челябинск – Екатеринбург – Казань – Москва – Минск – Берлин). Проект предполагает создание высокоскоростного грузопассажирского транспортного коридора между Китаем и ЕС.</p> <p>Протяжённость коридора «Евразия» составит 9447 км, по территории Республики Беларусь – 615 км.</p> <p>Стоимость проекта, по оценке российских экспертов, составляет порядка 118 млрд долл. США. Стоимость участка Красное – Брест по территории Республики Беларусь – 14,2 млрд долл. США</p>	<p>Стратегией инновационного развития транспортного комплекса Республики Беларусь до 2030 г. предусмотрена реализация проекта высокоскоростных перевозок</p>

Продолжение таблицы 1 на следующей странице

Продолжение таблицы 1

Киргизия		
<p>Строительство железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан</p>	<p>Проект «Достук» является оптимальным для Кыргызской Республики с учётом перспективного соединения севера и юга республики железными дорогами и создания единой сети железных дорог.</p> <p>Новый железнодорожный коридор станет южным ответвлением континентального моста Евразии и откроет доступ на рынки Юго-Восточной, Западной Азии и стран Ближнего Востока.</p> <p>Данный маршрут сможет обеспечить доставку грузов из Китая в Кыргызстан, далее, в страны союза, а также в страны Ближнего Востока, в том числе Турцию, и далее.</p> <p>Проект обеспечит повышение конкурентоспособности на международном рынке транзитных перевозок в направлении Юго-Восточная Азия – Западная Азия, Ближний Восток за счёт сокращения расстояния. Заинтересованность в развитии транзитных перевозок по данному направлению, прежде всего, проявляют китайские предприятия.</p> <p>Экспертная оценка общей стоимости и дополнительных инвестиций в проект – 4,8 млрд долл. США</p>	<p>В настоящее время тремя странами создана рабочая группа по реализации проекта. Ведётся работа над основными вопросами по определению технических стандартов железной дороги и финансированию проекта</p>

Продолжение таблицы 1 на следующей странице

Продолжение таблицы 1

Россия		
Первый этап высоко-скоростной магистрали Москва – Казань	Строительство первого этапа ВСМ Москва – Казань (ВСМ Железнодорожный – Гороховец) с организацией движения от Москвы до Нижнего Новгорода – пилотный проект высоко-скоростного сообщения в России	Магистраль должна стать первым участком нового транзитного коридора «Евразия». В среднесрочной перспективе предполагается её продление до Казани и Екатеринбурга, а в более отдалённой – до Пекина на востоке и Берлина на западе
Увеличение пропускной и провозной способности инфраструктуры для увеличения транзитного контейнеропотока	Инвестиционные затраты за 2019 год – 0,8 млрд руб. Цель проекта – увеличение транзитного контейнеропотока в 2024 г. в четыре раза по отношению к 2018 году. В 2019 году велась разработка проектной документации	

В таблице 2 приведён анализ данных по количеству и объёму инвестиций в железнодорожные инвестици-

онные проекты, а также определён их удельный вес в общем объёме инвестиционных проектов [4] (рис. 1).

Таблица 2

Данные по железнодорожным инвестиционным проектам, реализуемым странами – участницами ЕАЭС в период 2018 – 2022 гг.

Кол-во объектов / объем инвестиций, (млн долл.)	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия	ЕАЭС
Всего, в том числе по видам деятельности:	25 / 3956	83 / 33 805	117 / 121 378	28 / 9794	369 / 562 851	622 / 777 088
Транспортное строительство, в том числе:	9 / 2012	7 / 1213	15 / 47 391	6 / 1301	75 / 107 115	112 / 159 032
Железнодорожные объекты	–	–	2 / 42 389	–	8 / 33 985	10 / 76 374
Удельный вес в транспортное строительство, %	–	–	89,4	–	31,7	48

Рис. 1. Удельный вес инвестиционных затрат на транспортное строительство в общем объеме инвестиций

Так, как видно из таблицы 2 и рисунка 1, наибольшая доля транспортного строительства приходится на республику Армения – 51 %. На втором месте – Казахстан (39 %), в России доля инвестиционных проектов в транспортную инфраструктуру составляет 19 %.

Рассматривая удельный вес инвестиций в железнодорожную инфраструктуру в общем объеме транспортных инвестиций, видим, что по Казахстану доля составляет 89 %, по Российской Федерации – 31,7 % (таблица 2). В целом по ЕАЭС доля инвестиций в железнодорожные объекты составляет 48 %, что ещё раз подтверждает большую капиталоемкость отрасли.

Проведенный анализ позволил выявить, что реализация инфраструктурных проектов имеет ряд специфических особенностей, которые следует принимать во внимание при оценке проектов:

- длительные сроки реализации ввиду масштаба и ресурсоемкости проектов;

- наличие постоянного дефицита финансирования;
- высокий инвестиционный порог для реализации;
- значительные сроки возврата инвестиций;
- высокая капиталоемкость;
- мультипликативный эффект.

Значительный опыт финансирования инфраструктурных проектов в рамках ЕАЭС накоплен у Евразийского банка развития. Банк уделяет преимущественное внимание финансированию проектов по развитию энергетики, транспорта и инфраструктуры. Так, в 2020 г. проекты в данных отраслях составили 14,5 % (энергетика) и 25,3 % (транспорт и инфраструктура) от объема текущего инвестиционного портфеля [3–6].

В инфраструктурном строительстве в ЕАЭС также расширяется практика государственно-частного партнерства, в первую очередь в Казахстане и России. Казахстан осуществил строительство железнодорожных веток Шар – Усть-Каме-

ногорск, Ералиево – Курык, Жетыген – Коргас, Жезказган – Бенеу на условиях концессии на общую сумму 2,4 млрд долл. [3–6]. Инфраструктурными проектами в России, реализованными на принципах государственно-частного партнёрства, являются федеральная трасса М11 Москва – Санкт-Петербург, которая входит в состав международных транспортных коридоров Восток – Запад и Север – Юг, порт Сабетта в Ямало-Ненецком автономном округе, на Карском море, а также МТЛЦ «Южноуральский» в Челябинской области [3–6].

Таким образом, как показал анализ, на сегодняшний день в странах ЕАЭС реализуются крупные инвестиционные проекты, направленные на обновление транспортной инфраструктуры. Железнодорожные инфраструктурные проекты реализуются в Казахстане и в России. Источниками инвестиций выступают как средства государства, так и частные инвестиции. Однако, несмотря на это, железнодорожная инфраструктура стран – участниц ЕАЭС имеет вы-

сокую степень износа. Поэтому встаёт актуальный вопрос поиска дополнительных источников финансирования модернизации инфраструктуры. В этом ключе заслуживает внимания опыт Российских железных дорог по установлению долгосрочных тарифов в соответствии с тарифной политикой, принятой на период 2019–2025 гг.

Согласно данному документу, предусматривается наряду с ежегодной индексацией на уровне инфляции минус 0,1 процентного пункта устанавливать дополнительные целевые надбавки (в виде коэффициента дополнительной индексации тарифов) к тарифам для финансирования мероприятий:

- по капитальному ремонту инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования в размере 1,02 на период 2019–2025 годов;

- по компенсации расходов, связанных с корректировкой налогового законодательства Российской Федерации, в размере 1,015 на период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2021 г. включительно [2, 5, 8].

Ключевые аспекты финансирования программ развития инфраструктурного комплекса ЕАЭС

На основе проведённого анализа считаем целесообразным в транзитном тарифе предусмотреть целевую надбавку, которая будет направлена на финансирование программ развития инфраструктурного комплекса ЕАЭС. Для этого необходимо разработать со-

вместную со странами – участницами ЕАЭС программу развития железнодорожного транспорта, в которой были бы закреплены общие технологические ключевые показатели эффективности железнодорожного транспорта и ответственность за их достижение.

Авторы по результатам проведенных исследований выделяют следующие предложения по оптимизации процессов обновления инфраструктуры железнодорожного транспорта и подвижного состава в рамках технических регламентов Таможенного союза ЕАЭС.

Ввиду того что были предприняты шаги по стандартизации, унификации процессов по перевозке грузов и пассажиров между странами – участницами ЕАЭС (вступление в силу с 2013 г. технических регламентов «О безопасности железнодорожного подвижного состава», «О безопасности ин-

фраструктуры железнодорожного транспорта», «О безопасности высокоскоростного железнодорожного транспорта»), на наш взгляд, требуется дальнейшая работа в этом направлении, в частности речь идет о разработке единого типового технологического процесса на перевозку грузов и пассажиров. На сегодняшний день разработаны Рекомендации № 41 «О перечне индикаторов качества транспортных услуг в Евразийском экономическом союзе», в которых определены основные критерии оценки качества транспортных услуг [8].

Заключение

Именно общая унификация и стандартизация железнодорожных процессов позволят повысить безопасность перевозок, улучшить качественные показатели, такие как скорость доставки, время, что позволит привлечь дополнительные объемы перевозок и, соответственно, дополнительные инвестиционные средства на обновление инфраструктуры и подвижного состава. В докладе Евразийской экономической комиссии «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза» в разделе «Регулирование в сфере транспорта» обозначается, что в отношении стандартизации услуг железнодорожного транспорта ба-

рьеров не существует. Определенные серьезные шаги в этом направлении уже сделаны в дорожных картах, в которых зафиксированы меры по внедрению технологических схем взаимодействия всех участников перевозочного процесса в целях его «бесшовности», координация развития транспортной инфраструктуры и др. [9, 10].

Данные меры, на наш взгляд, позволят привлечь дополнительные объемы перевозок грузов, наращивать транспортный потенциал союза, конкурентоспособность на рынке транзитных перевозок и, соответственно, создать условия для социально-экономического развития стран-участниц.

Список литературы

1. Стратегия развития холдинга «РЖД» на период до 2030 года // ОАО «РЖД». М., 2013. 49 с.
2. Российские железные дороги: официальный сайт // URL: <http://www.rzd.ru> (дата обращения: 05.02.2022).
3. Евразийский экономический союз в цифрах: Крат. стат. сб. М., 2020. 213 с.
4. База данных крупнейших инвестиционных проектов в строительстве государств – членов ЕАЭС на период 2018–2022 гг. М., 2022. 46 с.
5. Мониторинг реализации в государствах-членах перечня совместных проектов государств-членов в сфере транспорта и инфраструктуры: Аналит. докл. М., 2020. 23 с.
6. Булохова Т. А., Перетолчина А. С. Уровень развития железнодорожной инфраструктуры как фактор обеспечения клиентоориентированности отрасли и устойчивого развития регионов // Развитие экономической науки на транспорте: экономическая основа будущего транспортных систем: Сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Н. А. Журавлёвой. СПб., 2019. С. 147–154.
7. *Automation of the procedure for assessing the quality of transport service for the population in the conditions of digitalization of the railway transportation system* / T. A. Bulokhova, V. A. Olentsevich, V. Y. Konyukhov, D. A. Lysenko // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46751414> (дата обращения: 23.03.2022).
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2017 года № 2991-р. Тарифная политика в сфере перевозок грузов железнодорожным транспортом общего пользования на 2019–2025 годы.
9. *Application of correlation analysis in the study of passenger service quality indicators* / V. E. Gozbenko, S. K. Kargapol'tsev, V. A. Olentsevich, T. A. Bulokhova, Yu. I. Karlina, M. G. Shtayger, A. I. Karlina // <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2021.07.107> (дата обращения: 23.03.2022).
10. Пути совершенствования хозяйственного механизма при развитии клиентской базы грузовых перевозок / Н. В. Кроль, Н. Н. Григорьева, В. А. Оленцевич, Р. Ю. Упырь // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. 2019. № 4 (64). С. 155–161.

KEY ASPECTS OF FINANCING THE DEVELOPMENT PROGRAMS OF THE EAEU INFRASTRUCTURE COMPLEX

BULOKHOVA Tatyana A. – *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Irkutsk State University of Railway Transport.*

OLENCEVICH Viktoriya A. – *Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of Irkutsk State University of Railway Transport. Address: Chernyshevsky str., p. 15, Irkutsk, 664074, Russian Federation. E-mail: bulohova_t1978@mail.ru*

Keywords: *international transport transit corridors, transport infrastructure, railway investment projects, target surcharge, tariff.*

Annotation

In the context of the growth of traffic volumes between Europe and Asia, the development of international transit corridors, rail transport plays a key role, as evidenced by its share in the total volume of cargo transportation and cargo turnover of the EAEU as a whole and in the context of the participating countries. The expansion of transport potential within the Union is realized through intensive construction and modernization of existing communication routes, the creation of transport infrastructure facilities.

Within the framework of the presented scientific article, an analysis of infrastructure design solutions aimed at the development of the transport industry implemented within the framework of the EAEU is carried out, which allows identifying weaknesses and offering effective solutions. In order to attract additional investment funds, the authors proposed to provide an investment component in the transit tariff to finance the development programs of the EAEU infrastructure complex.

References

1. Development strategy of the Russian Railways Holding for the period up to 2030 / Russian Railways JSC. M., 2013. 49 p.
2. Russian Railways: official website // URL: <http://www.rzd.ru> (accessed: 05.02.2022).
3. The Eurasian Economic Union in numbers: a brief statistical collection. M., 2020. 213 p.

4. Database of the largest investment projects in the construction of the EAEU member states for the period 2018–2022. M., 2022. 46 p.
5. Analytical report “Monitoring the implementation in the member States of the list of joint projects of the member states in the field of transport and infrastructure”. M., 2020. 23 p.
6. Bulokhova T. A., Peretolchina A. S. The level of development of railway infrastructure as a factor in ensuring customer-oriented industry and sustainable development of regions // Development of economic science in transport: the economic basis of the future of transport systems: Collection of scientific articles of the VII International Scientific and Practical Conference / Edited by N. A. Zhuravlyova. SPb., 2019. Pp. 147–154.
7. Automation of the procedure for assessing the quality of transport service for the population in the conditions of digitalization of the railway transportation system / T. A. Bulokhova, V. A. Olentsevich, V. Y. Konyukkhov, D. A. Lysenko // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46751414> (accessed: 23.03.2022).
8. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2991-r dated December 29, 2017. Tariff policy in the field of cargo transportation by public rail transport for 2019–2025.
9. Application of correlation analysis in the study of passenger service quality indicators / V. E. Gozbenko, S. K. Kargapol'tsev, V. A. Olentsevich, T. A. Bulokhova, Yu. I. Karlina, M. G. Shtayger, A. I. Karlina // <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2021.07.107> (accessed: 23.03.2022).
10. Ways of improving the economic mechanism in the development of the customer base of freight transportation / N. V. Krol, N. N. Grigorieva, V. A. Olentsevich, R. Yu. Upry // Modern technologies. System analysis. Modeling. 2019. No. 4 (64). Pp. 155–161.

Ваграм АБРАМЯН
Сюзанна ПЕТРОСЯН

НОВЫЙ ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ АРМЕНИИ

Аннотация

В статье исследованы основные транспортные пути Армении, которые могут стать частью проекта «Новый шёлковый путь» и соединить Персидский залив с Чёрным морем. Представлен их сравнительный анализ и рассмотрена возможность участия Республики Армения в этом крупном международном проекте. Проанализированы основные направления развития международных транспортных коридоров Армении.

В нынешних условиях, когда рынки реализации товаров непрерывно насыщаются и увеличива-

ются расстояния между субъектами в цепях поставок, возникает необходимость сокращения затрат и

АБРАМЯН Ваграм Геворгович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и бизнеса Российско-Армянского университета. Адрес: Республика Армения, 0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123. *E-mail*: a.vahram@mail.ru

ПЕТРОСЯН Сюзанна Арменовна – соискатель кафедры управления и бизнеса Ереванского государственного университета. Адрес: Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, д. 1. *E-mail*: syuzanna.petrosyan.96@mail.ru

Ключевые слова: Новый шёлковый путь, международные транспортные коридоры, интеграция, логистическая инфраструктура, инвестиции, мировая торговля.

времени в цепи «поставщик – производитель – потребитель».

Для решения этих проблем возникает необходимость развивать логистическую инфраструктуру и транспортные пути в соответствии с международными стандартами, что позволит стать транзитной страной и частью международных транспортных путей при международной транспортировке грузов.

Проект «Новый шёлковый путь» является крупнейшим экономическим проектом, целью которого является создание международных транспортных коридоров из Китая в страны Азии и Европы. Основой проекта является исторический Великий шёлковый путь, который функционировал со II в. до н. э. по XV в. Это была караванная дорога, соединявшая Восток с Западом, которая сыграла важную роль в развитии торговых и культурных связей на Евразийском континенте. В дальнейшем, с появлением морских путей, которые были более безопасными, Великий шёлковый путь стал уступать место морским путям.

Для развития инфраструктурных проектов в странах вдоль Нового шёлкового пути и Морского шёлкового пути XXI в. и с целью выхода китайских товаров на новые рынки в 2014 г. был создан инвестиционный Фонд Шёлкового пути [1], а в 2016 г. – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с капиталом 100 млрд долл. Деятельность осуществлялась с 57 членами-учредителями (37 региональных и 20 нерегionalных), а уже в 2020 г. число утверждённых членов

АБИИ было 103, они представляли примерно 79 % численности населения мира и 65 % мирового объёма ВВП [2]. В 2017 г. Китай отправил по маршруту Казахстан – Россия – Белоруссия – Польша – Германия – Бельгия – Франция – Англия длиной 12 тыс. км первый поезд в Англию, который находился в пути 18 дней [3]. Для сравнения следует отметить, что время грузоперевозки морским путём в Англию составляет 35–40 дней.

Для Китая одной из основных целей реализации проекта «Новый шёлковый путь» является повышение конкурентоспособности и обеспечение стабильно высокого роста развития экономики страны, так как темпы роста экономики в 2011–2018 гг. постоянно сокращались и в конце рассматриваемого периода составили 6,6 % против 14,2 % в 2007 г. и 9,5 % в 2011 г. [4].

Реализация Нового шёлкового пути позволит Китаю быстро расширить западные рынки, что даст возможность обеспечить стабильные высокие темпы развития и способствует повышению конкурентоспособности экономики страны. Выполненные в этом направлении работы дали положительные результаты. В 2020 г. экспорт Китая составил рекордные 2,59 трлн долл., увеличившись примерно на 21 % по сравнению с 2018 г. Реализация проекта «Новый шёлковый путь» и программы «Один пояс – один путь» позволит Китаю и другим странам-участникам создать альтернативные пути выхода на внешние рынки, повы-

снять уровень интеграции между странами, входящими в этот пояс, и сократить время и затраты на транспортировку грузов.

В настоящее время более 140 стран и международных организаций подписали документы о сотрудничестве с Китаем в рамках проекта «Один пояс – один путь», несколько десятков стран уже вовлечены в него. По разным оценкам, инвестиции в рамках этого проекта могут составить около 8 трлн долл. США.

Целью проекта «Один пояс – один путь» является создание как сухопутных, так и морских транспортных путей, которые начинаются в разных регионах Китая и идут до западных стран Евразийского континента по следующим направлениям.

1. Транспортные коридоры, которые начинаются в восточных, северных и северо-восточных регионах Китая и предназначены для транспортировки грузов через Россию и Монголию в страны Европы. Действующими маршрутами являются:

а) Китай – Россия – Беларусь – Польша – Германия – Нидерланды – Бельгия – Франция – Великобритания;

б) Китай – Монголия – Россия – Беларусь – Польша – Германия – Нидерланды – Бельгия – Франция – Великобритания.

2. Транспортные коридоры, которые начинаются в северо-западных регионах Китая и проходят по территории Казахстана. Действующим маршрутом является:

а) Китай – Казахстан – Россия – Беларусь – Польша – Германия – Нидерланды – Бельгия – Франция – Великобритания.

Альтернативными транспортными маршрутами в этом направлении могут быть:

б) Китай – Казахстан – (Кыргызстан) – Узбекистан – Туркменистан – Иран – Армения – Грузия – Болгария – Румыния – Венгрия – Австрия – Германия – Бельгия – Франция – Великобритания;

в) Китай – Казахстан – Туркменистан – Иран – Армения – Грузия – Болгария – Румыния – Венгрия – Австрия – Германия – Бельгия – Франция – Великобритания;

г) Китай – Казахстан – (Кыргызстан) – Узбекистан – Туркменистан – Иран – Азербайджан – Грузия – Болгария – Румыния – Венгрия – Австрия – Германия – Бельгия – Франция – Великобритания;

д) Китай – Казахстан – Туркменистан – Иран – Азербайджан – Грузия – Болгария – Румыния – Венгрия – Австрия – Германия – Бельгия – Франция – Великобритания.

3. Для направления, началом которого являются западные регионы Китая, альтернативными маршрутами могут стать:

а) Китай – Мьянма – Индия – Пакистан – Иран – Турция – Болгария – Румыния – Венгрия – Австрия – Германия – Франция – Великобритания;

б) Китай – Мьянма – Индия – Пакистан – Иран – Армения – Грузия (Поти) – Болгария – Румыния – Венгрия – Австрия – Германия – Франция – Великобритания;

в) Китай – Мьянма – Индия – Пакистан – Иран – Азербайджан – Россия – Беларусь – Польша – Германия – Франция – Великобритания.

В рамках проекта «Морской шёлковый путь XXI века» действующие пути, которые начинаются в восточных, юго-восточных, юго-западных регионах Китая, экономически целесообразно применять с целью развития торгово-экономических отношений с Южной Кореей, Японией, Австралией, Новой Зеландией, а также со странами – членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Существенная часть мирового производства, торговли и инвестиций обеспечивается странами – участниками проекта «Один пояс – один путь». По данным 2020 г., на долю *UTLC ERA (United Transport and Logistics Company – Eurasian Rail Alliance)*, в равных долях принадлежащих российским, белорусским и казахстанским государственным железным дорогам, приходилось 91 % всех железнодорожных перевозок по широкой колее Нового шёлкового пути. Это 546,9 тыс. стандартных контейнеров из Европы в Китай и обратно. По сравнению с 2019 г. рост составил 64 %. Рост в основном был обусловлен увеличением объёмов перевозки медицинских средств и оборудования в обоих направлениях в результате пандемии *COVID-19*, а также разрешением России на транзит фруктов, овощей и продуктов питания через её территорию. Сообщается, что в 2025 г. объем трафика на евразийском маршруте может составить

около 1 млн стандартных контейнеров (*TEU*) [5].

Армения имеет три международных железнодорожных транспортных коридора: Армения – Турция, Армения – Азербайджан, Армения – Грузия, первые два из которых не действуют из-за политических проблем с Турцией и Азербайджаном. Действует только железная дорога Армения – Грузия, но из-за закрытия абхазской части железнодорожного пути она в этой части не действует, что затрудняет выход Армении в РФ и на внешние рынки. По вышеуказанным причинам Армения в настоящее время оказалась в «железнодорожной изоляции» от внешнего мира. Однако следует отметить, что в случае функционирования грузино-абхазского железнодорожного коридора Армения получит возможность осуществлять грузоперевозки в Россию и по коридору «Север – Юг» присоединиться к Новому шёлковому пути. В настоящее время перевозки грузов в Россию в основном осуществляются морским путём через порт Поти (Грузия) или автомобильным транспортным путём, что значительно дороже и отрицательно влияет на уровень конкурентоспособности экспортируемых товаров.

В последние годы в Армении в рамках реализации транспортного проекта «Север – Юг» строится автомобильный транспортный коридор Мегри – Ереван – Аштарак – Гюмри – Бавра, что позволит в соответствии с международными стандартами обеспечить перевозку

грузов от южной границы Армении с Ираном до северной границы Армении с Грузией и оттуда в европейские страны через порты Чёрного моря. Планируется также строительство железной дороги, что может иметь существенное значение для транспортного коридора Персидский залив – Чёрное море («Юг – Север», «Юг – Запад»). В частности, с функционированием железной дороги Ерасх – Джульфа – Ордубад – Мегри – Горадиз и со строительством на территории Ирана железной дороги Меранд – Мегри протяжённостью 60 км Армения сможет осуществлять грузоперевозки из Ирана через Нахичевань в Грузию по маршруту Меранд – Мегри – Джульфа – Ерасх – Масис – Айрум – Потти – Болгария – Румыния – Венгрия – Австрия – Германия – Франция – Великобритания.

Азербайджан имеет общую железную дорогу с Ираном и Россией. Перевозки осуществляются по следующим железнодорожным коридорам: на иранском участке – Тегеран – Казвин – Решт – Астара (Иран), на азербайджанском участке – Астара (Азербайджан) – Баку – Ялама, на российском участке – Дербент – Махачкала – Астрахань – Волгоград – Саратов – Москва – Санкт-Петербург.

Сравнительный анализ экономической эффективности рассмотренных альтернативных путей показывает, что в случае восстановления армяно-иранского железнодорожного сообщения осуществление грузоперевозок по маршруту Меранд –

Мегри – Джульфа – Ерасх – Масис – Айрум – Потти будет более эффективным, чем по железной дороге Иран – Азербайджан – Грузия (Потти).

Таким образом, возобновление работы железной дороги Ерасх – Джульфа – Ордубад – Мегри – Горадиз и строительство 60-километровой железной дороги Меранд – Мегри в Иране имеют стратегическое значение как для Армении, так и для Ирана.

Одним из ключевых вопросов, препятствующих интеграции Армении в международную транспортную систему, является отсутствие трансграничного сообщения с Азербайджаном и Турцией, которое было закрыто в 1991 г. (восточная граница Армении с Азербайджаном) и в 1993 г. (западная граница Армении с Турцией). После второй арцахской войны в 2020 г. наблюдаются определённые позитивные сдвиги в вопросе разблокирования и возобновления экономических связей и транспортных коридоров в данном регионе. В 2021 г. было принято решение о восстановлении железной дороги Ерасх – Джульфа – Ордубад – Мегри – Горадиз (340 км), что позволит Азербайджану по железной дороге связаться с Нахичеванью и Турцией, а России – с Арменией и Турцией. Это позволит Армении восстановить железнодорожную связь с Ираном через Нахичевань по маршруту Ерасх – Шарур – Джульфа – Тебриз до Персидского залива (порты Бендер-Аббас, Чабахар) и с Россией по маршруту Ерасх –

Джульфа – Ордубад – Горадиз – Баку – Дербент. В советские годы большая часть грузоперевозок в Армению осуществлялась этим путём. Но необходимо отметить, что для Армении связь с Россией через транспортный коридор «Север – Юг» – более короткий и экономически выгодный путь.

Для участия Армении в международном транспортном проекте «Новый шёлковый путь» важным шагом стал меморандум, подписанный Арменией и Китаем в 2015 г., об укреплении сотрудничества в создании экономической зоны Шёлкового пути, особенно в сферах транспортной инфраструктуры, строительства, электроэнергетики, информационных технологий, создания совместных производств, туризма и по другим направлениям. Объёмы экспорта Армении в страны – участницы Нового шёлкового пути в 2020 г. составили 706 млн долл. (28 % от общего объёма экспорта), а объём импорта из этих стран – 1302,6 млн долл. (28,4 % от общего объёма импорта) (в 2020 г. общий экспорт Армении составил 2513,7 млн долл., а импорта – 4586,4 млн долл.). Несмотря на то что объёмы экспорта и импорта со странами – участницами Нового шёлкового пути небольшие, Армения имеет большой потенциал для осуществления транзитных грузоперевозок, который необходимо использовать для установления новых торговых отношений, улучшения торгового баланса и экономической ситуации в стране.

Товарооборот Китая и ЕС в 2020 г. составил 586 млрд евро, увеличившись на 4,5 % по сравнению с предыдущим годом (импорт Китая в 2020 г. составил 202,5 млрд евро, экспорт — 383,5 млрд евро) и опередив США (товарооборот США в 2020 г. составил 555 млрд евро, объём импорта — 353 млрд евро, объём экспорта — 202 млрд евро). Согласно данным за 2020 г., крупнейшими торговыми партнёрами Китая являются Германия (импорт из Китая составил 134 млрд долл., экспорт — 110 млрд долл.), Франция (импорт из Китая составил 41 млрд долл., экспорт — 19,9 млрд долл.), Нидерланды (импорт из Китая составил 51 млрд долл., экспорт – 16,1 млрд долл.), Бельгия (импорт из Китая составил 9,5 млрд долл., экспорт – 7,62 млрд долл.). Темпы грузооборота товаров между ЕС и Китаем непрерывно растут, благодаря чему стабильно увеличиваются объёмы транзитных грузоперевозок в странах, входящих в международный транспортный проект «Новый шёлковый путь».

Таким образом, чтобы стать частью международного транспортного проекта «Новый шёлковый путь», Армения должна делать соответствующие инвестиции, стимулировать прямые иностранные инвестиции для усовершенствования транспортной системы, формирования новой логистической инфраструктуры, развития внешнего железнодорожного сообщения, усиления её геополитических позиций и значимости в регионе.

Армения должна развивать транспортную систему и непрерывно совершенствовать логистическую инфраструктуру в стране, что

позволит участвовать в международном транспортном проекте «Новый шёлковый путь» и улучшить свои геополитические позиции.

Список литературы

1. Мордвинова А. Фонд Шёлкового пути: результаты первого года работы // URL: <https://riss.ru/article/5207/> (дата обращения: 21.02.2022).
2. Asian Infrastructure Investment Bank // URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/index.html> (дата обращения: 18.02.2022).
3. First China – U.K. Freight Train Departs as Xi Seeks to Lift Trade Bloomberg, 2017 // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-01-03/china-starts-freight-train-to-london-as-xi-promotes-trade-ties> (дата обращения: 18.02.2022).
4. Замедление роста экономики Китая // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики в 2019 г. // URL: <https://e-cis.info/upload/iblock/173/173210e5be53f8ef5a6edeb91ae40253.pdf> (дата обращения: 21.02.2022).
5. Объединённая транспортно-логистическая компания «Евразийский железнодорожный альянс» // URL: <https://www.utlc.com/smi/15-12-2018-wiener-zeitung/>, https://utlc.com/smi/novyy-shelkovyy-put-c-uvelicheniem-gruzooborota-sleduet-ozhidat-modernizatsiyu-infrastruktury/?PAGEN_2=5 (дата обращения: 18.02.2022).
6. Экономика Одного пояса, одного пути. Возможности и риски транспортных коридоров // URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31878/211392RU.pdf?sequence=12> (дата обращения: 18.02.2022).

ABRAMYAN Vagram G. – *Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics and Business of the Russian-Armenian University. Address: 123 Hovsep Emin str., Yerevan, 0051, Republic of Armenia. E-mail: a.vahram@mail.ru*

PETROSYAN Suzanna A. – *candidate of the Department of Management and Business of Yerevan State University. Address: 1, Alek Manukyan str., Yerevan, 0025, Republic of Armenia. E-mail: syuzanna.petrosyan.96@mail.ru*

Keywords: *New Silk Road, international transport corridors, integration, logistics infrastructure, investments, world trade.*

THE NEW SILK ROAD AND THE DEVELOPMENTAL WAYS OF ARMENIA'S INTERNATIONAL TRAFFIC CORRIDORS

Annotation

In the study the traffic ways for the Republic of Armenia's participation in the New Silk Road have been examined. A comparative analysis of those has been drawn up and the possibility of RA's participation in that mega-programme has been examined. The ways to develop RA's international traffic ways have been analyzed.

References

1. *The slowdown in China's economic growth // Bulletin on current trends in the global economy in 2019 // URL: <https://e-cis.info/upload/iblock/173/173210e5be53f8ef5a6edeb91ae40253.pdf> (accessed: 21.02.2022).*
2. *Mordvinova A. Silk Road Foundation: results of the first year of work // URL: <https://riss.ru/article/5207/> (accessed: 21.02.2022).*
3. *United Transport and Logistics Company Eurasian Railway Alliance // URL: <https://www.utlc.com/smi/15-12-2018-wiener-zeitung> // URL: https://utlc.com/smi/novyy-sheikovyy-put-c-ovelicheniem-gruzooborota-sleduet-ozhidat-modernizatsiyu-infrastruktury/?PAGEN_2=5 (accessed: 18.02.2022).*
4. *Asian Infrastructure Investment Bank // URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/index.html>, (accessed 18.02.2022).*
5. *First China – U.K. Freight Train Departs as Xi Seeks to Lift Trade Bloomberg, 2017 // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-01-03/china-starts-freight-train-to-london-as-xi-promotes-trade-ties> (accessed: 18.02.2022).*

Аида АКМАТАЛИЕВА

СПЕЦИФИКА НЕТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Аннотация

В статье представлены периоды становления международного законодательства о нетарифном регулировании как важнейшего исторического аспекта внешней торговли, проанализированы основные международные классификации нетарифных мер. Проведена сравнительная характеристика целей применения нетарифных ограничений в соответствии с ГАТТ и соглашениями ЕАЭС.

Введение

В послевоенные годы международные отношения стали формироваться на принципах нового миро-

вого порядка. Фундаментом новых принципов явились экономические отношения различных стран мира.

АКМАТАЛИЕВА Аида Сатылгановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры таможенного дела Западного филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: Российская Федерация, 236016, г. Калининград, ул. Артиллерийская, 62. *E-mail*: aas.250580@mail.ru

Ключевые слова: таможенное регулирование, внешнеэкономическая деятельность, Всемирная торговая организация, Евразийский экономический союз, таможенно-тарифные меры, нетарифные меры, запреты и ограничения, лицензирование, квотирование.

Первые шаги создания мирового порядка в международной торговле предприняли исследователи США. Они разработали положения в целях создания Международной торговой организации, которая могла бы рассматривать вопросы о тамо-

женно-тарифном регулировании в мировой торговле. Рассмотрим периоды развития международного законодательства о нетарифном регулировании как важнейшего исторического аспекта во внешней торговле.

Исторический аспект: периоды становления международного законодательства

В период 1946–1947 гг. велись многосторонние переговоры по подготовке проекта устава Международной торговой организации (далее – МТО). На постоянной основе обсуждались вопросы взаимного снижения таможенных пошлин между странами.

Для СССР разработка данного проекта не вызывала интереса. Причиной тому была монополия советского государства на внешнюю торговлю, поэтому перспектива создания международной организации шла вразрез с политикой Сталина.

Авторами положения проекта устава Международной организации по торговле и занятости были включены такие виды средств регулирования экспорта и импорта, как:

тарифные меры;

иные меры регулирования в сфере торговли (как известно, в дальнейшем они стали именоваться «нетарифные меры»).

Во время работы над проектом устава МТО у составителей имелись значительные разногласия. Например, если Соединённые Шта-

ты хотели запретить применение количественных ограничений на торговлю товарами, которые могли использоваться в рамках исключения с одобрения членов МТО и отсутствия принципа недискриминации, то представители Франции и Великобритании были против. У этих стран имелись проблемы платёжного баланса, а Австралия боролась с безработицей.

Несмотря на противоречия во мнениях членов комиссии, поправки в проект устава МТО продолжали вноситься. Важными из них стали:

– возможность применения импортных квот;

– применение количественных ограничений при соблюдении одного из важных критериев – гарантии выполнения принципа недискриминации;

– применение количественных ограничений импорта в целях экономического развития (данная поправка коснулась проблем развивающихся стран).

На второй сессии подготовительного комитета в проект устава МТО были внесены в текст ГАТТ,

списки тарифных уступок, протокол о временном применении ГАТТ.

Заключительная конференция по торговле и занятости состоялась 21.11.1947 в столице Кубы – Гаване. В ней приняли участие 56 стран, большинство из них – страны с развивающейся экономикой. По их мнению, разработанный проект был «однобоким».

Однако после внесения поправок (их было примерно 800 шт.) представители этих стран всё же подписали устав МТО. Следует заметить, что США этот документ не подписали, в результате чего помешали созданию организации.

Таким образом, дорожную карту получила вторая глава, ставшая основой создания ГАТТ в 1947 г.

Единственным документом, регулировавшим международную торговлю, осталось Генеральное соглашение по тарифам и торговле, направленное на устранение дискриминации, снижение тарифов и запретов, непосредственно влияющих на внешнюю торговлю товарами [11].

В середине 1950-х гг. на смену термину «другие меры» приходит термин «нетарифные меры» [10].

Генеральное соглашение по тарифам и торговле просуществовало, с последующими изменениями и дополнениями, до конца 1993 г. За это время вопросы таможенно-тарифного регулирования решали торговые раунды международных переговоров.

Остановимся на хронологии торговых раундов международных переговоров в рамках ГАТТ.

За период с 1947 по 1994 г. решались вопросы снижения тарифов, разрабатывалась стратегия в отношении развивающихся стран, в частности улучшения их позиций как стран – участников этих соглашений.

С начала 60-х гг. XX в. сессия договаривающихся сторон регулярно проводила мониторинг нетарифных мер.

Конференция ЮНКТАД, учреждённая в 1964 г., сыграла важную роль в изучении и наблюдении в рамках регулирования внешнеторговой деятельности на международном уровне.

На сегодняшний день конференция насчитывает более 190 стран. Суть её создания заключалась в развитии международной торговли, оказании содействия в актуальных вопросах торговли, финансов, технологий, инвестиций и устойчивого развития развивающимся странам.

На токийском раунде переговоров обсуждались вопросы снижения нетарифных торговых барьеров, в том числе снижения тарифов на товары промышленного назначения и расширения ГАТТ.

На уругвайском раунде переговоров была создана Всемирная торговая организация (далее – ВТО), регулирующая вопросы в сфере применения не только тарифных, но и нетарифных мер регулирования.

Оценка деятельности ГАТТ/ВТО приведена на рисунке 1.

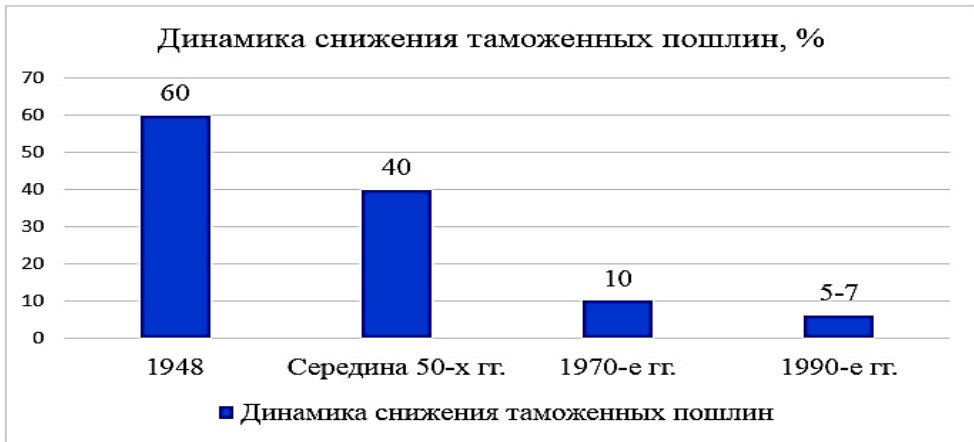

Рис. 1. Динамика снижения средней величины таможенных пошлин (составлено автором)

По данным, указанным в графике, с 1948 г. наблюдается снижение средней величины таможенных пошлин с 60 до 5–7 %.

Следовательно, экономические меры не всегда приносят желаемый результат, поэтому в целях защиты внутреннего рынка государство применяет нетарифные меры.

В 1995 г. ЮНКТАД перешла в секретариат ВТО. В обязанности

стран – членов ВТО входила подача нотификаций секретариату ВТО, а также представление сведений о принятии торговых мер.

ГАТТ изначально и по сей день касается только торговли товарами, хотя его основные принципы теперь также применяются к торговле услугами и правам интеллектуальной собственности.

Международная классификация нетарифных мер

В современной мировой экономике государствами применяются различные методы регулирования в рамках борьбы с недобросовестной конкуренцией на зарубежных рынках.

Запреты и ограничения – это комплекс нетарифных мер регулирования, применяемые в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу союза, меры нетарифного регулирования, в

том числе вводимые в одностороннем порядке в соответствии с договором о союзе, меры технического регулирования, санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры, меры экспортного контроля, в том числе меры в отношении продукции военного назначения, и радиационные требования, установленные в соответствии с договором о союзе и (или) законо-

дательством государств-членов [3].

В соответствии с Федеральным законом от 08.12.2003 № 164 «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» нетарифное регулирование определяется как метод государственного регулирования внешней торговли товарами путём введения количественных ограничений и иных запретов и ограничений экономического характера [6].

Вышеперечисленные понятия имеют взаимосвязь. Они переплетаются в различных правовых актах, установленных в Евразийском экономическом союзе и Российской Федерации.

Таким образом, меры нетарифного регулирования имеют более узкое значение и входят в комплекс запретов и ограничений.

Согласно подп. 10 п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, понятие «запреты и ограничения» является более широким и его следует разделять на меры экономического характера и меры, не носящие экономического характера.

В общемировой практике государство в зависимости от поставленных экономических, политических, социальных задач, стоящих перед государством, и ситуации в мире применяет в большей или меньшей степени меры нетарифного регулирования внешней торговли.

В структуру нетарифного регулирования включён комплекс мер, направленных на установление ба-

ланса между импортом и экспортом товаров.

Технические меры регулирования вводятся в целях ограничения ввоза на внутренний рынок нашей страны некачественных товаров, которые противоречат установленному законодательству национального и наднационального уровней. Следовательно, в страну могут ввозиться товары, имеющие декларацию, сертификат соответствия и иные документы.

С помощью нетарифного регулирования государство влияет на ВЭД. Например, защита национального рынка осуществляется административными нормативами и правилами, а также с их помощью выполняются международные обязательства. Статья 46 Договора о Евразийском экономическом союзе регулирует положения мер нетарифного регулирования в торговле с третьими странами.

В рамках внешнеторговой деятельности с третьими странами на единой территории ЕАЭС установлены единые меры нетарифного регулирования.

Решения о введении, применении, продлении и отмене мер принимаются Комиссией на основании протокола, разработанного в соответствии с разделом IX Договора о Евразийском экономическом союзе (приложение 7 к Договору о Евразийском экономическом союзе) [2, 4].

Мерами нетарифного регулирования являются:

– запреты экспорта и импорта товаров;

– количественные ограничения экспорта и импорта товаров;

– исключительное право на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров;

– автоматическое лицензирование или наблюдение за экспортом и (или) импортом отдельных видов товаров;

– разрешительный порядок ввоза и (или) вывоза товаров.

Таким образом, меры нетарифного регулирования, введенные в Российской Федерации, регламентируются нормативно-правовыми актами.

Механизм мер нетарифного регулирования, установленный ст. 46 Договора о ЕАЭС, рассматривался многими учёными, авторами учебной литературы. Среди них следует выделить Ю. Г. Кириллова, М. Г. Русецкого, О. А. Мозжегорова, И. И. Дюмулена, Г. П. Герашенко и др.

Экспорт и импорт товаров осуществляются без применения запретов и количественных ограничений, за исключением случаев, предусмотренных п. 12 Протокола о мерах нетарифного регулирования, например временных запретов или временных количественных ограничений экспорта для предотвращения либо уменьшения критического недостатка на внутреннем рынке продовольственных или иных товаров, являющихся существенно важными для внутреннего рынка союза.

Уполномоченный орган может выдать исключительную лицензию на ввоз и (или) вывоз товаров, если

участнику ВЭД предоставлено исключительное право.

Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК) вправе осуществлять автоматическое лицензирование (наблюдение) за ввозом и вывозом отдельных видов товаров с высоким уровнем конкуренции между отечественными и иностранными производителями.

Разрешительный порядок экспорта и импорта товаров осуществляется путём ввода лицензирования либо использования других административных мер регулирования во внешней торговле. ЕЭК принимает решение о введении, применении либо отмене разрешительного порядка.

В современной мировой торговле выделяются следующие основные виды методов нетарифного регулирования:

– запреты на ввоз опасных товаров;

– санкции;

– ограничения на вывоз из страны определённых продуктов и товаров;

– лицензирование;

– квотирование;

– административные и экономические меры стимулирования внешней торговли товарами, в том числе услугами и товарами интеллектуальной собственности.

Сравнительная характеристика целей применения нетарифных ограничений в соответствии с ГАТТ и ЕАЭС приведена в таблице 1.

Таблица 1

Цели применения запретов и ограничений

ГАТТ	ЕАЭС
Запрет или ограничение импорта и экспорта, связанные с применением стандартов или правил классификации, сортировки или реализации товаров в международной торговле	Соблюдение общественной морали и правопорядка
Запрет или ограничение экспорта товаров, имеющих существенное значение для экспортирующей страны	Охрана жизни и здоровья людей, охрана животного и растительного мира и окружающей среды в целом
Ограничение импорта любого сельскохозяйственного товара или продуктов рыболовства	Защита культурных ценностей от незаконных вывоза, ввоза и передачи прав собственности на них
Сохранение равновесия платёжного баланса (количественные ограничения)	Необходимость предотвращения истощения невозполнимых природных ресурсов
	Обеспечение национальной безопасности государства
	Защита внешнего финансового положения и поддержание платёжного баланса государства
	Выполнение международных обязательств

В настоящее время единой классификации мер нетарифного регулирования в международной торговле не создано.

Нетарифные меры классифицировались секретариатом Всемирной торговой организации (ВТО), её предшественником – ГАТТ, Международной торговой палатой – Всемирной организацией бизнеса (ИСС), Международным банком реконструкции и развития (МБРР), Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), а также другими международными организациями.

Классификация мер нетарифного регулирования (НТМ) постоянно

развивается, адаптируется к современным вызовам во внешней торговле и нуждается в сборе информации.

Согласно статистике ВТО, нетарифные меры регулирования делятся на 4 группы:

1) меры защиты экономических интересов российских производителей товаров в связи с возросшим импортом, демпинговым импортом или субсидируемым импортом на таможенную территорию Российской Федерации – специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные;

2) технические меры – СФС, ТБТ;

3) нетарифные меры из Соглашения по сельскому хозяйству (ВТО);

4) прочие.

Классификация нетарифных мер, разработанная секретариатом ГАТТ/ВТО в начале 1970-х гг., включает примерно 800 видов нетарифных мер и составляет основу из 5 категорий:

ограничения, вызванные участием государства во внешнеторговых операциях:

– производство товаров;

– сбыт;

– транспортировка и т. д.;

2) таможенные и иные административные импортные и экспортные формальности:

– усложнённая процедура таможенного оформления;

– методы оценки таможенной стоимости и страны происхождения товара;

– завышенные требования к оформлению товаросопроводительных документов;

3) технические барьеры в торговле:

– стандарты и требования, связанные с экологическими, санитарными, ветеринарными нормами, упаковкой и маркировкой товара;

– правила и порядок сертификации продукции;

4) количественные и сходные с ними административные меры:

– импортные квоты;

– экспортные ограничения, лицензирование;

– добровольные ограничения экспорта;

– запреты, а также валютные ограничения;

5) ограничения, основанные на принципах обеспечения платежей:

– налоги, сборы, импортные депозиты;

– скользящие налоги, антидемпинговые и компенсационные пошлины;

– пограничное налогообложение.

В мировой и российской практике имеется ряд классификаций, составленных многими международными организациями, а также российскими учёными.

Классификация нетарифных мер регулирования ЮНКТАД постоянно совершенствуется и применяется в различных странах в целях систематизации мер нетарифного регулирования в соответствии с установленным национальным законодательством.

Статистическая комиссия ООН утвердила Международную классификацию нетарифных мер для сбора данных по странам и представления сопоставимых на международном уровне данных о нетарифных мерах. Схематически классификация мер нетарифного регулирования по разделам представлена в таблице 2.

Таблица 2

Классификация нетарифных мер по разделам

Направление торговли	Виды мер	Классификация	Содержание
Импорт	Технические меры	A	Санитарные и фитосанитарные меры
		B	Технические барьеры в торговле
		C	Предотгрузочная инспекция и другие формальности
	Нетехнические меры	D	Условные торгово-защитные меры
		E	Неавтоматическое лицензирование импорта, квоты, запреты, меры контроля количества и другие ограничения, не включая санитарные и фитосанитарные меры или меры, связанные с техническими барьерами в торговле
		F	Меры по контролю за ценами, включая дополнительные налоги и сборы
		G	Финансовые меры
		H	Меры, влияющие на конкуренцию
		I	Торговые инвестиционные меры
		J	Ограничения распространения
		K	Ограничение на послепродажное обслуживание
		L	Субсидии и другие формы поддержки
		M	Ограничения государственных закупок
		N	Интеллектуальная собственность
O	Правила происхождения		
Экспорт		P	Меры, связанные с экспортом

Многие учёные исходят из концепции, что меры нетарифного регулирования являются рычагом экономических мер и административных мер, непосредственно выхо-

дящих за рамки таможенно-тарифного регулирования в целях защиты внутреннего рынка от зарубежных производителей, намеренно занижающих цены, вытесняя при этом

отечественных производителей с мирового рынка. Основными мерами нетарифного регулирования в Российской Федерации являются лицензирование и квотирование.

Г. П. Геращенко и ряд других учёных меры нетарифного регулирования относят к категориям административных мер и технических барьеров (рис. 2).

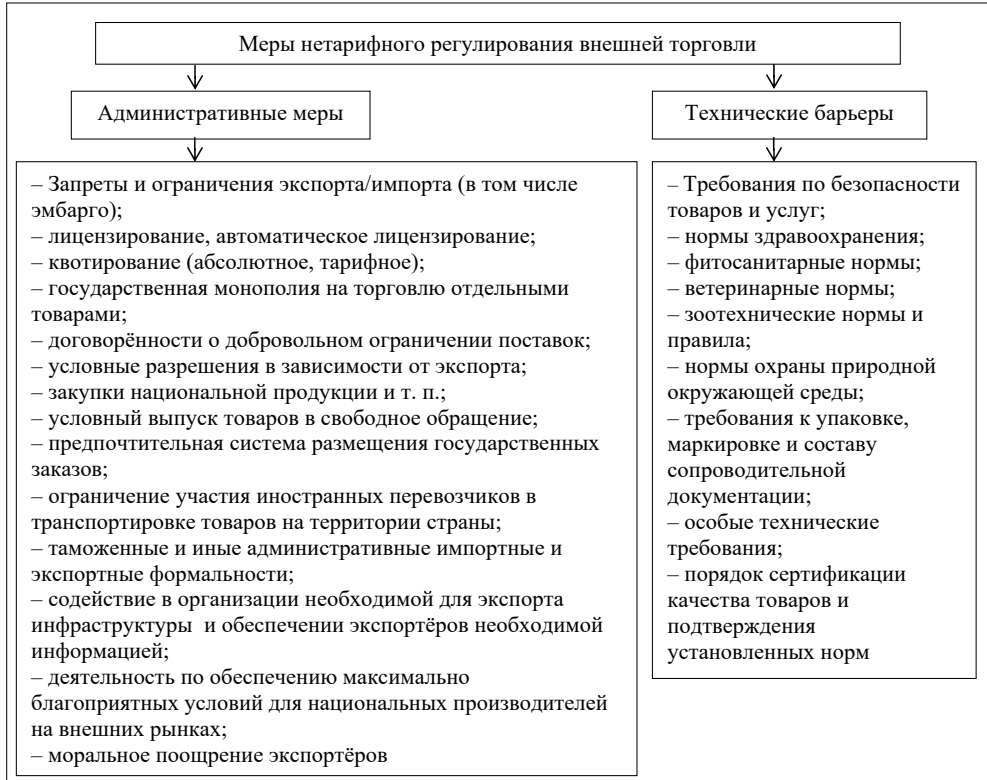

Рис. 2. Классификация нетарифных мер

Известный учёный И. И. Дюмулен в статье «Нетарифные меры в современной международной торговле: некоторые вопросы теории, практика и правила ВТО, интересы России» поднимает ряд важных вопросов касательно нетарифных мер и приводит несколько аргументов:

1) к нетарифным мерам он относит квотирование и лицензирование;

2) поднимает проблемы в отсутствии единого определения нетарифных мер регулирования;

3) считает, что в связи с вышеуказанной проблемой появилось множество классификаторов.

И. И. Дюмулен рассматривает механизм мер нетарифного регулирования, с одной стороны, как «жёсткие нетарифные меры» – запреты, квотирование, лицензиро-

вание, а с другой стороны, как проведение технической политики в рамках реализации норм здравоохранения, методов защиты жизни животных и растений, мер экологической политики, финансовой политики и др. [10].

Д. Ю. Федотов меры нетарифного регулирования классифицирует по трём признакам – экономического, административного и технического характера (рис. 3).

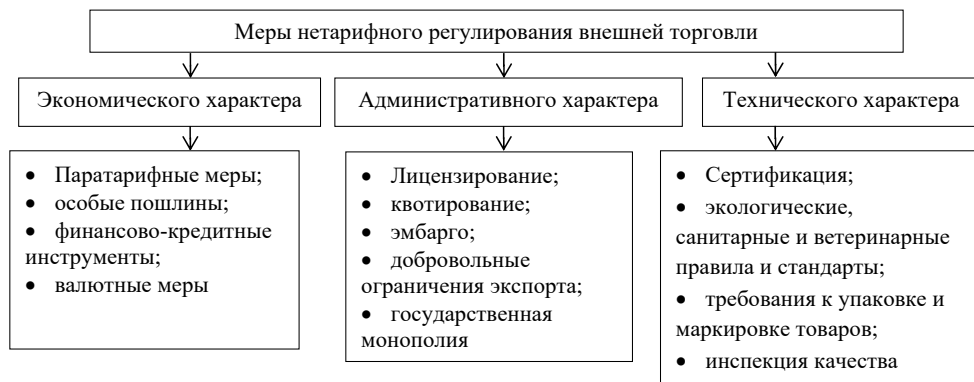

Рис. 3. Классификация нетарифных мер по характеру применения

Заключение

Экономические нетарифные меры оказывают воздействие на рыночные механизмы, в результате чего растут цены на импортные и экспортные товары. Нетарифные меры административного характера обладают большим разнообразием. Основными среди них являются лицензирование и квотирование внешнеторговой деятельности, эмбарго и т. д. Меры технического характера имеют значительную группу нетарифных ограничений.

Однозначно если анализировать меры нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности, то все они по характеру применения

авторами учебной литературы, учёными, исследователями классифицируются на меры экономического, административного и технического характера, выполняя при этом различные функции и задачи. Назначение мер нетарифного регулирования связано с политикой безопасности и протекционизма.

Классификации, разработанные ГАТТ, ВТО, ЮНКТАД и рядом других международных организаций, стали основой различных классификаций, разработанных учёными из России и зарубежных стран.

Следовательно, в настоящее время официально действуют клас-

сификации нетарифных мер, которые необходимы для сбора информации о применении нетарифных мер во внешнеэкономической дея-

тельности, а также создания ряда документов, регламентирующих правила применения отдельной категории нетарифных мер.

Список литературы

1. Протокол о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 16.12.2011.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе, ред. от 15.03.2018. Подписан в г. Астане 29.05.2014.
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) (с изменениями и дополнениями).
4. Протокол о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (приложение 7 к Договору о Евразийском экономическом союзе).
5. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19.04.2016 № 34 «О применении мер нетарифного регулирования» (вместе с Порядком приостановления или прекращения действия лицензии на экспорт и (или) импорт товаров).
6. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» с последующими изменениями и дополнениями.
8. Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров».
9. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
10. Дюмулен И. И. Нетарифные меры в современной международной торговле: некоторые вопросы теории, практика и правила ВТО, интересы России // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 2. С. 3–20.
11. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии // URL: <https://eec.eaeunion.org/> (дата обращения: 23.04.2022).

AKMATALIEVA Aida S. – candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Customs Affairs of the Western Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Address: Artillery Street, 62, Kaliningrad, 236016, Russian Federation. E-mail: aas.250580@mail.ru

Keywords: *customs regulation, foreign economic activity, the World Trade Organization, the Eurasian Economic Union, customs and tariff measures, non-tariff measures, prohibitions and restrictions, licensing, quotas.*

SPECIFICS OF NON-TARIFF REGULATION OF FOREIGN TRADE IN INTERNATIONAL LAW

Annotation

The article presents the periods of formation of international legislation on non-tariff regulation, as the most important historical aspect of foreign trade, analyzes the main international classifications of non-tariff measures. A comparative description of the purposes of application of non-tariff restrictions in accordance with the GATT and the EAEU is carried out.

References

1. *Protocol on the accession of the Russian Federation to the Marrakesh Agreement on the Establishment of the World Trade Organization dated 16.12.2011.*
2. *Treaty on the Eurasian Economic Union, ed. from 03.15.2018. Signed in Astana on 29.05.2014.*
3. *The Customs Code of the Eurasian Economic Union (Annex No. 1 to the Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union dated April 11, 2017) (with amendments and additions).*
4. *Protocol on Non-tariff regulation measures with respect to Third Countries (Annex No. 7 to the Treaty on the Eurasian Economic Union).*
5. *Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 34 dated 04.19.2016 "On the Application of non-Tariff Regulation Measures"*

(together with the “Procedure for Suspending or Terminating the License for Export and (or) Import of Goods”).

6. *Federal Law No. 289-FZ dated 08.03.2018 On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to separate legislative acts of the Russian Federation”.*

7. *Federal Law No. 164-FZ of 08.12.2003 “On the Fundamentals of State regulation of foreign trade activity” with subsequent amendments and additions.*

8. *Federal Law No. 165-FZ of 16.07.1999 “On Special protective, anti-dumping and countervailing measures for the import of goods”.*

9. *Decree of the President of the Russian Federation No. 208 dated 13.05.2017 “On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030”.*

10. *Dumoulin I. I. Non-tariff measures in modern international trade: some issues of theory, practice and WTO rules, interests of Russia // Russian Foreign Economic Bulletin. 2016. No. 2. Pp. 3–20.*

11. *Official website of the Eurasian Economic Commission // URL: <https://eec.eaeunion.org/> (accessed: 04.23.2022).*

Евгения КАТКОВА

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ КНР В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПАНАМЫ)

Аннотация

Статья посвящена анализу политики Китая в Латинской Америке на примере китайско-панамских отношений. В 2017 г. президент Панамы Хуан Карлос Варела разорвал дипломатические отношения с Тайванем и признал КНР единственным законным представителем всего Китая. Вслед за этим страны инициировали ряд громких инфраструктурных проектов, которые должны были быть реализованы китайскими компаниями в рамках инициативы «Один пояс – один путь». В статье приводится анализ развития взаимодействия между Китаем и Панамой в 2017–2021 гг., а также рассматриваются факторы сближения и охлаждения их отношений. Особый акцент сделан на исследовании реализации основных китайских проектов в Панаме.

КАТКОВА Евгения Юрьевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. Адрес: Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. *SPIN-код*: 6742-4740. *ORCID*: 0000-0002-2855-3163. *E-mail*: katkova-eyu@rudn.ru

Ключевые слова: Китай, Латинская Америка, Панама, США, «Один пояс – один путь», инвестиции, инфраструктура.

Введение

Латинская Америка очень долго находилась на периферии интересов Китая. В то время как китайские компании активно инвестировали в страны Азии и Африки, страны ЛАКБ лишь в 2008 г. вошли в число потенциально перспективных направлений внешней политики КНР, а сравнительно большие объёмы китайских инвестиций пришли в регион лишь в 2010-х гг.

Интересы Пекина в Латинской Америке долгое время сводились к получению доступа к природным ресурсам и уменьшению дипломатической поддержки Тайваня в регионе. Однако с усилением международных позиций Китая и распространением его политического и экономического влияния в мире страны ЛАКБ постепенно стали углублять и расширять связи с Пекином. После объявления председателем КНР Си Цзиньпином амбициозной инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) в 2013 г. латиноамериканские государства внимательно следили за её успехами и объёмами инвестиций, которые получали страны-участницы, и постепенно стали проявлять заинтересованность в китайском проекте.

Важным движущим фактором углубления отношений между Китаем и латиноамериканскими странами стали две тенденции. С одной стороны, КНР вышла на такой уровень развития, когда дальнейший рост экономики возможен в основном за счёт поиска новых рынков сбыта своей высокотехнологичной

продукции. Проблему доступа к рынкам развивающихся стран лучше всего объясняет мир-системная теория И. Валлерстайна, согласно которой мир делится на три зоны: ядро (к которому относятся экономически развитые богатые страны), периферия (бедные развивающиеся страны) и полупериферия (небогатые, но и не бедные страны, в которых процессы, свойственные ядру, равномерно перемешаны с процессами, свойственными периферии) [1, С. 66, 94–95]. Вся мировая периферия разделена на сферы влияния государствами ядра, которые используют существующее положение для собственного обогащения, практикуя такие методы, как лоббирование выгодных для них политиков, распространение своей культуры и получение поддержки своих решений на международной арене [1, С. 141]. Современный Китай относится к государствам полупериферии, которые не имеют «своей» периферии и вынуждены прилагать максимум усилий, чтобы укрепиться на рынках развивающихся стран. В связи с успешным продвижением КНР в государствах Азии, Африки и Латинской Америки нарастает напряжение и конкуренция между Пекином и странами Запада, которые теряют положение привилегированных партнёров стран глобального Юга.

С другой стороны, страны Латинской Америки, видя, каких результатов добился Китай, стараются перенять опыт и углубить

свои отношения с Пекином. Особенно с учётом того, что «вашингтонский консенсус», предлагаемый США и западными странами, не привёл к каким-либо ощутимым результатам. К тому же КНР ведёт политику позитивного экономического управления [2, С. 849], не навязывая странам вместе с кредитами свою идеологию и полити-

ческую систему, что выгодно её отличает от тех же США.

Эти две взаимонаправленные тенденции привели к повышению интереса стран ЛАКБ к инициативе ОПОП и интенсификации китайско-латиноамериканских связей, следствием чего стало усиление тенденции по налаживанию отношений между КНР и Панамой.

Укрепление китайских позиций в Панаме

Первым государством ЛАКБ, присоединившимся к ОПОП, стала Панама. В июне 2017 г. тогдашний президент Панамы Хуан Карлос Варрела разорвал дипломатические отношения с Тайванем и признал КНР в качестве единственного законного

правительства Китая. Это было непростое решение, учитывая длительную дружбу с Тайванем, а также позицию США в отношении КНР, однако к тому моменту было уже невозможно и дальше игнорировать экономическое значение Китая.

Таблица 1

Экономические показатели Китая и Панамы за 2020 г.¹

	Численность населения	ВВП	ВВП на душу населения	Рост ВВП	Место в мире (ВВП)
Китай	1,4 млрд чел.	14,7 трлн долл.	10,4 тыс. долл.	2,3 %	2
Панама	4,4 млн чел.	52,9 млрд долл.	12,1 тыс. долл.	11,9 % (2021 г.)	86

Панама, как и Китай, является государством полупериферии, хотя и находится намного ниже КНР в глобальной иерархии. Тем не менее его экономический рост с 2000 г. повысил его доходы со среднего до высокого уровня. В таблице 1 показаны

основные экономические показатели государств. ВВП Панамы в 2020 г. составлял 52,9 млрд долл.², страна занимает 86-е место в международном рейтинге. В 2021 г. ВВП Панамы показал большие темпы роста, почти 12 %, хотя годом ранее, в

¹ Источник: составлено автором на основе данных Worldometer, Statista и Tradingeconomics.

² Panama GDP // Trading Economics. 2021 // URL: <https://tradingeconomics.com/panama/gdp> (дата обращения: 15.02.2022).

2020 г., из-за пандемии COVID-19 рост составил –17,9 %³. В целом в 2016–2019 гг. экономика Панамы росла в среднем на 4 % ежегодно.

Удачное географическое положение Панамы делает её ключевым узлом в глобальной торговле, что и обеспечило ей заинтересованность со стороны Китая. Большую часть экономики Панамы составляет сектор услуг. В 2020 г. на эту отрасль приходилось более 70 % ВВП страны⁴. В Панаме располагается два крупнейших морских порта – Бальбоа и Колон (одновременно вторая по величине в мире зона свободной торговли), региональный воздушный узел – международный аэропорт Токумен – и Панамский канал, через который, помимо 10 тыс. судов ежегодно, также проходят важные коммуникационные кабели⁵.

Как и все развивающиеся страны, Панама стремится к экономи-

ческому росту, которого можно достичь за счет развития инфраструктуры, индустриализации и производства. В связи с этим китайская инициатива ОПОП стала привлекательным источником инвестиций.

12 июня 2017 г. во время выступления по телевидению Хуан Карлос Варела объявил, что его страна устанавливает дипломатические отношения с Китаем и разрывает связи с Тайванем. Варела поблагодарил Тайвань за сотрудничество, однако заявил, что решение об установлении дипломатических отношений с КНР было принято «в интересах народа» и «принесёт экономические, политические и социальные выгоды для всей страны» [3, С. 68]. Спустя пять месяцев Панама стала первым государством Латинской Америки, присоединившимся к китайской инициативе ОПОП.

ОПОП: китайско-панамское экономическое и инвестиционное сотрудничество

Установление дипломатических отношений позволило Панаме получить доступ к обширным китайским инвестициям. 2017 г. был удачным моментом для активизации сотрудничества. Китай был заинтересован в привлечении латиноамерикан-

ских государств в свой проект, однако подавляющее большинство стран ЛАКБ боялись выразить поддержку ОПОП в связи с непредсказуемой реакцией Вашингтона. Даже после того, как 17 ноября 2017 г. КНР и Панама подписали Меморан-

³ Panama: Growth rate of the real gross domestic product (GDP) from 2016 to 2026 // Statista. 2022 // URL: <https://www.statista.com/statistics/454665/gross-domestic-product-gdp-growth-rate-in-panama/> (дата обращения: 15.02.2022).

⁴ Panama: Distribution of gross domestic product (GDP) across economic sectors from 2010 to 2020 // Statista. 2022 // URL: <https://www.statista.com/statistics/454648/panama-gdp-distribution-across-economic-sectors/> (дата обращения: 15.02.2022).

⁵ Panama Selected Issues. IMF Country Report 17 (106). Washington: IMF, 2017.

дум о взаимопонимании по совместному строительству Экономического пояса Шёлкового пути и Морского шёлкового пути XXI века [4, С. 22], Пекину потребовалось приложить большие дипломатические усилия, чтобы привлечь другие страны к сотрудничеству.

Министр иностранных дел КНР Ван И официально пригласил все государства ЛАКБ присоединиться

к ОПОП на форуме Китай – СЕЛАК в Чили в январе 2018 г. Пекин ожидал реакции, подобной отклику стран Африки в 2015 г. [5], однако латиноамериканские страны очень сдержанно отреагировали на данное предложение. В связи с этим Китай бросил все свои усилия на то, чтобы на примере Панамы показать эффективность данной инициативы.

Таблица 2

Основные инфраструктурные проекты Китая в Панаме в 2016–2021 гг.⁶

Проект	Компании	Год	Стоимость	Статус
Глубоководный порт на о. Маргарита	Shandong Landbridge Group	2016	900 млн долл.	Приостановлен
Конференц-центр Amador	China Construction Americas	2016	193 млн долл.	Завершён
Круизный терминал Ранама Amador	China Harbour Engineering Company (Китай) и Jan de Nul (Бельгия)	2017	165 млн долл.	Приостановлен
Четвёртый мост через Панамский канал	China Communications Construction Co Ltd (CCCC) и China Harbour Engineering Company Ltd (CHEC)	2018	1,4 млрд долл.	Приостановлен
Электростанция Мартано 440 МВт	Shanghai Gorgeous	2018	900 млн долл.	Приостановлен
Высокоскоростная железная дорога	China Railway Design Corporation	2019	4,1 млрд долл.	Отклонён
Цифровая зона свободной торговли в Сан-Мигелито	Банк Китая, Huawei	2019	38 млн долл.	Приостановлен
Четвёртая линия электропередачи	Банк Китая	2019	550 млн долл.	Отклонён

⁶ Источник: составлено автором на основе новостей СМИ.

Когда две страны установили дипломатические отношения, Ван И заявил, что Китай «готов пожать руку, которую протянула Панама» и что Китай «станет новым другом и долгосрочным, надёжным партнёром по сотрудничеству для будущего развития Панамы»⁷. 25 октября 2017 г. посол Китая в Панаме Вэй Цян сообщил журналистам, что Панама с её выгодным положением в качестве глобального коммерческого хаба в области логистики, финансов, морского транспорта и авиаперевозок является естественным партнёром КНР в реализации инициативы ОПОП [6, С. 3]. В 2018 г. КНР при поддержке тогдашней администрации президента Варелы инициировала ряд громких инфраструктурных проектов (табл. 2).

После провала проекта Никарагуанского канала Пекин обратил внимание на Панамский канал, через который проходит большое количество китайских грузовых судов. Поэтому ещё до установления дипломатических отношений первым крупным громким проектом стал глубоководный контейнерный порт

на о. Маргарита, находящийся в зоне свободной торговли Колон. Изначально в планах Китая было выкупить ещё и соседний порт, принадлежащий *Evergreen*, но компания не продала свой объект, а, наоборот, вложила значительные средства в его модернизацию. По изначальным планам новый порт должен был располагать терминалом для СПГ, иметь пропускную способность 11 млн *TEU* и стать 13-м по величине контейнерным портом в мире⁸. Однако в 2021 г. стало известно, что правительство Панамы отменило сделку из-за нарушения договорных обязательств со стороны китайской компании⁹.

Вместе с проектом порта был отменён ещё один крупный контракт – на строительство газовой электростанции «Мартамо» мощностью 440 МВт, на которой должен был использоваться газ из терминала СПГ в порту на о. Маргарита¹⁰.

В 2017 г. Морское управление Панамы заключило контракт на строительство круизного терминала Амадор на о. Перико с консорциумом *Pacific Cruises*, состоящим из бельгийской компании *Jan De Nul* и китайской *China Harbour Engineering*

⁷ 开放的中国：精彩吉林 相约世界 ——王毅部长在外交部吉林全球推介活动上的致辞 [Открытый Китай: чудесная провинция Цзилинь знакомится с миром: Выступление министра Ван И на глобальном мероприятии по продвижению провинции Цзилинь] // 中华人民共和国驻马赛总领事馆 [Генеральное консульство Китайской Народной Республики в Марселе]. 13.06.2017 // URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cgms/chn/zgyw/t1469942.htm> (дата обращения: 15.02.2022).

⁸ Chinese firm starts work on \$1bn Panamanian megaport // Global Construction Review. 12.06.2017 // URL: <https://www.globalconstructionreview.com/chinese-firm-starts-w7rk-1bn-panama7nian-meg7aport/> (дата обращения: 15.02.2022).

⁹ AMP begins process to cancel port on Margarita Island // Then24. 28.06.2021 // URL: <https://then24.com/2021/06/28/amp-begins-process-to-cancel-port-on-margarita-island/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁰ Ellis E. China's advance in Panama: An update // Global Americans. 14.04.2021 // URL: <https://theglobalamericans.org/2021/04/chinas-advance-in-panama-an-update/> (дата обращения: 15.02.2022).

Company. Помимо терминала, проект также предусматривал строительство всех наземных объектов, расположенных у тихоокеанского входа в Панамский канал¹¹. Проект был приостановлен из-за пандемии COVID-19, которая обрушила спрос на туристические пассажирские перевозки. Строительство самого пирса для судов было завершено в феврале 2020 г.

В 2018 г. китайский консорциум во главе с *China Communications Construction Co Ltd (CCCC)* и *China Harbour Engineering Company Ltd (CHEC)* заключил контракт стоимостью 1,4 млрд долл. на строительство четвёртого моста через Панамский канал. Предполагалось, что мост протяжённостью 6,5 км будет иметь шесть автомобильных полос и две линии метро¹². Тогдашний президент Варела назвал его «пятым по значимости проектом в истории страны» [7]. На данный момент проект приостановлен из-за нехватки средств и изменения требований к проекту¹³.

Китай проявил интерес не только к инфраструктуре вокруг канала. Самый дорогим стал проект

строительства высокоскоростной железной дороги стоимостью 4 млрд долл. США – Панамы – Давид, однако правительство Панамы отклонило предложение¹⁴. Панамы также отказалась от строительства четвёртой линии электропередач из-за недостаточного спроса на электроэнергию.

Перспективным китайским проектом, объявленным в 2019 г., стала разработка цифровой зоны свободной торговли в Сан-Мигелито. Проект стоимостью 38 млн долл. предусматривал создание цифрового распределительного центра, в рамках которого будут работать около 100 компаний, получающих онлайн-заказы и отправляющих товары по всему миру. Центр также сможет предоставлять услуги цифровой поддержки, такие как блокчейн и облачные вычисления¹⁵. Однако на сегодняшний день нет никаких сообщений по поводу реализации данного проекта.

Единственным полностью завершённым китайским проектом в стране стало строительство конференц-центра *Amador* на тихоокеан-

¹¹ Kalosh A. Belgium-China consortium wins \$166m Panama cruise terminal contract // *Seatrade Cruise News*. 12.07.2017 // URL: <https://www.seatrade-cruise.com/news-headlines/belgium-china-consortium-wins-166m-panama-cruise-terminal-contract> (дата обращения: 15.02.2022).

¹² Chinese consortium to build fourth Panama Canal bridge // *Reuters*. 29.07.2018 // URL: <https://www.reuters.com/article/panama-china/chinese-consortium-to-build-fourth-panama-canal-bridge-idUKL1N1UP05W> (дата обращения: 15.02.2022).

¹³ No funds budgeted for 2021 start of fourth bridge // *Newsroom Panama*. 28.10.2020 // URL: <https://www.newsroompanama.com/business/no-funds-budgeted-for-2021-start-of-fourth-bridge> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁴ Ellis E. China's advance in Panama: An update // *Global Americans*. 14.04.2021 // URL: <https://theglobalamericans.org/2021/04/chinas-advance-in-panama-an-update/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁵ China plays lead role in Panama's first digital Free Zone // *Newsroom Panama*. 16.07.2019 // URL: <https://www.newsroompanama.com/news/china-plays-lead-role-in-panamas-first-digital-free-zone> (дата обращения: 15.02.2022).

ской стороне Панамского канала. Центр стоимостью 193 млн долл. и площадью 59 000 м², как ожидалось, станет крупнейшим в регионе и принесёт стране годовой доход 700 млн долл.¹⁶ Однако спрос на услуги упал в связи с пандемией.

Таким образом, после дипломатического признания Китая и Панама активизировали своё сотрудничество в области строительства инфраструктуры, однако в 2020–2021 гг. произошло резкое охлаждение отношений, которое было вызвано несколькими факторами. Во-первых, пандемия COVID-19 негативно повлияла на сектора туризма и торговли, в сфере которых

было инициировано большинство китайских проектов. Кроме того, Китай в 2020–2021 гг. частично переориентировал свои инвестиции в рамках ОПОП, сделав акцент на медицинской помощи странам-участницам. В частности, только в первое полугодие 2020 г. Панама получила почти 2 млн долл. помощи в виде медицинских изделий и лекарств из Китая [8, С. 11]. Во-вторых, из-за торговой войны и усиления китайско-американского противостояния администрация Д. Трампа, а потом правительство Дж. Байдена усилили давление на Панаму с целью уменьшения влияния Китая в Латинской Америке.

Фактор США в китайско-панамских отношениях

Установление китайско-панамских дипломатических отношений стало неприятным сюрпризом для Вашингтона. Рост китайских инвестиций и влияния в стране стал источником растущего беспокойства в США. В сентябре 2018 г. Вашингтон отозвал главу своей миссии из Панама (а также из Сальвадора и Доминиканской Республики – стран, которые одними из первых в ЛАКБ присоединились к инициативе ОПОП), а в октябре 2018 г. госсекретарь США Майк

Помпео по итогам визита в Панаму заявил журналистам, что предупредил президента Варелу о «хищнической экономической деятельности» китайских государственных компаний в ЛАКБ¹⁷.

Однако одними предостережениями Вашингтон не ограничился. В июне 2019 г. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег в Южной Америке добавила Панаму в свой серый список стран, вкладывающих недостаточное количество сил в борьбу с от-

¹⁶ Convention hub: The Amador Convention Center in Panama // Panama Living // URL: <https://panamaliving.com/convention-hub-the-amador-convention-center-in-panama/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁷ Mike Pompeo Warns Panama Against Doing Business With China // The New York Times. 19.10.2019 // URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/19/world/americas/mike-pompeo-panama-china.html> (дата обращения: 15.02.2022).

мыванием денег¹⁸, а некоторые панамские бизнесмены попали под американские санкции.

В июле 2019 г. в результате президентских выборов к власти в Панаме пришёл президент Лаурентино Кортисо, который занял более осторожную позицию в отношении Китая. Новая администрация объявила о ряде немедленных и краткосрочных мер по оживлению национальной экономики, осуществлению жёсткой экономии государственных расходов, искоренению коррупции, а также по выводу страны из «всех списков» и превращении Панамы в центр бизнеса и услуг в Латинской Америке¹⁹. В русле этой политики крупнейшие китайские проекты в Панаме были приостановлены, отменены или отклонены администрацией Кортисо.

В феврале 2020 г. стало известно, что корейская компания *Hyundai Engineering* выиграла тендер на строительство третьей линии метро (в рамках которой китайскими компаниями *СНЕС* и *СССС* должен был быть построен четвёртый мост через Панамский канал). Согласно новому проекту, линия метро пройдет через туннель

на глубине 50 м под каналом в связи с обнаружением геологического разлома под одной из ключевых опор моста, который вызвал бы задержку строительства. Сам тендер стоимостью 2,5 млрд долл. США также вызвал скандал. Среди проигравших компаний были два китайских предприятия, одно из которых – *China Railway Group Ltd* – предложило проект по более низкой цене, но было дисквалифицировано за несоответствие минимальным техническим требованиям²⁰.

Буксует и заключение соглашения о свободной торговле между Китаем и Панамой, переговоры по которому были начаты сразу же после установления дипломатических отношений. При администрации Варелы правительства двух стран провели пять раундов торговых переговоров, однако все встречи были приостановлены при правительстве Кортисо.

Помимо прочего, у Китая до сих пор нет собственного здания посольства в Панаме. Из-за давления со стороны США правительство Хуана Карлоса Варелы отозвало своё предложение об аренде участка площадью 4 га в устье Панамского канала, где пла-

¹⁸ The U.S. and China Are Battling for Influence in Latin America, and the Pandemic Has Raised the Stakes // Time. 04.04.2021 // URL: <https://time.com/5936037/us-china-latin-america-influence/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁹ Cortizo Cohen promises to clean the image of the country and rescue the economy // Ministry of the Presidency. 01.06.2019 // URL: <https://www.presidencia.gob.pa/en/Noticias/Cortizo-Cohen-promises-to-clean-the-image-of-the-country-and-rescue-the-economy> (дата обращения: 15.02.2022).

²⁰ ¿Ha terminado la buena racha de China en Panamá? // Diálogo Chino. 25.03.2020 // URL: <https://dialogochino.net/es/comercio-y-inversiones-es/34472-ha-terminado-la-buena-racha-de-china-en-panama/> (дата обращения: 15.02.2022).

нировалось построить китайское посольство²¹.

Китайские телекоммуникационные гиганты также сталкиваются с трудностями. *Huawei* и *ZTE* в середине 2010-х гг. начали укреплять свои позиции в Панаме, став поставщиками крупнейших панамских телефонных компаний *Movistar*, *Más Móvil*,

Tigo и *Claro*. В планах даже было совместное создание инфраструктуры 5G в регионе. *Huawei* также участвовала в развёртывании системы видеонаблюдения в порту Колон. Однако в конце 2020 г. правительство Панамы потребовало убрать камеры *Huawei* из регионального операционного центра²².

Заключение

В последние годы международная система претерпевает большие изменения. Дальнейший экономический рост Китая требует поиска новых рынков сбыта его высокотехнологичной продукции. Перспективными потребителями китайских товаров могут стать развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, которые нуждаются в инвестициях и технологиях для преодоления экономической отсталости и вызванных ею социальных проблем. Однако здесь Китай сталкивается с противостоянием со стороны развитых стран, которые давно поделили глобальную периферию и не хотят пускать нового игрока в свои сферы влияния.

Латинская Америка традиционно имела важное значение для экономических интересов США, поэтому Вашингтон болезненно воспринял установление дипломатических от-

ношений между Китаем и Панамой в 2017 г. и дальнейшее укрепление позиций Китая в экономике Панамы. В 2017–2019 гг. китайские компании инициировали целый ряд крупных инфраструктурных проектов, которые с радостью приняла администрация тогдашнего президента Хуана Карлоса Варелы. Однако из-за давления со стороны США и ухудшения ситуации во многих сферах в связи с пандемией *COVID-19* большая часть данных проектов была остановлена или отменена нынешним правительством Панамы под руководством президента Лаурентино Кортисо.

Тем не менее настолько быстрый поворот Панамы в отношении Китая является показательным примером того, насколько китайская инициатива ОПОП привлекательна для стран глобального Юга.

²¹ Panama the new flashpoint in China's growing presence in Latin America // The Guardian. 29.11.2018 // URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/28/panama-china-us-latin-america-canal> (дата обращения: 15.02.2022).

²² Ellis E. China's advance in Panama: An update // Global Americans. 14.04.2021 // URL: <https://theglobalamericans.org/2021/04/chinas-advance-in-panama-an-update/> (дата обращения: 15.02.2022).

Список литературы

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н. Тюкиной. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006.
2. Mendez A., Alden C. *China in Panama: From Peripheral Diplomacy to Grand Strategy, Geopolitics* // *Geopolitics*. 2019. Vol. 26. No. 3. P. 838–860. DOI: 10.1080/14650045.2019.1657413.
3. Тарасова Д. А. Латинская Америка как арена борьбы между Тайванем и Китаем // Вестник МГПУ. Сер. Исторические науки. 2018. Т. 29. № 1. С. 65–73.
4. Ян Шаньминь, Ян Ци, Чжан Чэнь. «Один пояс – один путь»: Доклад об успехах. 2018.
5. Renwick N., Gu J., Gong S. *The impact of BRI investment in infrastructure on achieving the sustainable development goals*. Brighthon: Institute of Development Studies, 2018.
6. Herrera L.S., Montenegro M., Torres-Lista V., Mendez A., Alden C. *The diplomatic context between China and Panama and their agreements* // Working Paper. 2020 // URL: <https://www.lse.ac.uk/international-relations/assets/documents/global-south-unit/Working-Paper-No-3-2020.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
7. Runde D. F. *Key Decision Point Coming for the Panama Canal* // Center for Strategic and International Studies. 21.05.2021 // URL: <https://www.csis.org/analysis/key-decision-point-coming-panama-canal> (дата обращения: 15.02.2022).
8. Telias D., Urdinez F. *China's Foreign Aid Political Drivers: Lessons from a Novel Dataset of Mask Diplomacy in Latin America During the COVID-19 Pandemic* // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2021. DOI: 10.1177/18681026211020763.

KATKOVA Evgeniya Yu. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia. Address: 6 Miklukho-Maclay str., Moscow, 117198, Russian Federation. SPIN-code: 6742-4740. ORCID: 0000-0002-2855-3163. E-mail: katkova-eyu@rudn.ru

Keywords: *China, Latin America, Panama, USA, “One Belt, One Road”, investment, infrastructure.*

CHINA'S INFRASTRUCTURE PROJECTS IN LATIN AMERICA (THE CASE OF PANAMA)

Abstract

The article is devoted to the analysis of China's policy in Latin America on the example of China-Panama relations. In 2017, President of Panama Juan Carlos Varela severed diplomatic relations with Taiwan and recognized the PRC as the sole legitimate representative of all of China. Following this, countries initiated a series of high-profile infrastructure projects to be implemented by Chinese companies as part of the Belt and Road Initiative. The article provides an analysis of the development of interaction between China and Panama in 2017–2021 and considers the factors of rapprochement and cooling of relations. Particular emphasis is placed on the study of the implementation of the main Chinese projects in Panama.

References

1. Wallerstein I. *World-system analysis: Introduction / Moscow*. 2006.
2. Mendez A., Alden C. *China in Panama: From Peripheral Diplomacy to Grand Strategy, Geopolitics // Geopolitics*. 2019. Vol. 26. No. 3. P. 838–860.
3. Tarasova D. A. *Latin America as an arena of struggle between Taiwan and China // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series Historical Sciences*. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 65–73.
4. Yang Shanmin, Yang Qi, Zhang Chen. *The Report On The Global Action Of "The Belt And Road"*. 2018.
5. Renwick N., Gu J., Gong S. *The impact of BRI investment in infrastructure on achieving the sustainable development goals. Brighthon*. 2018.
6. Herrera L. S., Montenegro M., Torres-Lista V., Mendez A., Alden C. *The diplomatic context between China and Panama and their agreements // Working Paper*. 2020. . №3. 16 p.
7. Runde D. F. *Key Decision Point Coming for the Panama Canal // Center for Strategic and International Studies*. // URL: <https://www.csis.org/analysis/key-decision-point-coming-panama-canal> (accessed: 15.02.2022).
8. Telias D., Urdinez F. *China's Foreign Aid Political Drivers: Lessons from a Novel Dataset of Mask Diplomacy in Latin America During the COVID-19 Pandemic // Journal of Current Chinese Affairs*. 2021.

Наталья ЕЗДИНА

Елена ДОЦЕНКО

КОНВЕРГЕНЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ЦИФРОВОГО ТИПА

Аннотация

В настоящее время процессы цифровизации, проникая в структуру управления современными организациями, формируют новую технологическую платформу – конвергентную, – соединяющую информационные, когнитивные и управленческие технологии в системе операционного и стратегического менеджмента. В своей наивысшей форме – интегрированной цифровой организации – конвергентные процессы создают устойчивые конкурентные преимущества, потребность в которых продиктована повышением роли человеческих ресурсов в создании ценностей, продвигаемых организацией во внешней среде. В организациях других типов (нецифровых, квази-цифровых) конвергенция технологий невозможна, что создаёт для них дополнительные стимулы цифровой трансформации. В данной статье проанализированы типы конвергенции управления человеческими ресурсами, во взаимосвязи с

ЕЗДИНА Наталья Петровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

ДОЦЕНКО Елена Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Адрес: Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Зацепы, д. 43. *E-mail:* dotsenko.ey@rea.ru

Ключевые слова: конвергентные технологии, человеческие ресурсы, цифровые организации, стратегический менеджмент.

её диалектической противоположностью – дивергенцией. В результате была разработана типология управления человеческими ресурсами (дивергентное, квази-конвергентное, нестратегически-конвергентное), которые находятся в постоянной трансформации. Представлен механизм конвергенции управления человеческими ресурсами, включающий в себя цели и задачи, инструменты внедрения цифровых технологий и ожидаемые результаты этого процесса.

Введение

Стратегическим приоритетом управления современными организациями является обеспечение устойчивости конкурентных преимуществ в условиях радикального роста производительности, вызванного диффузией технологий Индустрии 4.0 во всех сферах общественной жизни и, прежде всего, в экономике [1]. Объективный ход четвертой технологической революции порождает противоположные процессы конвергенции и дивергенции. Конвергенция имеет место как на макроуровне (*NBIC*-конвергенция – соединение технологий и появление новых отраслей, таких как когнитивная информатика и искусственный интеллект, нано-био-технологии, био-информатика [2]), так и микроуровне (соединение различных процессов в одной организации на общей информационно-технологической платформе, а также сближение национальных и международной управленческой культуры). В свою очередь, дивергенция означает расхождение организаций по уровню внедрения цифровых технологий и, соответственно, по производительности. На разных «полюсах» конвергенции и дивергенции

находятся «цифровые» (оцифровавшие все управленческие процессы) и «нецифровые» организации (использующие полностью или частично аналоговые носители информации, традиционные каналы её движения и анализа).

Растущая изменчивость условий, в которых функционируют современные организации, подразумевает большую гибкость в управлении человеческими ресурсами и готовность к изменениям образующих его процессов. К изучению цифрового управления человеческими ресурсами обращается ряд авторов, которые связывают его цель со способностью электронных вычислительных систем оптимизировать процессы поиска, найма, перемещения персонала, формирование у него компетенций для работы в динамично меняющейся среде [3]. В большинстве современных организаций структура управленческих процессов неоднородная с цифровой точки зрения, поэтому принято считать, что цифровизация управления человеческими ресурсами способствует повышению конкурентоспособности и производительности организации в целом [4].

Цифровые технологии Индустрии 4.0 с искусственным интеллектом и «Большими Данными» побуждают компании создавать и развивать совершенно новую инфраструктуру – «технологический Интернет» (*SMACI*) – взаимодействие социальных сетей, мобильных приложений смартфонов, аналитики «Больших Данных» и облачных вычислений, а также «Интернета Вещей» [5], которые расширяют возможности организаций в важнейших цифровых измерениях, включая управление человеческими ресурсами. Отдельные компоненты инфраструктуры *SMACI* за последние несколько лет образовали систему конвергенции с трудовыми и социальными процессами, в частности, с межкультурной коммуникацией, что образует принципиально новую среду управления человеческими ресурсами. В такой среде глобализация и информатизация бизнеса распространяют опыт транснациональных компаний, создавая новые стандарты эффективности использования человеческих ресурсов.

Становление новой информационной инфраструктуры меняет подход к исследованию челове-

ских ресурсов организации, в результате чего их видение трансформируется от координации трудовых процессов (управление персоналом) в сторону стратегического планирования и прогнозирования ценности каждого работника для организации, и увеличения его вклада в конечный продукт, чему способствует переход к «цифровой организации». В организациях такого типа конвергенция международных и национальных стандартов управления человеческими ресурсами способна вовлечь работников в управленческие процессы, наделив их полномочиями по их интерпретации и использованию в ходе выполнения своих задач. В свою очередь, конвергенция цифровых технологий управления человеческими ресурсами и других цифровых факторов производства даёт неоспоримый выигрыш в производительности. Это повышает эффективность стратегического управления организацией, поскольку формирует цифровой «образ будущего» с долгосрочными целями и кадровым обеспечением их достижения, корректируемыми по мере смены рыночных трендов, законодательства, технологий.

Материалы и методы

Исследование конвергенции управления человеческими ресурсами в ходе становления организаций цифрового типа связано с предметной областью стратегического управления, объектом кото-

рого выступает преобразование продуктов, процессов и всех организационных аспектов в результате внедрения цифровых технологий [6-7]. Качественное родство стратегических изменений в дея-

тельности организации и цифровой трансформации управления человеческими ресурсами объясняется тем, что оба этих процесса ориентированы на создание новых организационных ценностей в виде стратегического партнёрства руководителей и подчинённых, улучшения административной экспертизы и повышения качества ресурсов организации [8].

Методология исследования конвергенции управления человеческими ресурсами основана на ресурсном подходе [9], который позволяет выделить стратегические ресурсы, обеспечивающие устойчивую конкурентоспособность. Данный подход предполагает, что такие ресурсы организации, как труд и технологии, являются основными факторами, определяющими её стоимость, производительность и конкурентные преимущества, устойчивые к конъюнктурным изменениям. Важным положением методологии является связь человеческих ресурсов и технологий, используемых организацией, которую одни авторы рассматривают как источник долгосрочных конкурентных преимуществ [10], а другие – как предпосылку появления синергетического эффекта, позволяющего увеличить производительность даже в том случае, когда прочие ресурсы уже используются с максимальной эффективностью [11]. Также человеческие ресурсы вполне удовлетворяют стратегическим критериям (т.н. *VRIN*-критериям): переменный фактор (способность менять эффективность орга-

низации в долгосрочном периоде), сравнительная редкость, несовершенный субститут (незаменим другими ресурсами) [12].

Технологическая платформа конвергенции представлена электронным управлением человеческими ресурсами, определяемое как применение информационных технологий для соединения объектов и субъекта управления в единую сеть взаимодействий для совместной реализации управленческих функций [13]. В свою очередь, использование всего потенциала данной платформы возможно только в организациях цифрового типа. Исследование цифровых организаций, проведённое С. Стромейером, М. Хэ, позволило разработать их видовую классификацию, включающую в себя следующие элементы:

1. Нецифровые организации (в терминологии С. Стромейера – организации аналогового типа), которые не используют в должной мере цифровые технологии для решения задач операционного (логистика, производство, сбыт) и стратегического (человеческие ресурсы, инвестиции, технологии) управления. Сама возможность существования таких организаций в 21-м в. возможна вследствие ограниченности и технологической консервативности некоторых сфер деятельности, подкрепляемой зачастую монопольным положением (к примеру, исполнение государственных или муниципальных контрактов).

2. Квази-цифровые организации (в терминологии С. Стромейера – цифровые организации I-го типа),

практически полностью цифровизовавшие операционное управление с целью роста производительности и снижения операционных расходов, но осуществляющие стратегическое управление на основе традиционных аналоговых методов и ограниченных объемов информации (модели *BCG*, Мак-Кинси, методы *SWOT* и *PEST*-анализа, *KPI* и т.п. [16]).

3. Неинтегрированные цифровые организации (цифровые организации II-го типа по С. Стромейеру), в которых, наряду с операционным управлением, цифровые технологии используются для насыщения информацией процесса принятия стратегических решений. Примером может быть использование широкого круга данных о рыночных трендах, наилучших доступных технологиях, персональных данных претендентов на вакансии.

4. Интегрированные цифровые организации (организации III-го типа, по С. Стромейеру), которые широко в полной мере используют цифровые технологии для операционного и стратегического управления, не только аккумулируя и анализируя, но и преобразуя большие массивы данных, используя искусственный интеллект. При этом зачастую кроме традиционных продуктов для отрасли, в которой функционирует такая организация, она может с успехом производить и реализовывать цифровые продукты – программное обеспечение, аналитику «Больших Данных», различные ноу-хау. В таких цифро-

вых организациях методы стратегического управления изначально интегрированы с цифровыми технологиями, и формируется так называемая «цифровая бизнес-стратегия» [17].

Таким образом, именно в интегрированных цифровых организациях имеет место конвергенция технологий, объединяющих различные бизнес-процессы на единой цифровой платформе, а также создаются условия для конвергентного сближения международных и национальных норм и стандартов управления человеческими ресурсами.

Вместе с тем, методология исследования конвергенции управления человеческими ресурсами не должна быть односторонней; важно выделить дивергенцию как диалектически противоположный феномен. Как было отмечено выше, применительно к цифровизации бизнес-процессов, дивергенция означает расхождение, отдаление разных организаций по глубине проникновения цифровых технологий в структуру управления и их эффективности. С точки зрения цифровой трансформации управления организацией, конвергенция и дивергенция не тождественны централизации и децентрализации этого процесса. Централизация – это концентрация властных полномочий и ответственности за принятие решений в руках высшего руководства, а децентрализация – их рассредоточение среди руководителей более низкого уровня. Следовательно, эти процессы могут быть

как частью конвергенции или дивергенции, так и развиваться независимо от них.

В современных исследованиях конвергенции и дивергенции систем управления можно выделить два основных направления: универсализм и контекстуализм [18]. Универсализм утверждает, что объективные факторы глобализации и международной конкуренции способствуют проникновению и взаимообогащению сходных методов управления в разных странах. Таким образом, универсализм означает конвергенцию управленческих практик. Напротив, контекстуализм подразумевает, что существенные различия в управленческой практике на национальном и технологическом уровнях являются причиной устойчивых расхождений в методах управления. Следовательно, контекстуализм предполагает дивергенцию практик управления.

В экономических исследованиях данные концепции получили достаточно логичное теоретическое обоснование. В частности, универсализм в достаточной мере представлен неинституциональной экономикой, утверждающей, что сокращение трансакционных издержек и общая для всех национальных экономик потребность в принуждении к соблюдению норм ведения бизнеса способствует внедрению универсальных методов управления [19]. Идеи контекстуализма воспроизводятся в экономической антропологии, утверждая, что устойчивые различия в нацио-

нальных институтах будут функционально отдалять друг от друга методы управления, укоренившиеся в национальных бизнес-сообществах [20]. Таким образом, налицо диалектическая связь конвергентных и дивергентных процессов в управлении организацией, как в теории, так и на практике.

Применительно к управлению человеческими ресурсами, универсализм постулирует общие для большинства стран институциональные факторы глобального перехода на цифровую платформу, который будет результатом конвергенции в управлении организациями. К числу таких факторов можно отнести появление полностью цифровых организаций, ускорение международной миграции высококвалифицированных работников, развитие сетевой формы занятости. Напротив, контекстуализм предполагает отдаление организаций друг от друга по критерию глубины проникновения цифровых технологий в систему управления человеческими ресурсами. Причинами такого отдаления служат пространственно различающиеся институты управления (традиции, этика, стандарты и культура управления, и пр.). Следовательно, выявление и анализ факторов конвергенции и дивергенции в управлении современными организациями в целом является отправной точкой внедрения цифрового управления человеческими ресурсами.

Первым фактором выступает взаимодействие управленческих культур и их совместимость с циф-

ровизацией менеджмента организации («цифровая культура управления» [21]). Поскольку управленческая культура вполне может быть концептуализирована как институт, конвергенция и дивергенция в управлении организацией может быть рассмотрена в плоскости кросс-культурных взаимодействий. В данной области нашли широкое применение этический и эмический подходы [22]. Первый предполагает, что современные достижения управленческой культуры, воплощённые в цифровых технологиях управления, применимы к организациям любого типа (как в географическом плане, так и в соответствии с упомянутой выше типологией цифровых организаций). Напротив, эмический подход предполагает, что различия в организационных культурах по мере углубления процесса цифровизации будут нарастать, и функциональное сходство «аналоговых» и «интегрированно-цифровых» организаций будет сокращаться. Вместе с тем, общим моментом для этического и эмического подходов является становление общей технологической платформы конвергенции, соответствующей различным типам управленческой культуры, объединённых в «цифровую культуру управления».

Вторым фактором конвергенции в управлении современными организациями выступает становление сетевой формы занятости, объединяющей человеческие ресурсы разных стран. Цифровая природа сетевой занятости создаёт прочную основу конвергенции управления

человеческими ресурсами, в которой стираются национальные границы, различия в характере и интенсивности труда, поскольку работники вовлекаются в деятельность организации сообразно своему вкладу в создание её конечного продукта.

Третий фактор – появление цифровых организаций в чистом виде (т.е. интегрированных организаций III-го типа по С. Стромейеру). В них конвергенция принимает внутриорганизационный характер, за счёт чего управление движением разных ресурсов в том числе, человеческих) превращается в единый комплекс с общими целями, задачами, критериями эффективности.

Появление интегрированных цифровых организаций означает трансформацию управления всем комплексом бизнес-процессов и возникновение новой бизнес-модели. В ней управление человеческими ресурсами становится стратегическим активом, диверсифицированным и ориентированным на создание разнообразных и сложных с точки зрения современных технологий рабочих мест, с тем чтобы обеспечить устойчивые конкурентные преимущества в долгосрочном периоде [23]. Следовательно, цифровизация влияет на управление человеческими ресурсами не только через ускорение процессов администрирования персоналом. Безусловно, распространение цифровых технологий на процедуры стратегического управления (трансформация в цифровую организацию III-го типа) облегчает выполнение функций операционного управления –

планирование человеческих ресурсов, рекрутинг, расстановка кадров, управление мотивацией и производительностью, охрана труда и формирования психологического микроклимата. Вместе с тем, конвергенция добавляет новые функции к управлению человеческими ресурсами, такие как увеличение стоимости человеческого капитала и формирование у персонала новых – цифровых – компетенций.

Физическое воплощение технологической платформы конвергенции управления человеческими ресурсами представляет собой её информационную систему, которая позволяет реализовать всю полноту функций операционного и стратегического управления, и представляет собой вычислительный комплекс, используемый для сбора, хранения, обработки, анализа, трансформации и распространения данных, относящихся к человеческим ресурсам, а также для принятия стратегических решений в данной области, используя искусственный интеллект.

Р.Т. Кассим и К. Шера свидетельствуют о том, что использование информационной системы управления человеческими ресурсами расширяет функционал современных менеджеров персонала,

предоставляя им возможность повысить ценность своей работы через рост ценности организации за счёт более качественного стратегического и операционного управления [24]. Следует отметить введение рядом авторов концепции «стратегического соответствия», дающего устойчивые конкурентные преимущества – своего рода баланса между внутренними ресурсами организациям с одной стороны, и возможностями и требованиями внешней среды с другой [25]. В рамках данной концепции информационная система управления человеческими ресурсами обеспечивает стратегическое соответствие между ними и потребностями цифровой трансформации организации, то есть конвергенцию процессов операционного и стратегического управления на цифровой основе. Безусловно, отраслевая специфика деятельности организаций даёт уникальные возможности и накладывает ограничения на процессы их цифровой трансформации, поэтому определение стратегических целей, достижимых в процессе конвергенции управления человеческими ресурсами, является первоочередным шагом в становлении организации цифрового типа.

Результаты и обсуждение

Составляющей цифровой бизнес-стратегии организации является цифровая стратегия управления человеческими ресурсами – долгосроч-

ный план по увеличению стоимости организации путём всемерного способствования достижению стратегических целей. В свою очередь, со-

ставляющей цифровой основы операционного менеджмента являются практики управления человеческими ресурсами, которые понимаются как набор действий, предназначенных для мотивации и стимулирования сотрудников, формулирования рабочих заданий и распределения ресурсов для их выполнения.

Единство конвергенции и дивергенции управления человеческими ресурсами выражается в разной степени участия организаций в цифровой технологической платформе, в трансформации нецифровых организаций в квази-цифровые и далее – в цифровые неинтегрированные и интегрированные. В процессе такой трансформации управление человеческими ресурсами также преобразуется, сближаясь с другими процессами операционного и стратегического управления, ассимилируя международные нормы управленческой культуры. Анализ характера и полноты такого сближения позволяет выделить следующие формы конвергенции и дивергенции управления человеческими ресурсами:

1. Дивергентное управление человеческими ресурсами, характерное для нецифровых организаций (по С. Стромейеру), в которых ни операционное, ни стратегическое управление человеческими ресурсами не поддерживаются цифровыми технологиями в достаточной мере. В таких организациях процесс управления осуществляется посредством аналоговых форм (заявлений, приказов, распоряжений и пр.), выполненных на бумажных

носителях. Полностью нецифровые организации можно рассматривать сегодня как своего рода абстракцию, поскольку технологии баз данных, электронной почты и пр. составляют своего рода минимум вовлеченности в цифровую платформу. Однако конкурентные преимущества, получаемые организациями с дивергентным управлением человеческими ресурсами, нельзя признать устойчивыми.

2. Квази-конвергентное управление человеческими ресурсами, основанное на сближении организаций с разным уровнем диффузии цифровых технологий в своей структуре, главным образом, на уровне операционного управления. Термин «квази-конвергенция» был пионерно использован Е.А. Таран применительно к структурным сдвигам в макроэкономике, в которых сближение национальных экономик затрагивало только общие показатели динамики, и степень диффузии новых технологий оставалась неизменной [26]. Аналогично в случае с квази-конвергентным управлением человеческими ресурсами, цифровые технологии соединяются с цифровизацией других операций ресурсообеспечения, путём автоматизации управленческих практик с целью увеличения их динамики, снижения затрат и повышения эффективности. Вместе с тем, устойчивые конкурентные преимущества, которые несёт в себе глубокая диффузия цифровых технологий управления человеческими ресурсами, в рамках квази-конвергенции остаются недоступными.

3. Нестратегически-конвергентное управление человеческими ресурсами, подразумевающее цифровую поддержку реализации, но не формулирования стратегии управления данной подсистемой организации. Отсюда приращение ценности организации за счёт развития её человеческих ресурсов формируется вне цифровой технологической платформы. После того, как стратегия управления человеческими ресурсами сформулирована в рабочем виде, для перехода её реализации необходимо повторное согласование цифровых технологий со стратегическими целями. В такой связке цифровых и управленческих технологий невозможно полностью раскрыть их потенциал в достижении устойчивых конкурентных преимуществ, поскольку отсутствует верификация стратегических целей в соответствии с возможностями цифровых технологий.

4. Стратегически-конвергентное управление человеческими ресурсами, в котором цифровые технологии операционного и стратегического управления объединены уже на этапе формулирования стратегии. Такая конвергенция подразумевает разработку и реализацию цифровых стратегий управления человеческими ресурсами как составляющей бизнес-стратегии организации. Примерами таких цифровых стратегий может стать систематическое улучшение структуры и состава персонала за счёт построения оптимальных траекторий обучения и

карьерного роста для всех сотрудников с применением цифрового оптимизационного моделирования и искусственного интеллекта.

Развитие конвергенции управления человеческими ресурсами связываем с трансформацией его типов с их взаимным переходом друг в друга. В первом типе – дивергентном – управление человеческими ресурсами трансформируется путем целенаправленных действий людей (менеджеров), а не цифровых технологий как таковых, в процессе оптимизации операционного управления. Однако уже во втором (квази-конвергентном) типе управления человеческими ресурсами, с оперативным применением цифровых технологий, закладываются основы более глубокой цифровой трансформации всей организации, дающей устойчивые конкурентные преимущества. Эти преимущества связаны с цифровизацией не только оперативного, но и стратегического планирования, с использованием больших объёмов разнородных данных и построением многофакторных оптимизационных моделей. Более важное место цифровизация занимает в третьем типе управления человеческими ресурсами, который представляет собой результат конвергенции информационных технологий, применяемых в различных бизнес-процессах, в единый комплекс стратегического управления. Однако такая конвергенция не является стратегической, так как в третьем типе управления человеческими ресурсами (нестратегиче-

ски-конвергентном) не выполняет – главное условие NBIC-конвергенции – соединение цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Полностью цифровая трансформация управления человеческими ресурсами имеет место при становлении его четвёртого типа, основанного, с одной стороны, на конвергенции информационных технологий, с другой – на слиянии управленческого и технологического аспектов стратегического управления. Последнее, в свою очередь, возможно при переводе всех управленческих процессов на цифровую платформу, то есть при создании интегрированной цифровой организации. Именно в ней может иметь место конвергенция национальных и международных норм управленческой культуры и лучших практик менеджмента.

Механизм перехода от первого (дивергентного) типа управления человеческими ресурсами к четвертому (стратегически-конвергентному) образован целями и задачами, а также действиями и ожидаемыми результатами внедрения цифровых технологий в стратегическое и оперативное планирование.

Как было упомянуто выше, цель внедрения цифровых технологий управления человеческими ресурсами в систему операционного и стратегического менеджмента заключается в получении долгосрочных устойчивых конкурентных преимуществ. Отсюда основные задачи внедрения цифровых техноло-

гий управления человеческими ресурсами связаны с достижением высокого уровня их конвергентного сближения (как внутри организации, так и уровне её присоединения к международным нормам организационной культуры и наилучшим практикам).

Первая задача связана с достижением количественных показателей внедрения цифровых технологий. Данные показатели связаны с оценкой эффективности процессов операционного и стратегического управления, переведённых на цифровую платформу. Вторая задача отражает достижение заданных ориентиров качества цифровизации – степени соответствия используемых фирмой технологий и практик, а также управленческой культуры международному уровню.

В свою очередь, ожидаемые результаты внедрения цифровых технологий отражают широту и глубину конвергенции управления человеческими ресурсами. Широта конвергенции управления человеческими ресурсами определяет долю его «цифровизованных» функций в организации. Каждая функция управления в данной подсистеме – рекрутинг, мотивация и стимулирование, управление эффективностью персонала и пр. – может быть цифровизована вместе с прочими или отдельно, поэтому максимальная широта достижима только в полностью цифровых организациях. В свою очередь, глубина конвергенции связана с цифровизацией отдельных элементов каждой функции

управления человеческими ресурсами. Например, среди организаций, которые осуществляют цифровой рекрутинг, могут быть те, которые реализуют лишь небольшую часть своей деятельности по найму персонала в качестве цифровой функции (например, публикуют

предложения о работе в электронном виде), в то время как другие организации могут цифровизовать весь процесс найма. Таким образом, глубина конвергенции отражает полноту цифровизации каждой функции управления человеческими ресурсами.

Заключение

В итоге исследования конвергенции управления человеческими ресурсами в организациях цифрового типа необходимо отметить следующее. Предпосылками конвергенции выступают конкурентные преимущества, проистекающие из радикального роста эффективности процессов операционного и стратегического управления. Эти преимущества возникают в результате синергии вовлечения информационных, материальных и человеческих ресурсов в деятельность организации на единой цифровой платформе. Конвергентные процессы в системе управления человеческими ресурсами развиваются по мере цифровизации различных процессов в организациях, которые по глубине их проникновения трансформируются от нецифровых в квази-цифровые и далее в цифровые организации. Именно в последних конвергенция управления человеческими ресурсами имеет место как во внутренней структуре (соединение цифровых технологий операционного и стратегического управления), так и в

среде межорганизационных взаимодействий (привнесение международных норм управленческой культуры и наилучших практик).

Конвергенция как самостоятельное явление, находясь в диалектической связи со своей противоположностью – дивергенцией – формирует разные типы управления человеческими ресурсами. Разный уровень присоединения организаций в цифровой платформе порождает дивергентный, квази-конвергентный, нестратегический и стратегический типы управления человеческими ресурсами, которые при этом не являются обособленными. Операционное и стратегическое управление человеческими ресурсами по мере цифровизации становится все более конвергентным. Механизм этого процесса основан на внедрении цифровых технологий, задачами которого выступают достижение количественных (внутрифирменных) и качественных (международных) показателей конвергенции, а ожидаемыми результатами – достижение её заданной широты и глубины.

Список литературы

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: ЭКСМО. 2016. 219 с.
2. Ветлуги К. Что такое НБИК? // В мире нано. 2010. № 3. С. 11-12.
3. Масленников В.В., Ляндау Ю.В., Калинина И.А. Организация цифрового управления персоналом // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2020. №1 (109). С. 87-92.
4. Хачев М.М., Албеков Х.Н. Использование цифровых технологий как фактор повышения системы менеджмента качества // Вестник Академии знаний. 2020. №4 (39). С. 350-353.
5. Ghoshal S. *Imagining the Digital future: How digital themes are transforming companies across industries* // *International journal of novel research in interdisciplinary studies*. 2015. Vol. 3(5). pp. 1-10.
6. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика. 1989. 519 с.
7. Томпсон-мл. А.А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа. М.: «Вильямс». 2007. 330 с.
8. Roehling M.V., Posthuma R.A., Hickox S. *Foundations of Understanding the Legal Environment of HRM in a Global Context* / In: Storey J., Wright P.M., Ulrich D. (eds.): *The Routledge Companion to Strategic Human Resource Management*. London: Routledge. 2009. pp. 71-89.
9. Barney J. B., *Firm Resources and Sustained Competitive Advantage* // *Journal of Management*. –1991. – Vol. 17 (1). – pp. 99-120.
10. Гладышева А.В., Горбунова О.Н., Чепурова И.Ф. Человеческие ресурсы и инновации как важнейшие составляющие конкурентных преимуществ компании // Социально-экономические явления и процессы. 2014. №11. С. 34-38.
11. Сычева И.Н., Кузьмина Н.Н. Ност производительности труда как системное преимущество инновационного развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. №11-3. С. 128-131.
12. Ягафарова Е. Ф. Устойчивость конкурентного преимущества фирмы с точки зрения ресурсной концепции // Известия ПГУ им. В.Г. Беллинского. 2008. №10. С. 30-35.
13. Strohmeier S. *Convergence or Divergence in Global e-HRM? General Foundations and Basic Propositions* // *Proceedings of the 3rd International Workshop on Human Resource Information Systems*. 2009. pp. 106-119.
14. Strohmeier S. *Digital human resource management: A conceptual clarification* // *German Journal of Human Resource Management: Zeitschrift für Personalforschung*. 2020. Vol. 34(3). pp. 58-71.
15. Хэ М. Типология цифровых организаций в условиях цифровой трансформации // Вестник Государственного университета управления. 2021. № 4. С. 50-56.

16. Антохина Ю.А., Губарева Е.Г. Сравнительный анализ классических матричных моделей формирования стратегий предприятия // Экономический вектор. 2019. №1 (16). С. 29-32.
17. Тимиргалеева Р.Р., Гришин И.Ю. Формирование и реализация стратегии цифровой трансформации бизнеса // Современная научная мысль. 2019. №2. С. 231-236.
18. Adler N.J.: *Cross-Cultural Management Research: The Ostrich and the Trend* // *Academy of Management Review*. 1983. Vol. 8. С. 226-232.
19. Уильямсон О. Логика экономической организации / В кн.: Природа фирмы: под ред. О.И. Уильямсона, С.Дж. Уинтера. М.: Дело, 2001. С. 135-174.
20. Поланьи К. О вере в экономический детерминизм / В кн.: Неформальная экономика. Россия и мир: под ред. Т. Шанина. М.: Логос. 1999. С. 505-513.
21. Богданова Е.Л., Бровка Г.М., Максимова Т.Г., Николаев А.С. Цифровая культура, навыки инновационного предпринимательства и управления интеллектуальной собственностью – компетенции будущего // Инновации. 2019. №10 (252). С. 101-109.
22. Елфимов А.Л. Эмическое – этическое // Культурология. Энциклопедия. Т. 2. М.: Росспэн, 2007. С. 1066-1067.
23. Schroeder H. *The importance of human resource management in strategic sustainability: An art of science perspective* // *Journal of Environment Sustainability*. 2013. Vol. 2(10). pp. 98-111.
24. Kassim R.T., Sherah K. *Antecedents and outcomes of Human Resource Information System (HRIS)* // *International Journal of Productivity and Performance Management*. 2012. Vol. 61(6). pp. 136-149.
25. Miles R.E., Snow C.C. *Fit, failure and the hall of fame*. New York: The Free Press. 1994. 288 p.
26. Таран Е.А. Конвергентные структурные сдвиги в экономике: дисс. канд. экон. наук: 08.00.01. Красноярск: СФУ. 2020. 189 с.

CONVERGENCE OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN DIGITAL ORGANIZATIONS

EZDINA Natalia P. – *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and History of Economic Science of the Plekhanov Russian University of Economics.*

DOTSENKO Elena S. – *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and History of Economic Science of the Plekhanov Russian University of Economics. Address: 43 Zatsepa str., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: dotsenko.ey@rea.ru*

Keywords: *convergent technologies, human resources, digital organizations, strategic management.*

Abstract

Currently, digitalization processes, diffusing into the management structure of modern organizations, form a new technological platform (convergent), connecting information, cognitive and managerial technologies in the system of operational and strategic management. In its highest form – an integrated digital organization – convergent processes create sustainable competitive advantages, the need for which is dictated by the increasing role of human resources in creating the values promoted by the organization in the external environment. In other types of organizations (non-digital, quasi-digital), convergence of technologies is not possible, which creates additional incentives for them to digital transformation. This article analyzes the types of human resource management convergence, in conjunction with its dialectical opposite – divergence. As a result, a typology of human resource management was developed (divergent, quasi-convergent, non-strategically and strategically convergent), which are in constant transformation. A mechanism for the convergence of human resource management is presented, which includes goals and objectives, tools for the implementation of digital technologies and the expected results of this process.

References

1. Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: EKSMO. 2016. 219 p.
2. Vetlugi K. *What is NBIC? // In the world of nano*. 2010. No. 3. pp. 11-12.
3. Maslennikov V.V., Lyandau Yu.V., Kalinina I.A. *Organization of digital personnel management // Bulletin of the REA named after G. V. Plekhanov*. 2020. No. 1 (109). pp. 87-92.
4. Khachev M.M., Albekov H.N. *The use of digital technologies as a factor in improving the quality management system // Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020. No.4 (39). pp. 350-353.

5. Ghoshal S. *Imagining the Digital future: How digital themes are transforming companies across industries* // *International journal of novel research in interdisciplinary studies*. 2015. Vol. 3(5). pp. 1-10.
6. Ansoff I. *Strategic Management*. M.: Economics. 1989. 519 p.
7. Thompson, Jr. A.A., Strickland A. J. *Strategic management: concepts and situations for analysis*. M.: "Williams". 2007. 330 с.
8. Roehling M.V., Posthuma R.A., Hickox S. *Foundations of Understanding the Legal Environment of HRM in a Global Context* / In: Storey J., Wright P.M., Ulrich D. (eds.): *The Routledge Companion to Strategic Human Resource Management*. London: Routledge. 2009. pp. 71-89.
9. Barney J. B., *Firm Resources and Sustained Competitive Advantage* // *Journal of Management*. –1991. – Vol. 17 (1). – pp. 99-120.
10. Gladysheva A.V., Gorbunova O.N., Chepurova I.F. *Human resources and innovations as the most important components of a company's competitive advantages* // *Socio-economic phenomena and processes*. 2014. No.11. pp. 34-38.
11. Sycheva I.N., Kuzmina N.N. *Nost of labor productivity as a systemic advantage of innovative development* // *Economics and Business: theory and practice*. 2020. No.11-3. pp. 128-131.
12. Yagafarova E. F. *Stability of the competitive advantage of the company from the point of view of the resource concept* // *Izvestiya PSU named after V.G. Belinsky*. 2008. No. 10. pp. 30-35.
13. Strohmeier S. *Convergence or Divergence in Global e-HRM? General Foundations and Basic Propositions* // *Proceedings of the 3rd International Workshop on Human Resource Information Systems*. 2009. pp. 106-119.
14. Strohmeier S. *Digital human resource management: A conceptual clarification* // *German Journal of Human Resource Management: Zeitschrift für Personalforschung*. 2020. Vol. 34(3). pp. 58-71.
15. He M. *Typology of digital organizations in the conditions of digital transformation* // *Bulletin of the State University of Management*. 2021. No. 4. pp. 50-56.
16. Antokhina Yu.A., Gubareva E.G. *Comparative analysis of classical matrix models of enterprise strategy formation* // *Economic vector*. 2019. No.1 (16). pp. 29-32.
17. Timirgaleeva R.R., Grishin I.Yu. *Formation and implementation of the strategy of digital transformation of business* // *Modern scientific thought*. 2019. No.2. pp. 231-236.
18. Adler N.J.: *Cross-Cultural Management Research: The Ostrich and the Trend* // *Academy of Management Review*. 1983. Vol. 8. pp. 226-232.
19. Williamson O. *Logic of economic organization* / In the book: *The nature of the firm: edited by O.I. Williamson, S.J. Winter*. M.: Delo, 2001. pp. 135-174.

-
20. Polanyi K. *About the belief in economic determinism / In: Informal Economy. Russia and the world: edited by T. Shanin. M.: Logos. 1999. pp. 505-513.*
21. Bogdanova E.L., Brovka G.M., Maksimova T.G., Nikolaev A.S. *Digital culture, skills of innovative entrepreneurship and intellectual property management – competencies of the future // Innovations. 2019. No. 10 (252). pp. 101-109.*
22. Elfimov A.L. *Emic – ethical // Culturology. Encyclopedia. Vol. 2. M.: Rosspan, 2007. pp. 1066-1067.*
23. Schroeder H. *The importance of human resource management in strategic sustainability: An art of science perspective // Journal of Environment Sustainability. 2013. Vol. 2(10). pp. 98-111.*
24. Kassim R.T., Sherah K. *Antecedents and outcomes of Human Resource Information System (HRIS) // International Journal of Productivity and Performance Management. 2012. Vol. 61(6). pp. 136-149.*
25. Miles R.E., Snow C.C. *Fit, failure and the hall of fame. New York: The Free Press. 1994. 288 p.*
26. Taran E.A. *Convergent structural shifts in the economy: dissertation of the Candidate of Economic Sciences: 08.00.01. Krasnoyarsk: SFU. 2020. 189 p.*

Анастасия ЗАБЕЛЛА

ДЖИБУТИ КАК ВАЖНЫЙ ЛОГИСТИЧЕСКИЙ ХАБ КИТАЯ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

Аннотация

В статье анализируются особенности взаимодействия КНР с Джибути в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП). Целью данной статьи является не только выявление причин заинтересованности Китая в расширении взаимодействия с Джибути, но и рассмотрение перспективных направлений сотрудничества между странами. В статье подтверждается тезис о том, что новая политика пятого руководства КНР во главе с Си Цзиньпином «перелистнула страницы» заветов Дэн Сяопина и перешла к активному строительству альтернативных американоцентричным систем портов для проецирования китайской силы в Индийском океане, который также является зоной противостояния Китая и Индии.

Теоретической базой исследования стала теория «властного транзита» (Power Transition theory), что предопределено усиливающейся

ЗАБЕЛЛА Анастасия Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. Адрес: Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. *SPIN*-код: 9465-8400. ORCID: 0000-0001-7088-5073. *E-mail*: zabella-aa@rudn.ru

Ключевые слова: Китай, Джибути, Африка, «Один пояс – один путь», логистический центр, морская база, сотрудничество «Юг – Юг».

конкуренцией иностранных государств в Африке, в том числе между КНР и США. Методологическую основу составили труды А. Ф. Органски, Я. Куглера, Д. Лемке, Р. Таммена. В статье особое внимание уделяется восьмой министерской встрече Форума китайско-африканского сотрудничества – 2021, новым контурам сотрудничества между странами, в том числе борьбе с COVID-19. Автор полагает, что, несмотря на ряд сложностей, в том числе влияние внешних факторов, стороны будут лишь наращивать взаимодействие в рамках Морского шёлкового пути XXI в. Помимо прочего, китайская сторона будет и дальше уделять большое внимание развитию диалога по линии «Юг – Юг» между КНР и Джибути. Развернувшаяся новая борьба за Африку между традиционными и новыми игроками континента будет стимулировать Китай к наращиванию своего присутствия в регионе.

Введение

Методологической основой статьи служит сформированная А. Ф. Органски [1, 2] и продолженная Я. Куглером, Д. Ламке и Р. Тамменом теория смены глобального лидерства в мировой системе. В научном сообществе многие ученые фокусируют свое внимание на возможности Китая стать гегемоном и перехватить пальму первенства у США [3, 4, 5, 6].

В данном случае речь пойдет об усиливающихся позициях КНР в Африке, в частности в Джибути, и о сопровождаемых этим усилением процессах.

Помимо прочего, стоит отметить, что в условиях нарастающей турбулентности международных отношений малые государства начинают по-новому себя позиционировать. Вполне уместно говорить о «теории средней державы» [7; 8], хотя Джибути и не является таковой, однако страна благодаря ди-

версификации партнёров и выгодному геополитическому положению получает большее пространство для маневрирования и новые возможности для демонстрации своего потенциала.

Китайская сторона в диалоге с африканскими партнёрами придерживается сотрудничества по линии «Юг – Юг», которое предполагает оказание материальной, финансовой, технической и другой помощи развивающимся государствам.

Важно отметить, что в случае Джибути продвигаемая коллективным Западом идея о неокOLONIALИЗМЕ Китая в Африке абсолютно неуместна ввиду отсутствия в стране природных ресурсов, однако нельзя исключать попадания Джибути в долговую ловушку. Экономика страны завязана на третичном секторе, что предопределяет заинтересо-

ванность Джибути в китайских инвестициях в сферу услуг, а также в участии в инициативе ОПОП. Несмотря на продолжающийся постковидный период, в 2021 г. торговля Китая со странами, участвующими в ОПОП, увеличилась на 23,6 %, что на 2,2 % больше, чем общий темп роста¹. По данным немецкого портала *Statista*, в 2017 г. внешний долг Джибути перед Китаем был выше, чем перед другими иностранными заёмщиками, и составил более 25 % ВВП страны². Внешний долг увеличился с 7,71 % в 2014 г. до 34,64 % в 2019 г.³, когда КНР стала крупнейшим кредитором Джибути. Основные обязательства по обслуживанию долга Республики Джибути перед КНР наступят до 2024 г. В случае невозможности своевременного погашения кредита речь может идти о таком термине, как *debt-trad diplomacy* [9], то есть конфискации активов государства-заёмщика со стороны государства-кредитора. Нарратив порта в Шри-Ланке обуславливает необходимость более взвешенного подхода государств-заёмщиков в получении китайских кредитов.

Фокус внимания сосредоточен на инициативе «Один пояс – один путь», которая была выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. и стала флагманским проектом пятого поколения руководителей Китая. Важность ОПОП подтверждается и тем, что в 2017 г. на XIX съезде Коммунистической партии Китая данная инициатива была включена в устав партии.

ОПОП является комбинацией двух проектов: Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) и Морского шёлкового пути XXI в. (МШП). Именно последний охватывает территории от Южно-Китайского моря до Африканского континента.

Помимо прочего, большое значение в развитии диалога между КНР и странами Африки играет Форум китайско-африканского сотрудничества, который был запущен в 2000 г. и придал диалогу институциональный характер. Не вызывает сомнения и то, что на развитие китайско-джибутийских отношений большое влияние оказывают встречи в рамках форума, так как они задают тональность последующего развития диалога между КНР и Африкой.

¹ Review of China's Foreign Trade in 2021 General Administration of Customs People's Republic of China // General Administration of Customs of the People's Republic of China. 14.01.2022 // URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/63ef2d4b-d9f8-411e-8424-34a08b11e3fd.html> (дата обращения: 10.02.2022).

² The Countries Most in Debt to China // Statista. October 14, 2019 // URL: <https://www.statista.com/chart/19642/external-loan-debt-to-china-by-country/> (дата обращения: 10.02.2022).

³ Brief: Public Debt in the Belt and Road Initiative (BRI) — How COVID-19 has Accelerated an Ongoing Problem of China's Lending // Green Finance and Development Center. December 8, 2020 // URL: <https://greenfdc.org/public-debt-in-the-belt-and-road-initiative-bri-covid-19/> (дата обращения: 01.02.2022).

Причины заинтересованности КНР в развитии диалога с Республикой Джибути

В целом причины заинтересованности Китая в укреплении своих позиций в Африке можно разделить на несколько блоков: экономические, геополитические, идеологические, транспортно-логистические и военные. Если говорить о Джибути, то все вышеперечисленные факторы оказывают большое влияние на заинтересованность Китая в Республике Джибути.

Геополитический блок

Республика Джибути является уникальным государством, расположенным в нестабильном регионе Африканского рога, но характеризующимся внутривосточной стабильностью. Государство расположено близ узкого пролива Баб-Искендер, который является восточной частью Баб-эль-Мандебского пролива. Столь выгодное геополитическое положение страны вызывает интерес не только у внешних игроков на континенте, таких как Франция, США, КНР, Япония и др., но и у внутренних, которые не имеют прямого выхода к морю, например у Эфиопии.

Причина, по которой Китай решил открыть базу ВМС в бывшей колонии Франции, где сильно

французское влияние, а также располагаются ВМС США и Японии, заключается в необходимости контролировать часть участка Морского шёлкового пути, проходящего вдоль берегов Джибути. Королевский институт международных отношений Великобритании выделяет восемь стратегических точек, располагающихся на важнейших морских путях. К ним относится и береговая линия Джибути.

Важную роль в продвижении инициативы на Африканском континенте играют государства Восточной Африки, в частности Эфиопия, Кения, Мозамбик, Мадагаскар и ЮАР, через которые пройдёт МШП. В связи с чем значимость Джибути возрастет ввиду необходимости обеспечения безопасности судам КНР, идущим по МШП.

Помимо прочего, база в Джибути поддерживает участие Китая в миротворческих операциях. В 2015 г. Си Цзиньпин заявил о необходимости наращивания вовлечённости КНР в проводимые под эгидой ООН миротворческие операции. Безусловно, для Китая имеет большое значение международная поддержка со стороны африканских государств.

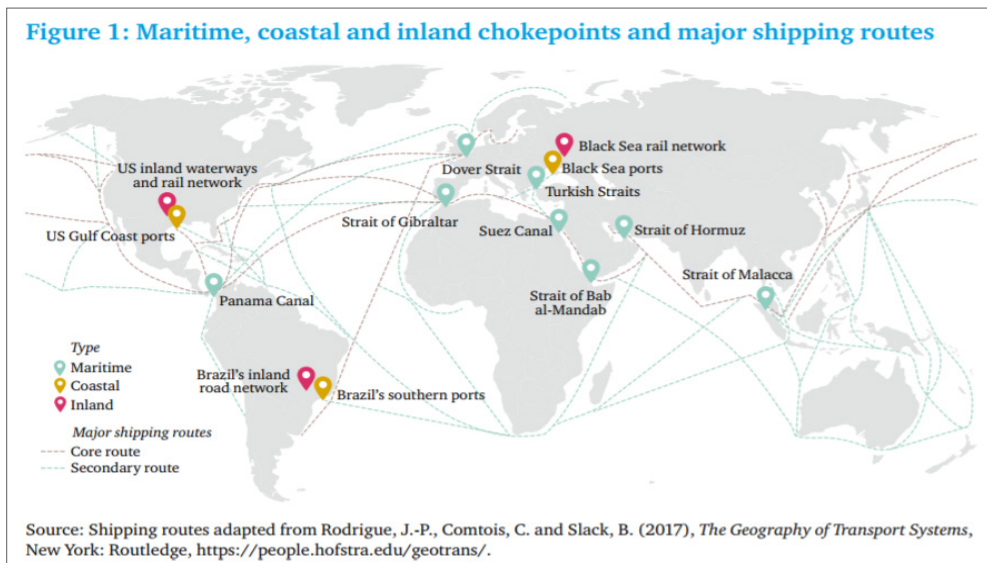

Рис. 1. Морские и прибрежные «узкие места» основных судоходных маршрутов⁴

Транспортно-логистический и военный блоки

Запуск в 2017 г. базы КНР в Джибути не только повысил возможности проецирования силы китайской стороны в районе Африканского рога, но и увеличил геостратегическую значимость Джибути как хаба для базирования Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

Стоит сказать, что на данный момент корабли НОАК базируются не только в Джибути, но и в Намибии (порт Уолфиш-Бей). Помимо прочего, в Танзании китайская сторона активно осуществляет строи-

тельство крупнейшего в Восточной Африке порта Багамо.

Налаживание системы портов расширит возможности проецирования китайской силы в Индийском океане – зоне противостояния Китая и Индии.

Экономический блок

Большой интерес для КНР в Джибути представляет сфера услуг, так как китайская сторона заинтересована в бесперебойных поставках ресурсов из других государств Восточной Африки через территорию Джибути и далее, в Китай, по МШП. В частности, китайская сторона активно наращивает взаимодействие

⁴ Источник: Rob Bailey, Laura Wellesley. Chokepoints and vulnerabilities in Global Food Trade // The Royal Institute of International Affairs 2017 // URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017-06-27-chokepoints-vulnerabilities-global-food-trade-bailey-wellesley-final.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

с Суданом и Южным Суданом, где находятся большие запасы нефти, и с Эфиопией, которая входит в топ-5 африканских стран по привлечению китайских инвестиций и является важным торговым партнёром. Эфиопия наряду с Танзанией и Мозамбиком входит в топ-10 получателей китайской помощи, куда направлены наибольшие объёмы инвестиций среди государств Африканского кон-

тинента в качестве финансовой помощи и прямых иностранных инвестиций [10].

Идеологический блок

На Африканском континенте усиливается конкуренция двух противоборствующих социально-политических моделей, что предопределяет идеологическую причину заинтересованности КНР в Африке.

Перспективные направления сотрудничества между КНР и Джибути

Перспективные направления кита́йско-африканских отношений находят отражение в нормативно-правовых документах. В 2021 г. вышла Белая книга, в которой были обозначены направления взаимодействия между КНР и Африкой в среднесрочной перспективе. Большое внимание уделено наращиванию взаимодействия по линии «Юг – Юг», что отвечает традиционному подходу Китая в развитии отношений с развивающимися странами. В центре внимания Белой книги также сотрудничество в рамках инициативы ОПОП.

Ключевая цель – оказание помощи другим развивающимся странам в реализации повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Особое место в Белой книге отводится концепции сообщества

единой судьбы человечества, которая даёт толчок наращиванию сотрудничества между КНР и международным сообществом, в том числе африканскими странами. Фокус Белой книги смещен на совместное решение глобальных проблем, особенно в области здравоохранения⁵.

Важное значение для анализа перспективных направлений кита́йско-африканского сотрудничества имеют концептуальные документы Форума кита́йско-африканского сотрудничества. Так, в ходе восьмой министерской встречи форума, проходившей в Дакаре (Сенегал), были приняты следующие документы: Дакарская декларация, Дакарская программа действия на 2022–2024 гг., Декларация о сотрудничестве между КНР и Африкой в борьбе с изменениями клима-

⁵ China's International Development Cooperation in the New Era // Xinhua. 10.01.2021 // URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.html (дата обращения: 30.01.2021).

та, а также «Видение сотрудничества между КНР и Африкой на период до 2035 г.». Вышеуказанные документы будут определять характер китайско-африканских отношений на ближайшие годы.

В ходе встречи Си Цзиньпином были названы 9 направлений, по которым будут в среднесрочной перспективе развиваться отношения между Китаем и Африкой: 1) медицина и здоровье; 2) борьба с бедностью и сельскохозяйственное развитие; 3) торговля; 4) инвестиции; 5) цифровые возможности; 6) зелёное развитие; 7) наращивание потенциала; 8) культурные обмены

и обмены между людьми; 9) мир и безопасность⁶. К новым направлениям сотрудничества стоит отнести борьбу с бедностью и сельскохозяйственное развитие, культурные обмены и обмены между людьми.

В Дакарской программе действий на 2022–2024 гг. указывается важность взаимодействия между сторонами в рамках ОПОП по вопросам продовольственной безопасности, в области зелёного развития, в области исследований и разработок зелёных технологий, энергосберегающих зданий и энергосберегающих объектов.

Заключение

Выгодное геополитическое положение, внутривосточная стабильность, развитые отношения с ключевыми партнёрами Китая в Восточной Африке способствуют не только превращению Джибути в оплот расширения китайского влияния на страны Африканского рога, но и трансформации страны в важный форпост китайского торгово-экономического проекта МШП. Основная цель МШП заключается в создании прочных цепочек поставок между Азией и Европой с прицелом на синоцентричную глобализацию.

Джибути для КНР является крайне привлекательным государством

для инвестиций в транспортно-логистическую сферу, создания транспортной экосистемы, расширения зоны свободной торговли на государства Восточной Африки.

Проведённый анализ позволил выявить причины заинтересованности КНР в Джибути: экономические, геополитические, идеологические, транспортно-логистические и военные. Помимо прочего, в Дакарской программе действия обозначены перспективные направления сотрудничества между КНР и Африкой, в том числе Джибути. В центре внимания западных партнёров КНР во главе с США по-прежнему имеет место курс на сдерживание Китая.

⁶ Keynote speech by Chinese President Xi Jinping at opening ceremony of 8th FOCAC ministerial conference // Official website of FOCAC. 02.12.2021 // URL: http://focac.org.cn/focacdakar/eng/hyqk_1/202112/t20211202_10461078.htm (дата обращения: 03.12.2021).

Список литературы

1. Organski A. F. K. *World politics*. New York: A. Knopf, 1958.
2. Organski A. F. K., Kugler J. *The war ledger*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
3. Acharya A. *Power shift or paradigm shift? China's rise and Asia's emerging security order // International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. No. 1. P. 158–173 // URL: <https://doi.org/10.1111/isqu.12084>.
4. Kai J. *Rising China in a changing world: Power transitions and global leadership*. Springer, 2016.
5. Zhang B. *Chinese foreign policy in transition: Trends and implications // Journal of Current Chinese Affairs*. 2010. Vol. 39. No. 2. P. 39–68 // URL: <https://doi.org/10.1177/186810261003900202>.
6. Zhang J. *China's new foreign policy under Xi Jinping: Towards 'Peaceful Rise 2.0'? // Global Change, Peace & Security*. 2015. Vol. 27. No. 1. P. 5–19 // URL: <https://doi.org/10.1080/14781158.2015.993958>.
7. Holbraad C. *Middle Powers in International Politics*. London: Springer, 1984. 244 p.
8. Wood B. 1987 *Middle Powers in the International System: A Preliminary Assessment of Potential*. World Institute for Development Economic Research Working Paper. 44 p. // URL: www.wider.unu.edu/publication/middle-powers-international-system (дата обращения: 08.02.2022).
9. DeBoom M. J. *Who is afraid of 'debt-trap diplomacy'? Geopolitical narratives, agency and the multiscale distribution of risk // Area Development and Policy*. 2020. No. 5 (1). P. 15–22.
10. Дегтерёв Д. А., Ли Я., Трусова А. А., Черняев М. С. Приоритетные направления российской и китайской помощи в целях развития странам Азии и Африки: сравнительно, сопоставительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 888–905. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-888-905.

ZABELLA Anastasia A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia. Address: 6 Miklukho-Maclay str., Moscow, 117198, Russian Federation. SPIN-code: 9465-8400. ORCID: 0000-0001-7088-5073. E-mail: zabella-aa@rudn.ru

Keywords: *China, Djibouti, Africa, "One Belt, One Road", logistics center, naval base, "South -South" cooperation.*

DJIBOUTI AS CHINA'S IMPORTANT LOGISTICS HUB IN EAST AFRICA UNDER THE "ONE BELT, ONE ROAD INITIATIVE"

Abstract

The article analyzes the features of China's interaction with Djibouti within the framework of the One Belt, One Road Initiative (OBOR). The purpose of this article is to identify not only the reasons for China's interest in expanding cooperation with Djibouti, but also to consider promising areas of cooperation between the countries. The article confirms the thesis that the new policy of the fifth leadership of the PRC, headed by Xi Jinping, "turned the pages" of Deng Xiaoping's precepts and actively switched to the construction of alternative US-centric port systems to project Chinese power in the Indian Ocean, which is also a zone of confrontation between China and India.

The theoretical basis of the study was the theory of "power transition" (Power transition theory), which is predetermined by the increasing competition of foreign states in Africa, including between China and the United States. The methodological basis was the works of A.F. Organsky, J. Kugler, D. Lemke, R. Tammen. The article focuses on the 8th Ministerial Meeting of the China-Africa Cooperation Forum 2021, new contours of cooperation between countries, including the fight against Covid-19. The author believes that despite a number of difficulties, including the influence of external factors, the parties will only increase interaction within the framework of the Maritime Silk Road of the 21st century. Among other things, the Chinese side will continue to pay great attention to the development of South-South dialogue between the PRC and Djibouti. The new struggle for Africa that has unfolded between the traditional and new players on the continent will stimulate China to build up its presence in the region.

References

1. *Organski A. F. K. World politics. New York: A. Knopf, 1958.*
2. *Organski A. F. K., Kugler J. The war ledger. Chicago: University of Chicago Press, 1980.*
3. *Acharya A. Power shift or paradigm shift? China's rise and Asia's emerging security order // International Studies Quarterly. 2014. Vol. 58. No. 1. P. 158–173 // URL: <https://doi.org/10.1111/isqu.12084>.*
4. *Kai J. Rising China in a changing world: Power transitions and global leadership. Springer, 2016.*

5. Zhang B. *Chinese foreign policy in transition: Trends and implications* // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2010. Vol. 39. No. 2. P. 39–68 // URL: <https://doi.org/10.1177/186810261003900202>.
6. Zhang J. *China's new foreign policy under Xi Jinping: Towards 'Peaceful Rise 2.0'?* // *Global Change, Peace & Security*. 2015. Vol. 27. No. 1. P. 5–19 // URL: <https://doi.org/10.1080/14781158.2015.993958>.
7. Holbraad C. *Middle Powers in International Politics*. London: Springer, 1984. 244 p.
8. Wood B. *Middle Powers in the International System: A Preliminary Assessment of Potential*. World Institute for Development Economic Research Working Paper. 44 p. // URL: www.wider.unu.edu/publication/middle-powers-international-system (accessed: 08.02.2022).
9. DeBoom M. J. *Who is afraid of 'debt-trap diplomacy'? Geopolitical narratives, agency and the multiscalar distribution of risk* // *Area Development and Policy*. 2020. No. 5 (1). P. 15–22.
10. Degterev D. A., Li Yan, Trusova A. A., Cherniaev M. S. *Priorities of Russian and Chinese Development Cooperation to Asia and Africa: A Comparative Analysis* // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018. Vol. 18. No. 4. P. 888–905. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-888-905.

ИСТОРИЯ

DOI: 10.48137/2311-6412_2022_2_114

УДК: 323.2

Андрей ГРОЗИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОЙ АЗИИ. ЧАСТЬ 1

Аннотация

В статье рассматриваются основные аспекты влияния исторической и околоисторической политики государств постсоветской Азии на внутривнутриполитическую жизнь в этих суверенных республиках. Влияние это является многоплановым, и тематика политики памяти как составной части идеологической политики страны со стороны официальных властей стран региона находится в сложном взаимодействии с использованием сложных вопросов новейшей истории страны различными лидерами мнений и групп населения, не входящих в структуры государственного управления. В силу стремления властей стран Центральной Азии, гражданских активистов, медиа (в первую очередь сетевых), структур НПО, историков и публицистов завуалировать политическую, конъюнктурную заинтересованность в использовании исторических тем для решения различных внутривнутриполитических задач многие аспекты процесса, который можно назвать «войнами памяти», скрыт от научного исследования. Настоящий текст также является попыткой рассмотреть степень влия-

ГРОЗИН Андрей Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 141410, Московская обл., г. Химки, пр. Мельникова, д. 2/1. *E-mail*: andgrozin@yandex.ru. *SPIN-код*: 5621-8571.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, история, историческая политика, национал-патриоты.

ния исторической политики на формирование в республиках региона ЦА новых идеологических основ существования политических систем.

Настоящая статья посвящена рассмотрению темы влияния исторической и околоисторической политики государств постсоветской Азии (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) на внутривосточную жизнь в этих суверенных республиках.

С точки зрения влияния на политическую жизнь в странах Центральной Азии (ЦА) оценок национальных историй значительное влияние оказывают отнюдь не научные работы, а разнообразная историческая публицистика и быстрорастущий массив материалов в медиасфере (особенно в сетевом пространстве). Повсеместно при этом наблюдается значительная эмоциональность публицистических материалов, в которых часто отсутствует различимая грань между политической и научной публицистикой, а история рассматривается авторами не как академическая научная дисциплина, а как прикладной инструмент политического воздействия на социум. Историческая публицистика в постсоветских азиатских республиках (за исключением Туркменистана с его исключительными условиями идеологического строительства и развития национальной науки) многократно превосходит научные ис-

следования и степень своего влияния на массовое сознание и, как следствие, на внутривосточную ситуацию в странах ЦА.

Исходя из указанного положения и элиты, и группы, им оппонирующие, учитывают чувствительность общественного сознания к вопросам изучения и трактовки исторической проблематики. Являясь составной частью политики памяти¹, историческая тематика за годы независимости центральноазиатских республик прошла ряд этапов и находится в фокусе внимания как официальных властей, так и всех значимых политических акторов общественно-политических процессов в республиках ЦА.

После распада СССР и краха коммунистической идеологии во всех центральноазиатских республиках началась поддержка и трансляция с помощью государственных ресурсов новых вариантов исторического знания, целенаправленно продвигаемых властями как отвечающих новому времени политических трансформаций с переходом от социализма к капитализму и новым общественным запросам.

Историческая публицистика и историческая наука являются при этом одними из практик, с опорой на которые политика памяти пред-

¹ Под политикой памяти (исторической политикой) нами понимается широкий комплекс целенаправленных и систематических усилий государственных институтов и негосударственных структур по воздействию, контролю и регулированию понимания обществом его исторического прошлого.

ставляет социуму различные образы прошлого. Конкретные исторические события при этом играют инструментальную роль исходной базы для реализации тех или иных проектов в идеологической сфере центральноазиатских республик.

Характерной особенностью тематики влияния политики памяти на социально-политическую ситуацию в странах региона является глубокая вовлечённость в данный процесс так называемых национал-патриотов. К национал-патриотам (их оппоненты в Казахстане также используют термины «нащпаты» и «национал-популисты») в республиках Центральной Азии причисляют лидеров общественного мнения и группы людей, выступающих за сохранение национальной идентичности своего народа, но делающих это преимущественно в агрессивных формах, ставя под сомнение и прямо ущемляя права других этнических групп своих стран. Особая роль национал-патриотизма как течения общественной мысли и, шире, направления настроений социумов государств Центральной Азии, влияющих на изменение интерпретаций различных исторических периодов, событий, фигур и т. д., подтверждается и тем, что он в разной мере, но во всех пяти республиках стал составной частью государственной идеологии. Политики, историки, общественные активисты и прочие лидеры общественного мнения ЦА «восстанавливают историческую справедливость», призванную мобилизовать нацию на строитель-

ство собственного национального государства в том виде, в каком оно им представляется идеальным.

Историческая наука не просто остаётся совокупностью фактов и событий, но и представляет собой противоречивый процесс развития государства и общества. Сложность и неоднозначность предмета создаёт почву для множественности идейно-политических трактовок и намеренных манипуляций для решения текущих политических задач. История остаётся важным инструментом государственной власти, поскольку её официальная версия служит основой для консолидации и мобилизации общества для сохранения и упрочения существующей политической системы. Данный процесс направлен как внутрь (создание базы массовой поддержки власти), так и вовне (различные модели влияния на соседей).

Поэтому и для официальной власти, и для национал-патриотов Центральной Азии историческая политика (включая широко распространённую в регионе борьбу за «престижных» предков – арийцев, гуннов Аттилы или Золотую Орду) является особо значимой. Профессиональные историки могут и должны создавать разные интерпретации исторических фактов, но при этом настоящий профессионал борется за точность и критическую выверенность установленных в сообществе учёных фактов. Лишь на основании такого подхода можно оценивать разные интерпретации имеющихся исторических фактов. Для оторван-

ного же от науки и системного исторического знания идеолога и пропагандиста главным является работа с массовым сознанием и продуцирование умонастроений под определённый внешний проект [1].

От того, как будет развиваться национал-патриотическое направление и каким образом государственные структуры ЦА будут взаимодействовать с растущим национализмом в своих странах, зависят перспективы общественно-политического развития всего региона. Как справедливо отмечал таджикский историк Хафиз Бобоев, «в течение последних трёх десятилетий изолированный и этноцентристский поиск идентичности и исторической действительности в странах ЦА перешёл все грани абсурда. Каждая страна желает доказать, что именно она имеет исключи-

тельное право на историческую память и культурное достояние на своей территории. Теперь все это воплощено не только в культурной среде, но ещё и закреплено в политическом строе стран ЦА, а также в социально-экономических отношениях центральноазиатских обществ. Учебники средних и высших образовательных учреждений написаны на основе ненаучного подхода к исторической действительности. Продолжается деструктивное отношение к материальному и духовному достоянию прошлого, которое в том числе упоминает и о неизбежности мирного сосуществования народов и государств региона. Всё это ведёт к недоверию между этническими и религиозными группами, а также к ущемлению их человеческих и гражданских прав» [2].

Историческая политика Казахстана и националисты

Республика Казахстан (РК) остаётся безусловным региональным лидером в области:

1) освещения в СМИ республики как самой темы национализма и национал-патриотизма, так и различной исторической и околоисторической публицистики, превосходя в этом плане все остальные республики региона вместе взятые;

2) уровнем общественного интереса к широкому кругу вопросов, связанных с «национальным вопросом» и политикой памяти;

3) степени практической вовлеченности разнообразных нацио-

нал-патриотов во внутреннюю политику государства.

До настоящего времени казахским националистам не удалось стать организованной и легитимной политической силой в республике, и к реальным рычагам государственного управления они начали «просачиваться» в индивидуальном порядке лишь в последние два-три года. Тем не менее их риторика постоянно присутствует в общественном дискурсе и пользуется поддержкой определённой доли населения. Некоторые казахстанские эксперты считают, что

эта поддержка растёт из года в год. При этом в идеологии этого направления общественных настроений и мыслей собственно патриотические убеждения чаще всего находятся на втором плане. В среде нацпатов преобладают идеи, пропагандирующие этническое, историческое и иное превосходство казахов в Казахстане при нетерпимости к России, русскому народу, русской культуре. Русофобия, а с конца 90-х гг. XX в. – и синофобия остаются идейным стержнем казахских национал-патриотов.

Национал-патриоты в Казахстане значительной частью экспертов оцениваются в качестве одного из неформальных, но интегрированных в политическую систему страны элементов. Учитывая это мнение, хотелось бы указать на то, что по мере развития и внутренних трансформаций политического режима страны место и роль в нём различных групп этноцентристского характера постоянно менялись. Если на начальных этапах казахстанской суверенной государственности националисты были весьма слабы, управляемы и совершенно зависимы от политической власти, играли по тем правилам, которые спускались им кураторами «сверху», то по мере приближения страны к периоду транзита высшей власти различные группы казахстанской элиты всё активнее начали формировать и поддерживать «свои» группы нацпатов. Националисты (и их влияние на значительную часть общества) постепенно превратились в один из ресурсов внутриэлитной борь-

бы. Стали они и значимым явлением социального характера. Каждый из более-менее известных нацпатов имеет свою аудиторию в соцсетях.

На тему взаимоотношений власти и национал-патриотов Казахстана повлиял стартовавший весной 2019 г. процесс транзита высшей власти в стране. К январю 2022 г. (попытка мятежа, окончившаяся переходом второго президента к полноценному и неограниченному руководству РК) в стране перестроилась система лиц, персонально курировавших казахстанскую идеологию в течение как минимум последнего десятилетия.

Казахстанский аналитик С. Султангалиев в интервью информгентству «Фергана» не только соглашается с тем, что игра между властью и нацпатами сложилась уже давно, но и выражает прямое беспокойство: смогут ли национал-популисты, причисляющие себя к творческой интеллигенции, остаться авторитетом для более радикальных националистов, когда те захотят взять власть в свои руки? «Ни для кого не секрет, что часть национал-патриотов негласно поддерживаются властями, которые используют казахских националистов для решения узких тактических задач, как правило в период парламентских и президентских выборов, – отмечал Султангалиев. – Однако подобного рода сотрудничество является, на мой взгляд, заигрыванием с джином в бутылке. И если в Акорде (резиденция президента РК. – Прим. авт.) полагают, что можно удержать под своим кон-

тролем национал-патриотов, то это глубокое заблуждение. Конечно, аффилированных с властями записных звёзд казахского национализма контролировать легко, но смогут ли последние обуздать националистическую стихию, если она начнёт бушевать по-настоящему? Это представляется весьма сомнительным» [3].

Различные аспекты национальной истории изначально всегда были и остаются одним из ключевых идейных направлений и умеренных, и радикальных этноориентированных сил в Казахстане. Лидеры мнений и граждане, придерживающиеся национал-патриотических взглядов на протяжении всех лет суверенного существования РК, всегда оставались активнейшими участниками всех «войн памяти», их оценки и мнения влияли на остальное общество, находящееся в процессе адаптации к новой социально-политической реальности. В силу этого имелось и имеется их влияние и на власть, занятую многолетним строительством некоей новой идеологии.

История остаётся одним из особо значимых средств «мобилизации чувства коллективной идентичности, которое способно в равной степени выступать орудием как интеграции и созидания, так и раскола общества (особенно полиэтнического казахстанского)» [4].

Как представляется с точки зрения влияния на политическую жизнь в стране оценок исторических событий в Казахстане, значительное влияние оказывают не на-

учные работы, а разнообразная историческая публицистика и материалы в различных медиа. Поэтому роль журналистов, литераторов, блогеров и общественных активистов в данном процессе изначально была велика. Историко-публицистический массив текстов (особенно по новейшей истории Казахстана) значительно превосходит по масштабам академические исторические работы. Публицистика на окологисторические темы многократно превосходит научные исследования и степень влияния на массовое сознание.

Основными темами казахстанской истории с периода перестройки и «стирания белых пятен истории» и до настоящего времени стали: проблема присоединения Казахстана к России, национально-освободительная борьба казахов в первой половине XIX в., восстание 1916 г., деятельность представителей национальной интеллигенции в начале XX в., партия «Алаш» и правительство «Алаш-Орды», коллективизация в Казахстане, трагедия коллективизации 1932–1933 гг., «большой террор» 30-х гг. XX в., Казахстан и Великая Отечественная война, освоение целины.

При этом первые годы независимости в РК характеризовались несистемным, эпизодическим контролем со стороны политической власти республики за всеми вышеуказанными процессами.

С конца 90-х гг. XX в. начался другой этап выстраивания новой политики памяти, который условно можно назвать «выборочно-бюро-

кратическим». Это время отличалось тем, что постепенно укоренилась практика, при которой и в исторических исследованиях, и в исторической публицистике обязательным становится получение соответствующих разрешений (формального или неформального характера) от уполномоченных государственных структур. Постепенно сокрлатилась та «вольница», которая наблюдалась в исторических и околосторических работах начального периода существования суверенного Казахстана.

Казахстанские власти при этом исходили из представления о том, что историческая наука и историческая политика должны объединять общество и этим укреплять молодую государственность. По мнению казахстанского «историка и активиста» [5] прозападно-либеральных взглядов Марата Сембинова, руководство РК «традиционно продолжает влиять на развитие исторической науки в Казахстане, считая её одной из главных составляющих идеологического воздействия на население» [6].

Отличительной особенностью любых казахстанских дискуссий на исторические темы был некий художественно-публицистический характер большого числа текстов о казахстанской истории. Литературный характер исследования тем трагедии коллективизации или репрессий предвоенного времени доминировал в Казахстане все годы суверенного существования. Это, как представляется, объясняется не только отсутствием глубокого и

системного взгляда на историю как науку у многих борцов за «патристическую историю», но и ментальными особенностями казахского этноса и значительной части его интеллектуальной элиты. Такими особенностями являются пристрастие к определённой «поэтизации», «олитературиванию» любых исследуемых тем и вопросов, желание оправдать мнимые или реальные исторические поражения и неудачи непреодолимым стечением обстоятельств или враждебными происками внешних сил, а также доминирование в казахском обществе в целом почтительного отношения к людям умственного труда. За гуманитарной интеллигенцией в Казахстане закрепился широко используемый в казахском обществе термин «зиялы қауым» (дословно – «интеллигентное общество», «учёная среда»).

Казахская интеллигенция (особенно гуманитарная), самопровозгласив себя «голосом нации», превратилась в отдельную социальную группу «профессиональных патриотов». Исходя из данного положения вещей, а также суровой взаимной борьбы за место главных выразителей интересов казахов им приходится транслировать всё более радикалистские и эмоционально напряжённые тезисы. Как отмечал директор «Радио Азаттык» («Радио Свобода») Едиге Магауин, «казахские интеллектуалы утверждают, что казахи пострадали во время голода (трагедия коллективизации в Казахской АССР. – Прим. авт.) намного больше других этни-

ческих групп Казахстана, что в других центральноазиатских республиках трагедии в таких опустошающих размерах не было. Казахские интеллектуалы настаивают, что Голод только лишь провалом советской политики коллективизации не объяснить. Многие из них воспринимают Голод как акт геноцида» [7]. Применительно к другим аспектам истории Казахстана демонстрируется тот же ультрарадикалистский подход.

Ультрапатриотическая риторика в сочетании с резким эмоциональным накалом, которой «национал-историки» сопровождают свои суждения, часто имеет под собой утилитарные соображения. Манипулируя ценностями традиционалистской казахской ментальности, нацпаты получают лёгкий и легитимный способ реализации практических интересов. Как отмечал историк Ж. Абылхожин, «посредством данной апелляции можно обеспечить такой «прорыв» к ресурсам, который не потребует от их вождельных соискателей каких-то высоких профессиональных или морально-нравственных качеств» [8, С. 289].

При этом казахские писатели в течение всех лет независимости республики оставались наиболее активной частью зиялы қауым, требующей неких политических оценок прошлого в духе и стилистике украинского подхода к теме голода 30-х гг. XX в.

Со второй половины первого десятилетия нового века казахстанские власти ещё активнее осущест-

вляли руководство всем комплексом исторической политики (через активизацию ряда государственных программ, наиболее масштабной из которых стала программа «Рухани жангыру» («Модернизация общественного сознания») [9], включающая разнообразные направления – от перевода казахского языка на латинскую графику до проектов «Сакральная география Казахстана» или «100 новых учебников на казахском языке») и последней крупной работой Н. Назарбаева на посту президента «Семь граней Великой степи», посвящённой исторической политике (опубликована 21 ноября 2018 г.) [10].

«Семь граней Великой степи» претендовала на статус этапной статьи, знаменующей новый этап в развитии государственной идеологии. Данный текст, фактически подводящий черту под современным этапом казахстанской политики памяти, появился неожиданно, без анонсов. Текст настолько переполнен «казахами» и «казахскостью», что спустя несколько дней, во время Гражданского форума, Назарбаев был вынужден отдельно внести ясность: «...все жители Казахстана – не только казахи – имеют свою историю. По Великой степи какие только народы не проходили. Они оставили свою культуру, своё понимание, знания, менталитет. Мы это всё впитали, поэтому казахский народ толерантен и ко всем относится равно» [11].

Структурно статья состоит из двух частей: «Пространство и время национальной истории» и «Мо-

дернизация исторического сознания». Во введении Назарбаев предсказуемо обосновал мысль, что история любого народа часто бывает старше, чем его формальная государственность, она берёт начало задолго до юридического оформления государства и, следовательно, народ следует рассматривать на всём протяжении его развития в потоке истории.

Актуализация темы формирования политики памяти в Казахстане последних лет стала закономерным итогом понимания руководством республики того, что в меняющихся внутри- и внешнеполитических условиях историческая политика должна находиться под плотным контролем. В противном случае возрастают риски превращения исторического сознания общества в зону полного господства национал-патриотических групп разной степени радикальности. Оценивая эту угрозу существующей политической и идеологической системам РК, власти страны стремятся к «централизации» исторической политики для недопущения формирования в перспективе оппозиционных себе общественных настроений и народных лидеров.

При этом все годы независимости руководство страны без особого желания касалось наиболее болезненных тем – трагедии коллективизации и репрессий 1930-х гг. в советском Казахстане. Объясняется это, по нашему мнению, не мифической «боязнью Москвы», а пониманием того, что активное озвучивание тематики наиболее болез-

ненных событий недавнего советского прошлого по украинскому сценарию может создать множество внутривнутриполитических рисков: раскол общества и правящего класса, рост социально-политического напряжения, вопросы исторической ответственности (большая часть казахстанской элиты связана кровнородственными связями с элитой советской), всплеск эмиграции из республики неказахского населения и т. д. Темы «казахского голодомора» (по-казахски – ашаршылык) и предвоенных репрессий остаются потенциально взрывоопасными, подрывающими внутривнутриполитическую стабильность.

Последние попытки национал-патриотов активизировать в общественном сознании болезненные исторические темы, накануне начавшегося весной 2019 г. транзита высшей власти в РК, во многом объяснялись именно ожиданием скорого начала серьёзных внутривнутриполитических перемен. Писатель Дмитрий Верхотуров кратко описал внутренние причины, побуждающие лидеров нацпатов снова и снова пытаться повлиять на процесс выстраивания казахстанской исторической политики, так: «Если речь идёт о людях вроде Азимбая Гали или Айдоса Сарыма, то больше всего жжёт их душу тот непреложный исторический факт, что современный Казахстан – как государство и в современных границах – создал Сталин... Сталин стоит у истоков современной казахстанской государственности, и национал-патриотам это очень не

по нраву... Для этого им как раз и нужен голод – главное средство для такого «исправления истории». Почему и зачем? Насколько я понимаю, им охота в Европу и они собираются дать Казахстану «европейский вектор»... Для этого им нужно, желательнее одним ударом, решить две задачи. Во-первых, отбросить сталинское наследие. Во-вторых, выставить себя жертвами сталинской политики, чтобы не отличаться от Польши или Чехии» [12].

Одновременно в Казахстане сохраняется внутриэлитный запрос на периодическое контролируемое возбуждение эмоций населения вокруг различных фактов казахстанской истории. Властная элита пытается сохранить себя в условиях значительных хронических социально-экономических проблем страны и неспособности их решить с помощью реальной, а не декларируемой модернизации. Достигается это в том числе и за счёт более активного использования этноцентристской и антироссийской риторики, стимулируя патриотические и изоляционистские настроения нацпатов и их опорных социальных групп. Как отмечают некоторые казахстанские эксперты, «те или иные телодвижения на партийном и политическом поле страны, тем более такие громкие проекты, как создание новой политической силы, не могут происходить без влияния определённых элитных группировок. Наблюдаемые тенденции есть отражение настроений антироссийского характера в некоторых группировках во властной элите» [13].

Стартовавший в 2019 г. процесс транзита власти актуализировал и тему советского периода в истории республики. Ещё осенью 2018 г. доцент Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ) П. Дятленко отмечал, что «у последовательной раскрутки темы есть конкретные политические цели. Во-первых, в Казахстане идёт политический транзит, что влияет на действия разных групп политической элиты. Среди них есть и сторонники однозначной ориентации на Запад, и сторонники националистического или религиозного пути развития Казахстана. Представители названных групп не заинтересованы в сохранении стратегических отношений с Россией» [14].

Как указывал историк Данияр Ашимбаев, «с каждым годом всё большее значение имеет демографический аспект: число казахов растёт, растёт запрос на «казахскость» или «казахизацию» истории. Прежние методики, основанные на советской модели, во многом утратили силу, и власть вынуждена реагировать. Включение национального, националистического, национал-популистского трендов в структуру государственной идеологии, периодически практикуемое Астаной, в какой-то степени снижает возможные риски разжигания межэтнических конфликтов и не даёт этим настроениям кристаллизоваться, что называется, на улице. Хотя при этом нельзя исключать чисто бюджетно-аппаратных манёвров и политической

игры части госаппарата, который формирует повестку дня под возможные сценарии транзита власти» [15].

Далее известный казахстанский эксперт указал на сложные перспективы дальнейшего влияния исторической политики страны на внутривнутриполитическую стабильность и внешнеполитические отношения: «Сейчас, поскольку историческая тема имеет идеологический оттенок, она прямо привязана и к современному менталитету, и к межнациональным отношениям. Можно сколько угодно делать Российскую империю или Советский Союз виновными в тех или иных бедах казахов, но это так или иначе будет иметь плохие последствия в отношениях казахов к славянам... Ещё в советское время историки писали в закрытых документах, что не надо скрывать неоспоримые факты, что это может ещё серьёзно аукнуться, тем более что та же «буржуазная пропаганда» в лице западной советологии и востоковедения активно «прокачивала» темы «колонизации», «геноцида», «ущемления интересов коренного населения», выпячивая весь возможный негатив. В какой-то степени нынешние национальные истории – это прямое следствие именно внешних оценок и пропаганды» [15].

Очевидно, что второму президенту Казахстана не нужна общественная радикализация групп населения по поводу той или иной трактовки исторических событий. Казахская власть (особенно после попытки мятежа в январе

2022 г., когда казахстанская государственность наглядно продемонстрировала свою уязвимость и неэффективность) демонстрирует стремление уйти от обсуждения потенциально конфликтных исторических тем, обращая большее внимание граждан на более нейтральные сюжеты, объединяющие, а не раскалывающие общество.

К таким темам относится рост интереса к теме Золотой Орды, фигуре самого известного казахского просветителя, писателя и философа Абая Кунанбаева, историческому наследию древнего города Туркестан и т. п.

Власти очевидно начинают понимать опасность превращения исторической политики в инструмент геополитического противостояния различных мировых центров и элемент внутриэлитной борьбы. В то же время для лидеров национал-патриотов «перефокусировка» подходов к национальной истории является неприемлемой. Во-первых, существует внутренний и внешний запрос на контент антироссийского и антикитайского плана. Во-вторых, стабильный внутривнутриполитический процесс, подкрепляемый общественным спонсорством, не позволяет реализовать различные личные стратегии: социальные лифты не откроются, как это, например, имело место на Украине в 2014–2015 гг. Поэтому наблюдаемая в течение 2020–2022 гг. пауза в подогревании общественного интереса к сложным темам истории страны может неожиданно и одно-

моментно завершиться в случае каких-либо серьёзных внутриво-

литических конфликтов и межэлитных противоречий.

Киргизия: особенности национального исторического сознания и попытки строительства общенациональной идеологии

В Киргизской Республике (КР) тематика, обобщённо называемая национал-патриотической, занимает заметное место как в текущей социально-политической жизни страны, так и в комментариях и оценках многочисленных СМИ. При этом имеется ряд особенностей, свойственных именно Киргизии.

Все внутриволиитические процессы в Киргизии имеют в значительной мере клановый характер. Абсолютная и бесспорная лояльность к «своему» племени и роду присуща киргизам на протяжении долгих столетий. Племя (уруу) и род (урук) всегда были главным объединительным началом в киргизской истории. Киргизские племена были самодостаточными образованиями и не спешили объединяться, поскольку каждое из них было в состоянии самостоятельно обеспечивать свои базовые потребности. Единственным мотивом к интеграции была внешняя угроза, но за последнее тысячелетие даже она не смогла объединить киргизов в единое государство.

Кроме высокого уровня влияния родоплеменного фактора на формирование национал-патриотического дискурса в КР, как и в Казахстане, большое влияние оказали попытки выстраивания государственной иде-

логии с привлечением различных методик исторической политики.

В этом плане Бишкек с обретением независимости в 1991 г. оказался в той же ситуации, что и руководство других постсоветских республик: необходимость конструирования новой идеологической основы государства, призванной заменить идеологический вакуум, консолидировать общество на основе комплекса идеологием, призванных обеспечить легитимацию новой государственности, была наущной необходимостью. Как и в других республиках ЦА, эта идеология в Киргизии конструировалась «сверху» с опорой на сформировавшееся ещё в советский период научное сообщество и отчасти на национал-демократическое движение, ставшее заметным фактором общественной жизни Киргизии ещё в перестроечные времена. Государству и его структурам отводилась роль главного оператора внедрения новой идеологии в массы населения. Особенностью Киргизии стало то, что сильного государства (относительно устойчивого и жёсткого авторитарного режима) в республике изначально не сложилось.

И в этом случае роль сыграла ярко выраженная региональ-

но-клановая раздробленность киргизских властных и интеллектуальных элит и сложившихся вокруг них групп. Сильная родоплеменная раздробленность порождала также наличие нескольких цивилизационно-культурных укладов внутри самого киргизского этноса. Влияла и сравнительно высокая полиэтничность страны (по данным переписи 1989 г., киргизы составляли 52,37 % всего населения Киргизской ССР [16]).

Общая слабость государственных институтов и вытекающий из вышеозначенных положений идеологический и политический плюрализм создали Киргизии репутацию «островка демократии в Центральной Азии» и воспрепятствовали появлению некоей обязательной и жёсткой идеологической конструкции, способной определять идеологическую атмосферу в обществе. Соседний Казахстан, например, несмотря на то что считается относительно либеральной страной по меркам региона, имеет некую цельную государственно-идеологическую систему, согласно официальной пропаганде, являющуюся идеологическим ориентиром для всех казахстанцев.

В Киргизии ничего похожего построить так и не удалось, но поиски государственной идеологии, национальной идеи и т. д. интенсивно продолжаются (главным образом в виде научной дискуссии, зачастую перерастающей в политическую полемику) все годы суверенного развития КР.

Власть посчитала, что основой будущей национальной идеологии

станет эпос «Манас» о легендарном богатыре Манасе, и предложила всем гражданам Киргизии следовать «семи заповедям Манаса»: единство и сплочённость народа; межнациональное согласие, дружба и сотрудничество; национальная честь и патриотизм; кропотливый неустанный труд и знания – путь к процветанию и благосостоянию; гуманизм, великодушие и терпимость (уважение человека, предков и будущих потомков); гармония с природой; укрепление и защита киргизской государственности [17].

При отсутствии зафиксированной истории, скудости письменной литературы «Манас», наряду с другими жанрами устной поэзии, заменил кочевому народу киргизов и письменную литературу, и изобразительное искусство, и театр. Сказание о герое состоит из нескольких сотен тысяч стихотворных строк и превосходит по объёму все известные эпические произведения мира.

С 1 сентября 2012 г. (при президенте А. Атамбаеве) у киргизских школьников появится новый предмет – манасоведение. Изучают эпос ученики 7 лет – с пятого по одиннадцатый классы. Манасоведение вводится в тех школах, где преподавание ведётся на государственном языке. Для тех, кто учится на русском, узбекском и таджикском языках, разрабатываются специальные программы. Главным идеологом этого ноу-хау стал президент Атамбаев. Эпического героя, объединившего киргизов, должны знать все, заявил он: «Манас – это реальный исторический образ. Скорее всего, прототи-

пом Манаса был человек, который создал когда-то Киргизский каганат. В этом году исполняется 1170 лет со дня, когда был образован Киргизский каганат. Об этом писали советские историки, например есть труды Бартольда. Даже есть такой термин, как «киргизское великодержавие», потому что границы каганата были от Сибири до Каспия. Манас был человеком, который смог объединить очень много народов» [18].

Много самых разнообразных материалов исторического и историко-публицистического характера (как серьезных, так и мифологизированных) появляется в Кырнете на различных интернет-порталах (например, в рамках отдельного сайта «История Кыргызстана и кыргызов»: посетителя встречает громадный массив информации, причём большинство материалов – на русском языке). На различных ресурсах КР также публикуется своеобразный исторический «винегрет» – серьезные материалы вперемежку с «фолк-истори». Киргизские историки, обнаружив в «Исторических записках» («Ши цзи») Сым Цяня, жившего в II-I вв. до н. э., упоминание, наряду с прочими, «государства Кыргыз», заявили, что киргизская государственность насчитывает 2200 лет. В КР традиционно много писалось об империи, «созданной киргизами» в IX в., которая «простиралась от Ангары и Байкала до Алтая и Семиречья, от сибирской тайги до Великой Китайской стены».

Тематика великодержавия, древнего национального величия и т. п., вообще, является одной из

массово обсуждаемых в Кырнете темой. Кроме того, она является составной частью и практического идеологического строительства в КР. Государственная власть при всех президентах заявляет внимание к исторической тематике, пытаясь использовать разнообразные идеи киргизского великодержавия [19; 20; 21] в идеологических построениях.

Ничего оригинального тут нет: те же процессы происходили и в других постсоветских республиках ЦА. При этом, если насчёт «первичности» того или иного народа между историками региона ведётся горячая полемика, то трактовки имперского и советского периодов во многом совпадают. В самой же КР, по словам доцента Кыргызско-Российского Славянского университета Павла Дятленко, есть «ряд тем, которые вызывают политические споры и спекуляции в информационном и политическом пространстве. В качестве таковых можно назвать историю отношений с ближайшими соседями, присоединение к Российской империи, советский период, создание государства, антироссийские и антисоветские выступления, отношения местной родовой знати с Российской империей и местной партийной номенклатуры с союзным центром» [22].

Особое место в национал-патриотической версии истории киргизов занимает тема восстания 1916 г. Вокруг неё много лет предпринимаются попытки, с одной стороны, консолидировать разрозненные и слабо связанные между собой этноцентристские группы и фигуры. С другой, она

является стержневой в стремлении ряда представителей элиты и гражданских активистов Киргизии добиться пересмотра «слишком тесной», по их мнению, внешнеполитической ориентации республики на Россию.

Особенностью КР в сравнении с соседями является то, что основным источником, подпитывающим «национальное историческое величие» Киргизии, был и остаётся Интернет.

В республике уже три десятилетия из издания в издание, с сайта на сайт кочуют рассуждения о том, что киргизы являются одним из древнейших народов Земли и когда-то владели чуть ли не всем миром [19]. Рядовой посетитель Кырнета может сделать вывод о том, что чуть ли не ежемесячно в Киргизии совершаются сенсационные открытия в национальной истории, когда сообщается, например, о том, что Тацит писал о Манасе, шумеры называли свою страну и народ Кенгиром, а хананейцы – Кинниром и что все эти слова происходят от киргизского «тенгир» [23]. Или что древние египтяне поклонялись богу солнца, которого называли Хемпри, богиня весны и плодородия у древних римлян Майя «происходит» от киргизской богини весны Умай эне, а «корни киргизского народа упираются на сотни тысяч лет – от 50 до 850 тысяч лет, до Великого потопа, наряду с таким великанами, как лемуры, затем и атланты» и т. д.

Мифологизация истории в КР отнюдь не ограничивается Кырнетом, не является лишь достоянием отдельных «нетрадиционных историков» и национал-активистов. Эксперт сайта «Ритм Евра-

зии» Ольга Богданович, пишущая на темы, касающиеся гуманитарных аспектов этнонациональной политики стран ЦА, указывает на то, что школьный и университетский предмет «История Киргизстана» – ровесник суверенитета страны. «За этот период мифологизация с лёгкой руки первого президента Киргизии академика и мечтателя Аскара Акаева стала едва ли не основным способом исторического восприятия. Не желая ударить в грязь лицом перед «древними» братскими странами, киргизские историки с благословения ООН и ЮНЕСКО в одночасье «состарили» киргизскую государственность на 2200 лет, а южную столицу страны город Ош – на 30 столетий, оставив позади античную Троию» [24].

Особенностью «новой исторической публицистики» Киргизии (помимо того что она в большинстве базировалась и распространялась в электронных СМИ и социальных сетях) стало её очень вольное отношение к соблюдению научных требований к методологии, подбору исторических фактов и критике источников, научной состоятельности выводов и оценок. Использование сомнительных в научном плане источников стало «визитной карточкой» и других постсоветских стран, но в КР стремление восполнить нехватку информации о героическом прошлом страны и титульного этноса приобрело особый размах, став в том числе и частью образовательного процесса [25].

Справедливости ради следует отметить, что в СМИ республики появляется всё больше критических статей киргизских учёных и журналистов, посвящённых стремлению национально ориентированных политиков, публицистов и общественников «утащить» страну в «древнее величие», отвлекающее от огромного числа текущих социально-экономических проблем, и, вообще, низкому качеству национальной элиты [26; 27].

Пока же в Киргизии весь комплекс государственных идеологем на фоне реальности – государственных институтов, раздираемых регионально-клановыми противоречиями и коррупцией, бюрократического произвола и массовой нищеты населения, – не только не стал основой консолидации общества, но не дотянул даже до уровня сколько-нибудь эффективной пропаганды, оставаясь до настоящего времени чистой абстракцией.

Список литературы

1. Масаулов С. Россия – Казахстан: О вреде войн памяти // URL: <https://ia-centr.ru/experts/sergey-masaulov/rossiya-kazakhstan-o-vrede-voyn-pamyati/> (дата обращения: 02.04.2022).
2. Парамонов В. Хафиз Бобоеров: в течение последних трёх десятилетий изолированный и этноцентристский поиск идентичности и исторической действительности в странах Центральной Азии перешёл все грани абсурда // URL: <http://ceasia.org/forum/806-khafizboboerovtadjikistan.html> (дата обращения: 18.03.2022).
3. Сурганов В. Уятмены на марше. Чем грозят Казахстану новые поборники старой морали // URL: <http://www.ca-portal.ru/article:40317> (дата обращения: 24.03.2022).
4. Грозин А. Мифологизаторство в современной историографии Казахстана: политологический аспект проблемы // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. № 2. История и политология. М., 2010. С. 106–120.
5. Султанбаева З. Мурат Ауэзов и Марат Сембин – об истории антиядерного движения в Казахстане // URL: <https://caa-network.org/archives/15763> (дата обращения: 18.12.2021).
6. Сембинов М. Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советских и постсоветских государствах. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 2003. 432 с.
7. Магауин Е. Трагедия, которую Казахстан не должен забыть // URL: http://rus.azattyq.org/content/Edige_Magauin/1357638.html (дата обращения: 12.03.2022).
8. Масанов Н., Абылхожин Ж., Ерофеева И. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 296 с.

9. Назарбаев Н. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания // URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press-conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения: 09.11.2020).
10. Назарбаев Н. Семь граней Великой степи // URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.zakon.kz%2F4946810-nazarbaev-napisal-statyu-sem-graney.html> (дата обращения: 09.11.2020).
11. Ковалёва Т. Назарбаев объяснил мотивацию своего послания «7 граней Великой Степи» // URL: <https://www.zakon.kz/4947869-nazarbaev-obyasnil-motivatsiyu-svoego.html> (дата обращения: 09.08.2019).
12. Верховуров Д. Национал-патриоты Казахстана хотят «исправить историю» // URL: <https://stanradar.com/news/full/31189-dmitrij-verhoturov-natsional-patrioty-kazahstana-hotjat-ispravit-istoriju.html> (дата обращения: 06.03.2022).
13. Казанцева О. Чужие среди своих, или Национальные особенности эмиграции по-казахстански // URL: http://iq.expert/aktsenty/ekspertnye-otsenki/?ELEMENT_ID=564 (дата обращения: 30.03.2022).
14. История на службе политики: Для чего в Казахстане раскачивают тему «голодомора»? // URL: <https://stanradar.com/news/full/31314-istorija-na-sluzhbe-politiki-dlja-chego-v-kazahstane-raskachivajut-temu-golodomora.html> (дата обращения: 21.02.2022).
15. «Семь граней Великой степи». Назарбаев предложил пересмотреть роль казахов в истории // URL: <https://eurasia.expert/sem-graney-velikoy-stepi-nazarbaev-predlozhit-peresmotret-rol-kazakhov-v-istorii/> (дата обращения: 01.04.2022).
16. Калишевский М. Кыргызстан: Идеология в состоянии «турбулентности» // URL: <http://www.fergananews.com/articles/7958> (дата обращения: 25.11.2013).
17. Эпос «Манас» – источник изучения этикета кыргызов // URL: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/culture/page,3,1476-epos-manas-istochnik-izucheniya-etiketa-kyrgyzov.html> (дата обращения: 22.03.2022).
18. Корнеева А. Киргизия проведёт богатырский эксперимент // URL: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/no_program/69031529/ (дата обращения: 17.03.2022).
19. Абдысадыр уулу А. Кыргызское великодержавие: карта державы // URL: <http://www.paruskg.info/2012/10/06/69530> (дата обращения: 19.12.2021).
20. Акерев Т. Каркырахан. Великий Кыргызский каганат // URL: <http://www.akipress.org/kg/history/news:13487> (дата обращения: 09.02.2022).
21. Звягинцев И. Кыргызское великодержавие: в прошлом или в будущем? // URL: <http://polit.kg/conference/1/155> (дата обращения: 15.03.2022).

22. Усупбаев А. Возвращение к Тениру // URL: <http://www.proza.ru/2010/09/08/302> (дата обращения: 19.08.2016).
23. Богданович О. Под предводительством «киргиза Аттилы» по страницам учебников по истории Киргизстана // URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2018-10-08--pod-predvoditelstvom-kirgiza-attily-p> (дата обращения: 03.03.2022).
24. Осмонов О. Дж., Керимова Ш., Жыргалбекова Г. История Кыргызстана и мировая история: Учеб. для 5 классов общеобразов. шк. Б.: Билим-компьютер, 2018. 208 с.
25. Нурушев Э. Правила бесправия в Кыргызстане. Суррогатная элита // URL: <http://members.vb.kg/2013/04/26/pravila/1.html> (дата обращения: 21.09.2021).
26. Ибраимов Т. Новая элита нужна Кыргызстану как воздух // URL: <http://www.24kg.org/community/149257-novaya-yelita-nuzhna-kyrgyzstanu-kak-vozdugh-chast.html> (дата обращения: 03.03.2018).

GROZIN Andrey V. – *Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Central Asia and Kazakhstan of Institute of the CIS Countries, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Address: 2/1 Melnikov Ave., Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141410. E-mail: andgrozin@yandex.ru*

Keywords: *Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, history, historical politics, national patriots.*

HISTORICAL POLITICS AS A FACTOR OF THE INTERNAL POLITICAL PROCESS IN THE COUNTRIES OF POST-SOVIET ASIA. PART 1.

Annotation

The article examines the main aspects of the influence of the historical and near-historical policies of the states of post-Soviet Asia on the domestic political life in these sovereign republics. This influence is multifaceted and the theme of memory policy as an integral part of the country's ideological

policy on the part of the official authorities of the countries of the region is in a complex interaction with the use of complex issues of the country's recent history by various opinion leaders and population groups outside the structures of public administration. Due to the desire of the authorities of the Central Asian countries, civil activists, media (primarily online), NGO structures, historians and publicists to disguise political, opportunistic interest in using historical topics to solve various domestic political problems, many aspects of the process that can be called "memory wars" are hidden from scientific research. The present text is also an attempt to consider the degree of influence of historical politics on the formation of new ideological foundations for the existence of political systems in the republics of the Central Asian region.

References

1. Masaulov S. *Russia – Kazakhstan: About the dangers of memory wars* // URL: <https://ia-centr.ru/experts/sergey-masaulov/rossiya-kazakhstan-o-vrede-voyn-pamyati/> (accessed: 02.04.2022).
2. Paramonov V. *Hafiz Boboerov: over the past three decades, the isolated and ethnocentric search for identity and historical reality in Central Asian countries has crossed all the boundaries of the absurd* // URL: <http://ceasia.org/forum/806-khafizboboerovtadjikistan.html> (accessed: 18.03.2022).
3. Sarganov V. *Uyatmen on the march. What do the new champions of the old morality threaten Kazakhstan with* // URL: <http://www.ca-portal.ru/article/40317> (accessed: 24.03.2022).
4. Grozin A. *Mythologizing in the modern historiography of Kazakhstan: the political aspect of the problem* // *Bulletin of the Moscow State University named after M. A. Sholokhov. No. 2. History and Political Science. M. 2010. pp. 106-120.*
5. Sultanbayeva Z. *Murat Auezov and Marat Sembini – about the history of the anti-nuclear movement in Kazakhstan* // URL: <https://caa-network.org/archives/15763> (accessed: 18.12.2022).
6. Sembini M. *The formation of the national history of Kazakhstan* // *National histories in Soviet and post-Soviet states. Moscow: Friedrich Naumann Foundation; AIRO-XX. 2003. 432 p.*
7. Magauin E. *A tragedy that Kazakhstan should not forget* // URL: http://rus.azattyq.org/content/Edige_Magauin/1357638.html (accessed: 12.03.2022).
8. Masanov N., Abylkhozhin Zh., Erofeeva I. *Scientific knowledge and myth-making in modern historiography of Kazakhstan. Almaty: Dykepress. 2007. 296 p.*
9. Nazarbayev N. *A look into the future: modernization of public consciousness* // URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/

press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (accessed: 09.11.2020).

10. Nazarbayev N. Seven facets of the Great Steppe // URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.zakon.kz%2F4946810-nazarbaev-napisal-statyu-sem-graney.html> (accessed: 09.11.2020).

11. Kovaleva T. Nazarbayev explained the motivation of his message “7 facets of the Great Steppe” // URL: <https://www.zakon.kz/4947869-nazarbaev-obyasnil-motivatsiyu-svoego.html> (accessed: 09.08.2019).

12. Verkhoturov D. National patriots of Kazakhstan want to “correct history” // URL: <https://stanradar.com/news/full/31189-dmitrij-verhoturov-natsional-patrioty-kazahstana-hotjat-ispravit-istoriju.html> (accessed: 06.03.2022).

13. Kazantseva O. Strangers among their own, or National peculiarities of emigration in Kazakh // URL: http://iq.expert/aktsenty/ekspertnye-otsenki/?ELEMENT_ID=564 (accessed: 30.03.2022).

14. History in the service of politics: Why is the topic of the “Holodomor” being rocked in Kazakhstan? // URL: <https://stanradar.com/news/full/31314-istorija-na-sluzhbe-politiki-dlja-chego-v-kazahstane-raskachivajut-temu-golodomora.html> (accessed: 21.02.2022).

15. “Seven facets of the Great Steppe”. Nazarbayev proposed to reconsider the role of Kazakhs in history // URL: <https://eurasia.expert/sem-graney-velikoy-stepi-nazarbaev-predlozhit-peresmotret-rol-kazahov-v-istorii/> (accessed: 01.04.2022).

16. Kalishevsky M. Kyrgyzstan: Ideology in a state of “turbulence” // URL: <http://www.fergananews.com/articles/7958> (accessed: 25.11.2013).

17. Epic “Manas” – the source of the study of Kyrgyz etiquette // URL: https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/culture/page_3.1476-epos-manas-istochnik-izucheniya-etiketa-kyrgyzov.html (accessed: 22.03.2022).

18. Korneeva A. Kyrgyzstan will conduct a heroic experiment // URL: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/no_program/69031529/ (accessed: 17.03.2022).

19. Abdysadyr uulu A. Kyrgyz Great Power: map of the state // URL: <http://www.paruskg.info/2012/10/06/69530> (accessed: 19.12.2021).

20. Akerov T. Karkyrakhan. Great Kyrgyz Khaganate // URL: <http://www.akipress.org/kghistory/news:13487> (accessed: 09.02.2022).

21. Zvyagintsev I. Kyrgyz Great Power: in the past or in the future? // URL: <http://polit.kg/conference/1/155> (accessed: 15.03.2022).

22. Usupbaev A. Return to the Tenir // URL: <http://www.proza.ru/2010/09/08/302> (accessed: 19.08.2016).

23. Bogdanovich O. Under the leadership of “Kirghiz Attila” on the pages of textbooks on the history of Kyrgyzstan // URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2018-10-08--pod-predvoditelstvom-kirgiza-attily-p> (accessed: 03.03.2022).

24. *Osmonov O. J., Kerimova Sh., Zhyrgalbekova G. History of Kyrgyzstan and world history: Studies for 5 classes of general types. shk. B.: Bilim-computer, 2018. 208 p.*
25. *Nurushev E. The rules of disenfranchisement in Kyrgyzstan. Surrogate elite // URL: <http://members.vb.kg/2013/04/26/pravila/1.html> (accessed: 21.09.2021).*
26. *Ibraimov T. Kyrgyzstan needs a new elite like air // URL: <http://www.24kg.org/community/149257-novaya-yelita-nuzhna-kyrgyzstanu-kak-vozdush-chast.html> (accessed: 03.03.2018).*

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»*

1. Для публикации в журнале принимаются статьи одной из рубрик:

- Политология
- История
- Экономика
- Особое мнение

2. В журнале печатаются статьи, ранее не опубликованные в других изданиях.

3. Все рукописи авторов проходят независимое рецензирование, в соответствии с результатами которого редакционная коллегия решает вопрос об их опубликовании.

4. Объем статей ограничен 14 страницами (включая рисунки, таблицы, список литературы). Авторы должны предъявлять высокие требования к языку рукописи.

5. Статьи принимаются в редакцию в электронном виде.

6. К статьям прикладывается выписка из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащая рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Если автор статьи не имеет возможности предоставить заверенную выписку, основное содержание статьи может быть заслушано на научном собрании Института стран СНГ, после чего участники собрания принимают решение о возможности публикации статьи, а председатель собрания формирует для нее соответствующие сопроводительные документы.

7. Подавая статью для публикации, автор заведомо соглашается, что его материалы, в соответствии с требованиями ВАК, будут размещены в открытом доступе в сети Интернет.

8. Гонорары за публикации не выплачиваются.

9. Автору или авторскому коллективу положен один бесплатный экземпляр журнала.

10. Редакция оставляет за собой право вносить изменения в текст статей с целью приведения его в соответствие с нормами русского языка и улучшения восприятия информации читателями. При этом редакция обязуется сохранять изначальный смысл высказываний автора.

* Полные требования к материалам и образец оформления статьи опубликованы на сайте <http://pstmaterik.ru/author-center/>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК»

Статьи предоставляются в редакцию в электронном формате MS Word; шрифт – Times New Roman, кегель – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5. Отступы с каждой стороны страницы 2 см.

Перед основным текстом статьи должны быть представлены на русском и английском языках:

- название статьи заглавными буквами;
- сведения об авторе:
 - фамилия, имя, отчество;
 - ученая степень, звание, должность;
 - полное название места работы автора и почтовый адрес (индекс, страна, город, улица, дом); При написании статьи авторским коллективом достаточно указания адреса ответственного автора.
 - адрес электронной почты;
 - ORCID автора.
- аннотация (объем – 3–4 предложения, не более 200 слов);
- ключевые слова (5–8 слов по теме статьи).

Название статьи на русском языке должно соответствовать содержанию статьи. Англоязычное название должно быть грамотно переведено на английский язык, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Текст статьи должен содержать разделы: введение (актуальность), основное содержание работы, заключение. Основной текст может делиться на части, имеющие самостоятельные заголовки. Они выделяются полужирным шрифтом, выравниваются посередине. Точка в конце не ставится.

Таблицы и рисунки должны быть хорошего качества. Таблицы нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Над таблицей указывается ее порядковый номер и название. Выравнивается по центру, выделяется полужирным шрифтом, например, **Таблица 1. Этнический состав Ханты-Мансийского округа на 2020 г.**

Рисунки нумеруются арабскими цифрами по порядку следования в тексте. Под рисунком указывается порядковый номер рисунка и его название. Выравнивается по центру, выделяется полужирным шрифтом (например, **Рис. 3. Динамика внешней торговли Казахстана в 2010–2020 гг.**).

Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях, статьи в общественно-политических газетах и журналах, авторефераты, диссертации, материалы конференций должны быть оформлены в виде внутритекстовых ссылок в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы через запятую с пробелом, например, [5, С. 43–49].

Ссылки на источники без авторства, статистические отчеты, архивные

материалы, комментарии автора могут быть приведены в постраничной сноске. Используется шрифт Times New Roman, кегель – 10 пт.

¹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф.1. Оп.1. Д. 194. Л. 15.

² Укрепить консенсус по развитию и создать путь к совместному процветанию // URL: <https://posol-knr-v-rf-rossiia-i-kitaj-sozdadut-put-k-sovmestnomu-prosvetaniuu.html>, дата обращения 20.10.2018.

³ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.

Список литературы является обязательной составной частью статьи. Материалы без библиографического списка к публикации не принимаются. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте. Список литературы составляется по порядку упоминания источников в статье. Если источник имеет DOI, его следует указать в конце библиографического описания. Ссылки на газеты и журналы должны включать название издания, дату выхода, автора, название цитируемого материала, страницу, номер и год выпуска. При наличии Интернет-адреса указывается дата обращения.

Например:

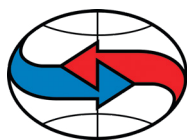
1. *Ефремов М.Е.* К вопросу об экономической стабильности. М.: Эксмо, 2009. 260 с.

2. Содержание и технологии образования взрослых: сб. науч. тр. // Институт образования взрослых / под ред. А.Е. Марона. М.: ИОВ. 2007.

3. *Лэтчфорд Е.* С Белой армией в Сибири. Российская газета. 2018. 9 сентября. С. 34–35 // URL: <http://rg.ru/2018/09/09/east-front-narod-latchford.html>, дата обращения: 19.07.2020.

4. *Вшняков И.В.* Модели и методы оценки коммерческих банков: дис. канд. экон. наук. М., 2002.

Список литературы (References) должен быть грамотно переведен на английский язык. Например, *Nechaeva A.M.* Stages of development and features of Chinese outbound tourism // *Problems of the Far East*. 2008. No. 4 (July-August). Pp. 120–132.

The Institute of the CIS countries

SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

POST-SOVIET MAINLAND

№ 2(34)

Moscow

2022

Chairman of the Board of founders – K.F. Zatulín

Publisher – Institute of Diaspora and integration (Institute of CIS countries)

Editorial board:

V.G. Egorov – editor-in – chief, doctor of economics, doctor of history, professor.

S.Ya. Lavrenov – chief editor, doctor of political science, professor.

O.V. Savina – editor.

E.A. Fadeeva – proofreader.

A.A. Gorbunov – design layout.

A.V. Manoilo – doctor of political science, professor of the Department of Russian politics at Moscow state University M. V. Lomonosov.

V.V. Stoll – doctor of political science, professor of the department International Relations of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, editor-in-chief of the "Observer " magazine.

A. A. Markarov – doctor of political science, professor of Yerevan state University.

M.V. Konotopov – doctor of economics, professor, deputy. manager Department of Economic Theory, IE RAS honored worker of science of the Russian Federation.

O.D. Kuznetsova – doctor of economics, professor of the Department of economic theory of the Russian University of Economics G.V. Plekhanov.

S.A. Baibakov – doctor of historical sciences, professor at Moscow state University M.V. Lomonosov.

M.A. Olimov – doctor of historical sciences, professor of the Department of foreign regional studies of the Tajik national University.

G. Maitdinova – doctor of historical sciences, professor of the Department of foreign regional studies and foreign policy of the Russian-Tajik (Slavic) University.

M.A. Rakhimov – doctor of historical sciences, professor of the Coordination and methodological center of modern history of Uzbekistan at the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

A.V. Abramov – candidate of political sciences, Associate Professor, Department of comparative political science Lomonosov Moscow State University, editor-in-chief of the Vestnik MGOU is an electronic magazine.

CONTENT

POLITICAL SCIENCE	4
Y. N. ADU. INTERNATIONAL TRANSPORT LIMITS DURING THE COVID-19 PANDEMIC AS POLITICAL CONTAINMENT	4
V. O. KROTKOV. IDENTIFICATION OF TRENDS IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS: THE FORMATION OF A NEW SUBJECTIVITY	12
N. I. MARGARYAN. TO THE ISSUE OF IRAN'S PRIORITIES IN THE SOUTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF REGIONAL TRANSPORT AND LOGISTICS PROJECTS	21
E. A. SHAPOSHNIKOVA. CONDITIONS FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE ELECTORAL PROCESS. REGIONAL AND MUNICIPAL LEVEL IN RUSSIA	30
ECONOMY	42
T. A. BULOKHOVA, V. A. OLENCEVICH. KEY ASPECTS OF FINANCING THE DEVELOPMENT PROGRAMS OF THE EAEU INFRASTRUCTURE COMPLEX ..	42
V. G. ABRAHAMYAN, S. A. PETROSYAN. THE NEW SILK ROAD AND THE DEVELOPMENTAL WAYS OF ARMENIA'S INTERNATIONAL TRAFFIC CORRIDORS	53
A. S. AKMATALIEVA. SPECIFICS OF NON-TARIFF REGULATION OF FOREIGN TRADE IN INTERNATIONAL LAW	61
E. YU. KATKOVA. CHINA'S INFRASTRUCTURE PROJECTS IN LATIN AMERICA (THE CASE OF PANAMA)	75
N. P. EZDINA, E. S. DOTSENKO. CONVERGENCE OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN DIGITAL ORGANIZATIONS	87
A. A. ZABELLA. DJIBOUTI AS CHINA'S IMPORTANT LOGISTICS HUB IN EAST AFRICA UNDER THE "ONE BELT, ONE ROAD INITIATIVE"	104
HISTORY	114
A. V. GROZIN. "HISTORICAL POLITICS" AS A FACTOR OF THE INTERNAL POLITICAL PROCESS IN THE COUNTRIES OF POST-SOVIET ASIA. PART 1.	114
RULES FOR SUBMITTING ARTICLES TO THE MAGAZINE "THE POST-SOVIET MAINLAND"	135
INFORMATION IN ENGLISH	138

«Постсоветский материк» – ежеквартальный общественно-политический научный журнал, учрежденный Автономной некоммерческой организацией «Институт диаспоры и интеграции» («Институт стран СНГ»). Основная задача издания – комплексный анализ процессов на постсоветском пространстве с точки зрения стратегических приоритетов Российской Федерации. В журнале также публикуются материалы о дальнем зарубежье, имеющие прямое или косвенное отношение к постсоветскому пространству. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внутривнутриполитических процессов, экономических, социальных и социокультурных проблем, сравнительного правоведения, межгосударственных отношений, вопросов безопасности и сотрудничества с учетом стратегических приоритетов РФ.

Журнал издается на русском языке и распространяется на территории Российской Федерации и в странах СНГ. Подписной индекс журнала в каталоге Пресса России 40622. Подписку также можно оформить на сайте: <http://www.akc.ru/itm/postsovetskiy-materik>

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Постсоветский материк» обязательна.

По вопросам получения контактных данных авторов, а также для приобретения журнала можно обращаться в редакцию. Журнал отпускается по себестоимости. Цена одного экземпляра составляет 400 рублей.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-55141
выдано 26 августа 2013 года.

Возрастная категория: 0+

ПОСТСОВЕТСКИЙ МАТЕРИК
Научно-аналитический журнал
№ 2(34), 2022

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3.

Телефоны: 8(499)799-81-62,

e-mail: pstmaterik@mail.ru,

сайт журнала: www.pstmaterik.ru

Подписано в печать 25.05.2022

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 11/Е

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект,
д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.

